

Петер Бранг

РОССИЯ НЕИЗВЕСТНАЯ

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
ВЕГЕТАРИАНСКИХ ОБРАЗОВ ЖИЗНИ
С НАЧАЛА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Петер Бранг
Россия неизвестная: История
культуры вегетарианских образов
жизни с начала до наших дней

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180693

*Россия неизвестная: История культуры вегетарианских образов жизни от начала до наших дней / Пер. с нем. А. Бернольд и П. Бранга: Языки славянской культуры; Москва; 2006
ISBN 5–9551–0138–1*

Аннотация

Россия имеет долгую традицию безмясного питания в периоды поста. Тем не менее современное вегетарианство, возникшее на Западе в середине XIX в. и переживающее теперь замечательный ренессанс, пришло к ней только в 1890–е годы. Благодаря влиянию Л. Н. Толстого, а также деятельности таких ученых, как А. Н. Бекетов и А. И. Воейков, в России до Первой мировой войны образовалось мощное вегетарианское движение. В книге впервые подробно, на основе архивных материалов, раскрывается его история. Показывается эхо вегетарианских идей в сочинениях Лескова, Чехова, Арцыбашева, В. Соловьева, Натальи Нордман, Наживина, Маяковского, а также художников Паоло Трубецкого, Репина, Ге и многих других. Изображаются судьбы вегетарианских обществ, ресторанов, журналов, отношение к вегетарианству врачей; прослеживаются тенденции в развитии этого движения вплоть до его подавления после 1917 года, когда вегетарианские концепты продолжали существовать только в «научной утопии» и в «научной фантастике».

Содержание

Предисловие	4
Предисловие к немецкому изданию	5
I. ВВЕДЕНИЕ	6
II. К ПРЕДЫСТОРИИ: ЭТИКА ОТРЕЧЕНИЯ В ЦЕРКВИ И СЕКТАХ	10
Экскурс: Г. Р. Державин и пост	18
III. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР	20
Экскурс: К истории терминологии	26
IV. РАННИЕ ПОПЫТКИ НАУЧНОГО ОБОСНОВАНИЯ	30
1. Первый манифест: А. Н. Бекетов	30
2. Вегетарианец в сибирской ссылке? Н. Г. Чернышевский	36
V. Л. Н. ТОЛСТОЙ: «СОЛНЦЕ ВЕГЕТАРИАНСКОГО МИРА»	43
1. Раннее становление: «единый Толстой»	43
2. «Это гибельное вегетарианство»	47
3. «Первая ступень»: возникновение и значение	52
4. Эхо в России и на Западе	58
5. Что говорит православная церковь?	61
6. Вегетарианство—веганство Толстого и его семья	64
7. Охота, любовь к животным и вегетарианский образ жизни	74
8. «Алкоголь и табак»	78
9. Духоборцы	82
10. Вегетарианство Толстого и советская власть	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Петер Бранг

Россия неизвестная: История культуры вегетарианских образов жизни от начала до наших дней

Предисловие

Автор этой книги очень рад, что теперь она выходит и в русском издании. С самого начала книга предназначалась для русского читателя. Именно ему она хочет вернуть аспект русской культурной истории, оказавшийся на долгое время забытым. Русское издание, в сравнении с немецким оригиналом, несколько расширено: в него были включены отдельные факты и тексты, которые могут вызвать интерес в первую очередь у русского читателя. Перевод книги, опирающийся на очень разнообразные стили использованных русских источников, был осуществлен Анной Бернольд совместно с автором. Оба переводчика весьма благодарны Михаилу Дымарскому (Санкт—Петербург) за чтение большей части рукописи и внесение многих поправок. Наконец, автор выражает искреннюю признательность издательству «Языки славянской культуры» за включение книги в свою программу.

Указание к принятой системе цитирования источников: Русские вегетарианские журналы: после знаков сокращения *ВО*, *ВВ* следуют год издания, двоеточие, номер выпуска и после пробела – указание страницы.

К полному собранию сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах (1928–1958) отсылает сокращение *ПСС*, за ним следует номер тома и после двоеточия – указание страницы.

Предисловие к немецкому изданию

Настоящий труд был написан в 1999–2002 гг. Его возникновению существенно способствовал ободряющим своим интересом к этой теме ряд коллег—славистов, указавших мне на тексты, не принятые во внимание, и оказавших мне библиографическую помощь. Это были: Моника Банковски (Цюрих), Тильман Бергер (Тюбинген), Эрих Бринер (Цюрих), Елизавета Шоре (Фрайбург—им—Брайсгау), Аннелоре Энгель

(Киль), Леонид Геллер (Лозанна) и Самсон Бройтман (Москва). От Людольфа Мюллера (Тюбинген) я получил сведения об отношении к вегетарианству Владимира Соловьева. Валентин Беленчиков (Магдебург) и Гельмут Кайперт (Бонн) внесли добавления к экскурсу в историю терминологии. Всех их сердечно благодарю.

Объявляю особую благодарность Российской государственной библиотеке (РГБ) и Государственному музею Л. Толстого в Москве, а также Российской национальной библиотеке в Санкт—Петербурге (РНБ). Кроме того, благодарю Архив Российской академии художеств (РАХ) в Санкт—Петербурге, Музей—усадьбу И. Е. Репина «Пенаты» и, наконец, Государственный музей истории религии в Санкт—Петербурге; хранитель рукописного отдела этого музея, Ирина Тарасова, оказала мне помощь в поисках документов по истории Московского вегетарианского общества (1909–1930). Museo storico artistico e del paesaggio (Палланца/Италия) и Ateneum in Taide Museo (Хельсинки) предоставили иллюстрации. Я смог воспользоваться фондами Центральной библиотеки в Цюрихе и, last, not least, Славянского семинара Цюрихского университета.

От Татьяны Павловой, президента межрегиональной общественной организации Вегетарианское общество (Москва), и от Николая Каланова, президента Евразийского вегетарианского общества (Москва), я получил информацию о положении вегетарианцев в сегодняшней России.

Свою благодарность выражаю также Швейцарскому национальному научному фонду. Издание книги не было бы возможным без присужденного мне значительного гранта. Издательство Бёлау (Кельн) благодарю за включение книги в план издания.

Самая большая заслуга в издании этой книги принадлежит моей жене. С самого начала она терпеливо сопровождала ее возникновение, внося критические замечания и поправки. Именно ей и посвящается эта книга.

Карин посвящается

I. ВВЕДЕНИЕ

Замысел этой книги возник осенью 1977 г. во время моих библиотечных разысканий в Москве. Собирая материалы для «Аннотированной библиографии по славянской социолингвистике»¹ в каталогах Библиотеки им. Ленина, в поисках очередного «вестника», я совершенно случайно с большим удивлением наткнулся на заголовок «Вегетарианское обозрение». Карточка была неполной (такова она, по—видимому, и сейчас). То, что, кроме выпусков этого журнала за 1909–1914 гг., существует издание 1915 г., я узнал только в 1999 г. при проверке в Толстовском музее.

Пусть этот эпизод – не считая множества других, приводимых ниже, – послужит первым свидетельством того, как тщательно все вопросы, связанные с вегетарианством, были табуированы в Советском Союзе. Я не имел ни малейшего представления (как, вероятно, и большинство русских) о том, что в дореволюционной России были распространены вегетарианские идеи и соответствующий образ жизни. Создатель русской климатологии, активный пропагандист вегетарианства А. И. Воейков в течение многих лет возглавлял Петербургское вегетарианское общество и представлял Россию на международных съездах вегетарианцев – обо всем этом умалчивается как в посвященных ему источниках, так и в статьях энциклопедий и монографиях. Первая основательная работа о вегетарианстве Толстого – статья В. И. Порудоминского «Л. Н. Толстой и этика питания» – не случайно появилась только в 1992 г., через год после распада Советского Союза. Знаменательно также, что в том же году в Минске вышел русский перевод польской книги о вегетарианстве², причем в оправдание этого издания (тиражом в 100 000 экземпляров!) указано, что в русских научных и научно—популярных изданиях публикации по этим вопросам ограничиваются немногими высказываниями и что в течение многих лет в России господствовало отрицательное отношение к вегетарианству, тогда как за рубежом был накоплен значительный опыт научного изучения вегетарианства³.

И в Западной Европе знания о вегетарианстве и его истории остаются скудными. Впрочем, за минувшие семьдесят лет появился ряд крупных исследований, начиная с фундаментальной работы Иоганна Гаусслеитера о вегетарианстве в античные времена (*Johannes Haussleiter. Der Vegetarismus in der Antike*, 1935) и кончая исследованиями по истории вегетарианства Джанет Баркас (Janet Barkas 1975), Колина Спенсера (Colin Spenser 1993; 2000), Альберта Вирца (этюда о М. Бир—хер—Беннере и Джоне Келлоге; Albert Wirz 1993); следует отметить также очень информативную статью Ганса—Юргена Тойтеберга о социальной истории вегетарианства в Германии (*Hans—Jurgen Teuteberg. Zur Sozialgeschichte des Vegetarismus in Deutschland*, 1994), карманный научный справочник по диетологии Клауса Лейтсмманна и Андреаса Гана (*Claus Leitzmann, Andreas Hahn. Vegetarische Ernährung*. UTB 1996) и докторскую диссертацию Евы Барлёзиус «Натуральный образ жизни. К истории реформы жизни на рубеже XX века» (*Eva Barlosius. Naturgemasse Lebensführung. Zur Geschichte der Lebensreform um die Jahrhundertwende*, 1997)⁴. Большое количество (83!) интересных текстов из всеобщей истории дискуссий о питании собрано в антологии «Жить. Убить. Есть: Антропологические масштабы» (*Leben. Toten. Essen: Anthropologische Dimensionen*, 2000). Питание и вегетарианство, натуральные методы лечения и санатории – эти и другие темы затрагиваются в двух весьма содержательных каталогах, сопровождавших дармштадтскую выставку «Реформа жизни» (2001), но при этом данные по России в них, к сожалению, не были учтены⁵.

Целью моей книги является рассмотрение судеб вегетарианства в России в контексте развития русской культуры и литературы. Со времен античности в вопросах сознатель-

ного вегетарианства (независимо от того, какие побуждения, этические или гигиенические, лежали в его основе) ведущую роль всегда играли представители интеллигенции – философы, поэты, художники. Вспомним хотя бы Пифагора, Овидия, Плутарха, Леонардо да Винчи, Перси Б. Шелли или Бернарда Шоу. Так было и в России. Ряд русских писателей, художников и ученых самых разных отраслей, входивших в окружение Л. Н. Толстого, по его примеру стали вегетарианцами. Их отношение к вегетарианству, их мотивы, их положение среди окружения, в целом непонимающего, а порой даже враждебного, воздействие вегетарианского образа жизни на их творчество я и попытаюсь охарактеризовать в маленьких биографических очерках, рассматривающих отдельные случаи вегетарианства (Fallstudien). Толстой оказал огромное влияние на формирование вегетарианских идей в России, его путь к растительному режиму питания представляет большой интерес и, разумеется, очень подробно документирован – ему и его окружению посвящена отдельная глава книги.

Наряду с этим, объектом всестороннего рассмотрения являются организаторские усилия русских вегетарианцев, направленные на распространение их воззрений: основание журналов и издательств, открытие вегетарианских столовых, объединение их в вегетарианские общества. Эти процессы до сих пор не были исследованы. Между тем они свидетельствуют о том, что Россия накануне Первой мировой войны и в этой области принимала непосредственное участие в культурной жизни Западной Европы.

Мало известно, что эсперанто, очень распространенное именно в России, несмотря на незначительную роль славянских языковых элементов в его составе, представляет интерес не только как мировой вспомогательный язык, но и с точки зрения этических соображений; вряд ли известен и тот факт, что между приверженцами эсперанто и вегетарианцами установились тесные связи и что в августе 1908 г. в Дрездене был основан «Международный союз эсперантистов—вегетарианцев» – Толстой письменно выразил согласие быть почетным президентом этого союза. К. Спенсер и Дж. Баркас в своих изложениях истории вегетарианства не упоминают о связях, существовавших между эсперантистами и вегетарианцами. Только немного пока известно о доле участия еврейской части населения царской России в распространении вегетарианства. Чтение главы «The Rise of the Vegetarian Cookery Book» из книги Колина Спенсера «The Heretic's Feast. A History of Vegetarianism» натолкнуло меня на мысль включить в монографию небольшую главу о вегетарианских поваренных книгах, не заслуживающих, впрочем, такого названия с точки зрения сыроедов.

В подзаголовке моей книги говорится о «вегетарианском образе жизни». «Но рыбу же Вы едите?» – с этими и другими подобными вопросами вегетарианцы сталкиваются постоянно. Есть много разновидностей «вегетарианства»: начиная с лактоовоовегетарианства, веганства, исключаящего из рациона продукты животного происхождения, и сыроедства, не принимающего вареные продукты, и заканчивая фрукто—едами, или фрукторианцами, питающимися исключительно фруктами и овощами (Fruitarianism). Расхождения между отдельными направлениями зачастую просматриваются очень отчетливо. Особенно глубока пропасть между теми, кто потребляет молочные продукты, и веганцами. Последние склонны смотреть на лактоовоовегетарианцев как на вегетарианцев ненастоящих, остановившихся на полпути, по той причине, что потребление молока все—таки в той или иной форме предполагает скотоводство, а стало быть, косвенно допускает целенаправленное убийство животных.

Все перечисленные разновидности вегетарианства были представлены в последние десятилетия XIX – начале XX века и в России, а разногласия между теми, кто последовательно отказывался от продуктов животного происхождения, и вегетарианцами менее строгими в этическом отношении были особенно явны.

Дискуссии, которые имели место в России, выявляют широкую гамму позиций: начиная с требования исключить убийство человеческих существ (войну, смертную казнь), отка-

заться от убоя животных – и заканчивая призывом к бережному отношению к растительному миру (человек «автот—рофный»). Это связано с большим влиянием, которое оказал на вегетарианское движение в России Л. Н. Толстой; но тут, вероятно, не обошлось и без влияния «внутренней формы» семантического поля русских слов, обозначающих умерщвление животных: *убить, убой, убоина, бойня*. Этимология здесь прозрачна. Именно поэтому прилагательное «безубойный» (без убиения) стало синонимом слова «вегетарианский» посредством оживления внутренней формы. Так, например, сборник высказываний знаменитых людей о вегетарианстве, изданный Толстым в 1903 г., получил название «Безубойное питание, или вегетарианство». Вместе с тем велись острые дебаты по вопросу, в какой степени вегетарианское питание действительно может обойтись без «убийства».

Немало труда стоило мне собрать материал, не в последнюю очередь – в связи с табуированием темы «вегетарианство» во всем мире, разумеется, прежде всего – в «плотоядной» среде. Важными источниками оказались журналы русских вегетарианцев – их было три до 1917 г., они выходили в разное время, и сегодня представляют собой крайнюю библиографическую редкость; кроме того, источниками послужили сочинения писателей, монографии о художниках, а также те немногие этюды по истории вегетарианства, о которых уже говорилось выше, и некоторые другие книги, в частности «*Philosophie des Vegetarismus*» Фридриха Ясковского (1912). Разумеется, я постарался установить, какой отклик судьбы русского вегетарианства нашли в немецкоязычных вегетарианских журналах. В целом я должен был опираться на печатные источники. Поскольку русские вегетарианцы не успели создать всероссийской организации до событий 1914–го и 1917–го гг., то центрального архива не существует. (Решение о создании такого архива было принято в 1913 г. – см. гл. VII.) Ведь даже сами редакции вегетарианских журналов были вынуждены просить о том, чтобы им со всех концов страны присылали материалы, освещающие «вегетарианскую жизнь»⁶.

Тем не менее, в своих разысканиях мне удалось воспользоваться некоторыми важными архивами, а именно: архивом Государственного музея истории религии в Санкт—Петербурге, в котором хранится большая часть актов Московского вегетарианского общества, научно—библиографическим архивом Русской академии художеств, архивом Государственной российской библиотеки (бывшей Библиотеки им. В. И. Ленина), а также архивом Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Учитывая широту моей темы, рассмотрение сведений об истории русского вегетарианства, хранящихся еще в архивах, – задача, для выполнения которой усилий одного человека недостаточно. В таком случае пришлось бы просмотреть многочисленные отдельные архивные собрания, прежде всего писателей и художников, а это – колоссальная работа, уже в силу того, что эти архивы разбросаны по разным городам России. Некоторые из моих данных в дальнейшем будут, скорее всего, уточнены или дополнены. Александр Солженицын, не имевший доступа ко многим источникам во время работы над «Архипелагом Гулаг», особо подчеркнул, что он дал ту информацию, которой располагал на тот момент, и в случае, если ему предоставят другие засвидетельствованные факты, то он готов будет их принять⁷. Такую готовность к поправке могу выразить и я – в обстоятельствах поистине совсем других.

Немало затруднений возникло при распределении очень богатого и разнообразного материала. Пусть читатель снисходительно отнесется к иным повторениям. Они, на мой взгляд, позволяют придать отдельным главам больше законченности и, таким образом, отвечают разным читательским интересам; по возможности, на повторения указывается в сносках.

Предложенная книга представляет собой научное исследование. Но дабы не лишить читателя удовольствия при чтении того или иного эпизода, указания на источники и добавочные комментарии помещены в конце книги.

Надеюсь, что моя работа, пусть немного, даст повод к размышлению о наших привычках питания. Готовность отдельного лица, хотя бы на малую толику, изменить собственный режим питания могла бы противодействовать ложным тенденциям нашей жизни. Не является ли непостижимым абсурдом то, что, при голоде, поразившем огромную часть нашей планеты, одно из самых больших бедствий промышленных стран Запада – переедание и избыточный вес? «Хоть раз поесть бы досыта!» – как по—разному звучит этот возглас в устах женщины в Эфиопии или же дамы в Дюссельдорфе! Миллиарды истрачиваются на борьбу с различными последствиями избыточного питания: в одной Германии в 2000 г. на это было потрачено не меньше тридцати миллиардов немецких марок. И все же, если говорить о мясе, то все усилия остаются направленными на снижение цен, на количество, а не на качество в самом широком смысле этого слова. Потребовалась эпидемия коровьего бешенства, чтобы дать паузу на размышления – очень уж, может быть, короткую. Сетования Адама Маурицио, автора основополагающего сочинения «Die Geschichte unserer Pflanzennahrung», актуальны и сегодня: о философских и нравственных основаниях растительного питания мы ничего не узнаем ни из истории философии, ни из медицинской критики вегетарианства. «Очень поучительны высказывания великих людей о растительном питании, об убое и убийении животных – они стоят размышления»⁸. Иные из этих высказываний читатель найдет в эпиграфах к отдельным главам данной работы.

II. К ПРЕДЫСТОРИИ: ЭТИКА ОТРЕЧЕНИЯ В ЦЕРКВИ И СЕКТАХ

Тогда сказал Даниил Амелсару, которого начальник евнухов приставил к Даниилу, Анании, Мисаилу и Азарии: сделай опыт над рабами твоими в течение десяти дней; пусть дадут нам в пищу овощи и воду для питья. И потом пусть явятся перед тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царскою пищею, и затем поступай с рабами твоими, как увидишь. Он послушал их в этом, и испытывал их десять дней. По истечению же десяти дней лица их оказались красивее, и телом они были полнее всех тех отроков, которые питались царскими яствами.

Книга пророка Даниила 1, 11—15¹

В России идеи вегетарианского образа жизни имеют долгую традицию, определенную православной религией. Для русского монашества, в отличие от западного (за исключением траппистов и картезианцев), качественный пост – воздержание от употребления мяса – является основным положением. Для простых верующих этот завет имеет силу только во время Великого поста, начиная с Недели мясопустной и заканчивая Пасхой. Кроме того, православная церковь знает еще Петров пост – с Троицына дня до дня святых Петра и Павла 29 июня, Успенский пост – с 1 августа до Успения Богородицы 15 августа – и Рождественский пост, который длится 40 дней, с 15 ноября до наступления Рождества. Наряду с этими четырьмя великими постами есть однодневные, в среду и в пятницу, а также несколько других. Таким образом, общее число постных дней в церковном году составляет больше 220. И в жизни верующего православного мирянина пост играл и играет большую роль, чем в церквях Запада². В 1906 г. Дженни

Шульц (Москва), одна из первых активисток вегетарианства в России³, сообщала читателям выходившего во Франкфурте—на—Майне журнала «Vegetarische Warte»: «Многочисленные, в большинстве случаев длительные периоды поста соблюдаются богатыми и бедными людьми, в городе и на деревне, с большой добросовестностью. Это и является причиной того, что здешнее население так легко расположить к вегетарианству. И русская женщина, в сравнении с другими народами, больше склонна к нашему делу. Стало быть, здесь хорошая почва для вегетарианства. Не хватает только пропаганды»⁴.

Еще в «Повести временных лет» в записи от года 1074 (6582) упоминается о смерти игумена Феодосия, увещевавшего монахов поститься: «Постное бо время очищает ум человеку». Там же сообщается, что у игумена Стефана, наследника Феодосия, монахи были благочестивы: «такы чернь—це яко светила в Руси сияют. Ови бо бяху постници крепци, ови же на бденье, ови на кланянье коленное, ови на поще—нье чрес день и чрес два дни. Ини же ядуше хлеб с водою. Ини зелье варено. Друзии сыро». О Феодосии известно, что он сам ходил за Антонием. «Се же бысть дивно чудно яко за 2 лета лежа си ни хлеба не вкуси ни воды ни овоща ни от ка—каго брашна»⁵.

Не случайно говорится о воздержании от употребления мяса в житии святого, деятельность которого была связана с наивысшим процветанием русского монашества – св. Сергия Радонежского (1314–1391?), основателя Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде (с 1930 г. – г. Загорск). Его житие, написанное, вероятно, не ранее 1417 года Епифанием Премудрым и переработанное в период между 1440 и 1450 гг. сербским писателем Пахомием Логофетом, повествует о том, что будущий святой еще в утробе склонял мать жить по—вегетариански:

«(...) сама съблудашеся от всякыя скврны и от всякыя нечистоты, постом ограждаяся, и всякыя пища тльстыя оша—явса, и от мяс и от млека, и рыб не ядыше, хлебом точию, и зелиемь и водою питашеся»⁶. Когда Сергей родился, «вънегда аще случашеся матери его пищу некую вкусити еже от мяс и тою насыщене быти и полне утробе ея, тогда никакоже младенец съсцу касашеся»⁷. Так младенец порой оставался день или два без пищи, пока мать не исполняла его желание. И в православные постные дни, «в сред(ы) бо и в пя(тница) не с(ъ)саше от съсцу ни от млека ядыше». Это вело к разговорам о том, не больно ли дитя. Однако автор жития считает, что в этом «посте» – образ будущего воздержания и чудесный знак избранности⁸.

Вопросы питания стали предметом спора между «номиналистами» и «реалистами» в русской православной иерархии уже в XIV веке. Новгородский архиепископ Василий (1329–1352), ссылаясь на легенды иерусалимские и константинопольские, высказывал мнение, что существование земного рая – это реальность. В своем послании к Тверскому епископу Федору он говорил, что рай этот находится на Востоке. Там есть блаженные рахманы, которые живут близ рая не трудясь, одеваются «листвием садовым» и питаются «от древес овощами», не зная зависти и греха⁹. В другом рассказе о рае – апокрифическом путешествии Зосимы, возникшем также в Новгороде, – говорится о благочестивых, живущих в мире без железа, ножей и оружия, и питающихся одними фруктами.

С обычаями питания в русских монастырях XVI века хорошо знакомит читателя «Кормовая книга Иосифо—Волоко—ламского монастыря». Этот текст был опубликован в 1998 году в факсимильном издании, вместе с немецким переводом, группой исследователей в Мюнстере (Вестфалия). В нем весьма подробно описан регламент блюд в течение церковного года, т. е. с сентября по август: во время поста, по обыкновенным дням и праздникам. Кормовая книга показывает, что в том случае, если постный регламент не требовал ступенчатых ограничений вплоть до полного, качественного и количественного поста, монахи в этом монастыре питались по—вегетариански, делая иногда исключение для рыбы¹⁰.

Монашество играло огромную роль в древнерусском обществе. Не только простые люди посещали монастыри для духовных бесед и для благочестивых подвигов, но также бояре и князья. Русские князья и цари перед смертью обыкновенно постригались в монахи. «Русский человек вообще старался обосновать на монастырских принципах как общественную жизнь, так и частную: (...) Нравственные правила Домостроя XVI века носят характер ритуального аскетизма, характерного для древней Руси в целом»¹¹.

Секты, возникшие на территории царской России в течение XVII века – периода всеобщей неуверенности, раскола русской церкви, возникновения старообрядчества, – прежде всего секты хлыстов, или «божиих людей», как они себя называли, – были очень активны и имели распространение вплоть до XIX и XX веков; даже в советской России продолжала существовать, по официальным данным, «незначительная часть отдельных хлыстовствующих течений»¹². Сведения о возникновении различных сект и свойственных им обычаях документировались в XIX веке царскими следственными комиссиями в протоколах многочисленных допросов. Карл Конрад Грасс в своем обширном двухтомном исследовании русских сектантов, написанном до Первой мировой войны на основании опубликованных материалов, описал также аскетические правила их питания¹³.

Секты во многом следовали примеру монашества официальной православной церкви. Ведь «в начале XVIII века их центры были в православных монастырях среди монахов и монахинь»¹⁴. Именно подражание монашеской жизни, по предположению Н. Реутского, которое Грасс считает весьма вероятным, «привело хлыстов в том числе к запрещению потребления мяса». «Ведь в монастырях русской церкви вообще не едят мяса. Зато больше

– рыбу. Но и этот продукт питания (...) был запрещен хлыстами (...) и так до сегодняшнего дня (...). Это может говорить в пользу представлений о переселении душ. Но в Великие посты также церковь запрещает есть рыбу¹⁵. Хлысты придавали большое значение строгому посту. «Церковные посты кажутся им далеко не достаточными. Не только в определенные дни, но и всегда, по их мнению, нужно избегать скоромных кушаний, прежде всего мяса. Как обоснование данного запрета на мясо хлысты нередко указывают на то, что мясо якобы возбуждает сексуальные вожделения»¹⁶. «Вообще хлыстовщину можно рассматривать как попытку возвести монашеский аскетизм в требование ко всем, попытку преодолеть ту границу, которую проводит церковь между благочестием мирян и благочестием религиозных людей в высшем смысле, монахов, отшельников и святых. (...) И в том, и в другом случае идеалы тождественны; в их основе – представление о святом, ограничивающем удовлетворение телесных потребностей до той крайней степени, которая является необходимой для поддержания жизни»¹⁷.

Хлысты «постятся неустанно и даже в более строгом смысле, чем церковь», меж тем они сами не считают такое воздержание истинным постом. «Истинный пост подразумевает полное воздержание от кушаний»¹⁸.

«Еще большее значение хлысты, по всей видимости, придавали запрету на опьяняющие напитки. (...) В запрещении алкогольных напитков они настолько строги, что даже при святом причастии заменяют вино квасом или даже водой»¹⁹.

Во второй половине XVIII века появилась секта скопцов. Ее основателем был Кондратий Селиванов (род. до 1750–1832). Скопцы в общем переняли предписания хлыстов о воздержании в еде. В связи с этим К. Грасс указывает на «запрет мяса (прежде всего свинины), водки, а также всех опьяняющих напитков (...)». Употребление же рыбы в пищу допускается²⁰. «Особенно строго соблюдается [у скопцов. – П. Б.] воздержание от мяса. Если иные из них – сектанты из богатых землевладельцев, имеющие сношение с дворянами—помещиками – иногда позволяют себе в обществе стаканчик вина, нарочно с тем, чтобы этим доказать свою непринадлежность к сектантам – то воздержание от мяса для них всех непреложно. (...) «Мясо – это ужасно отвратительно (...) мы, белые голуби, питаемся чистым зерном»», – так говорится в сообщении 1905 года о курских скопцах²¹. Основание тому – еще большее, чем у хлыстов, – стремление избежать сексуального возбуждения. Перед судом скопцы обычно сознавались в неупотреблении мяса, но обосновывали это «каждый по—своему»: болезнью ли, природным ли отвращением, данным обетом или же, как это случилось в 1832 г. на судебном процессе в Твери, – тем, «что душа этого не желает»²².

Во второй половине XIX столетия возникли и новые секты, которые отказывались от употребления мяса; в частности к ним относится секта малеванцев, основателем которой был Кондрат Алексеевич Малеванный (1845–1913), колесный мастер из Киевской губернии. К. А. Малеванный, сперва бражник, как и его родители, отец семерых детей, в 1884 году принял учение баптистского штундизма, распространенного тогда на юго—западе России, и вскоре освободился от пьянства. С конца 1880–х годов он считал себя «избранным первенцем Бога». После 1888 года секта малеванцев начала быстро распространяться. Правительство распорядилось интернировать К. А. Малеванного в психиатрическое отделение Кирилловской больницы г. Киева, а для лечения его в 1892 году были привлечены самые видные психиатры: Иван Сикорский в Киеве, а затем, после того, как Малеванного перевели в 1893 году в Казань, и Владимир Бехтерев. Последний опубликовал в 1893 году свое исследование «Суггестия и ее роль в социальной жизни», впервые переведенное на немецкий язык в 1904 году («Die Suggestion und ihre Rolle im sozialen Leben»). О малеванцах сообщается, что они отказываются не только от мяса, но и от яиц, так как в них – зародыш будущей жизни;

животных нельзя не только убивать, но также и использовать как рабочую силу²³. К. Грасс полагает, что и у малеван—цев главная причина отказа от потребления мяса заключается в воззрении, согласно которому таким образом укрепляется дух в борьбе с собственной плотью. И. Сикорский наблюдал у малеванцев пристрастие к сладкому – изюму, фидам и сахару. Они не только добавляли сахар в пищу, но и вкушали его в «чистом виде». Состоятельные малеванцы безвозмездно снабжали им бедных. Вступление же в секту малеванцев, по словам К. Грасса, зачастую объяснялось тем, что они «лечат от пьянства», в то время как царю и духовенству это не по силам²⁴.

Небезынтересно сравнить этюд В. Бехтерева, в котором лишь отмечаются различные аспекты бредовых идей малеван—цев, с репортажем о более позднем посещении К. Малеванного и его семьи, появившемся в «Киевской мысли» в 1911 году. В центре этого репортажа – зарисовка из абсолютно «нормальной» семейной жизни:

Небольшая мазанка на окраине города, чистенько выбеленная снаружи и внутри. Неширокий двор с садиком.

Я попал к ним в обеденную пору. За столом сидело человек десять мужчин и женщин – черпали ложками из общей миски...

– Здравствуйте! Хочу видеть Кондрата Алексеевича...

Он протянул мне свою худощавую руку и приподнял голову. Старик, с длинной седоватой бородою. Высокий лоб, нависшие брови. Глаза ясные, открытые.

Вид в общем болезненный, усталый. Тут и жена его, морщинистая, но очень бодрая еще старушка; сын, зять, молодая дочь, и несколько человек приезжих из Васильковского уезда.

– Вы из наших братьев будете?

– Нет, я – посторонний.

– Ну, все равно. Сидайте, брат, тай пообидаем. Коль скоро пришел к нам – значит, брат и друг.

Зеленые щи с фасолью и грибами, пшенная каша с постным маслом. Потом сладкий чай с лимоном и сухарями. Они – убежденные вегетарианцы.

Всякая тварь просит у Божьих сынов освобождения...

Они не хотят поэтому, чтобы на них падала кровь какой бы то ни было животной твари; не хотят, чтобы на них плакалась коровка, аль птица или рыба, иль даже самое маленькое насекомое.

Этого режима они своим братьям, однако, не навязывают. Хилые, больные при желании едят мясо. Этот режим привился к ним без всякого давления. Сами уразумели, сами дошли.

В малеванских гущах, как потом я узнал, создалось и соответствующее хозяйство: держат корову для молока, и лошадку – помощницу в хозяйстве. Но отказались от свиней, кур, гусей и от всякой другой домашней твари.

Кондрат и его семья вегетарианствуют уже свыше двадцати лет.

– Когда перестал я вкушать кровь животных – прояснились мои глаза, и на душе легче стало.

Но не следует также и злоупотреблять и всякой пищей. Каждый лишний кусок уже причиняет вред.

И тошнит, и спать хочется...

Человек должен стремиться только к тому, чтобы поддержать свое существование²⁵.

Эта картина очень близка к той, которую находим в письме Л. Н. Толстого к Елизавете Владимировне Молоствовой от 7 июня 1905 года. Молостова посетила Малеванного в Казани, в больнице для душевнобольных, где его содержали уже 12 лет; по просьбе Толстого она ходатайствовала за него перед губернатором и в августе того же года добилась его освобождения. Толстой написал ей после посещения одного из «малеванцев»: «Это община чистых, нравственных, трудолюбивых людей. Тех самых людей, к(оторые) составляют силу всякого народа и образование к(оторых), поощрение, подражание – должно было бы составлять главное занятие всякого правительства, желающего исполнять свое призвание. И их—то гонят, и их—то наука, заменяющая в наше время прежнюю церковь, признает душевнобольными. Это ужасно!»²⁶

В 1910 году в *ВО* сообщалось еще об одном разговоре с К. Малеванным. Секта в то время была распространена прежде всего в Киевской и Минской губерниях и там имела около 20 000 приверженцев; из них 95 % жили «безубойно»²⁷.

Кроме хлыстов, скопцов, малеванцев и различных более мелких группировок, как—то: молокан и субботников,²⁸ в начале XX века в России существовали и другие возникшие в народе движения, которые требовали воздержания от мясных блюд и практиковали его, как, например, «серафимовцы»²⁹. Городским вариантом этих движений было движение «народных трезвенников» «братца» Иоанна Чурикова в Петербурге и «братца» Ивана Колоскова в Москве. 17 апреля 1913 года И. М. Трегубов (1858–1931), один из самых деятельных корреспондентов Толстого (тот написал ему 98 писем) и знаток русского сектантства, выступил в Москве на первом Всероссийском съезде вегетарианцев с докладом о вегетарианстве среди приверженцев различных сект. При этом изучал он прежде всего упомянутых «народных трезвенников». Они начинали с призыва к воздержанию от алкоголя, а потом постепенно приводили своих приверженцев к вегетарианству. По словам Трегубова, среди рабочего населения Петербурга и Москвы было около 50 000 вегетарианцев—трезвенников. Попутно Трегубов охарактеризовал отношение к трезвенникам духовенства: оно пыталось объявлять их сумасшедшими, как в свое время и Кондрата Малеванного³⁰.

Еще тремя годами ранее Трегубов сообщал в *ВО* о выступлении И. Чурикова в Петербурге 3 января 1910 года. Своей проповедью «братец» Чуриков добился того, что огромная толпа, большею частью из рабочего класса, «под влиянием сильного религиозного вдохновения отказалась от употребления мяса». Чуриков прочел собравшимся вслух отрывок из Евангелия от Марка, где говорится о проповедях Иоанна Крестителя:

Иоанн Креститель, который призывал к покаянию и крещению, питался диким медом и акридами. Из этого можно сделать вывод, что он не пил вина и не ел мяса, и тем самым и других призывал к воздержанию от вина и мяса.

И Христос был воздержен и не ел мяса, почему, совершая пасху с учениками, он преломлял и им давал есть не ягненка, а хлеб во исцеление души и тела и в защиту животных, и тем самым призывал их и всех людей к воздержанию от мяса.

Его ученики не ели мяса и других призывали к воздержанию от него, как это видно из следующих слов ап. Павла: «лучше не есть мяса и не пить вина вовек, дабы не соблазнить брата моего»³¹ (Рим. 14.21; 1 Кор. 8.13) и «немощный есть овощи»³² (Рим. 14.2).

И я призываю вас к тому же. Раньше я вас призывал отказаться от вина, а теперь призываю вас отказаться и от мяса, призываю добровольно (...).

Согласны ли вы на этот призыв?»

В ответ на это все громко и единодушно воскликнули: «Согласны, дорогой братец, отрекаемся от мяса, во век не будем пить вина и есть мяса!» (...)

«Святые отцы не ели мяса и потому были мудры и кротки. Отказываясь от мяса, мы и с животными заключаем мир (...).

Поэтому и медицина начинает уже считать мясо вредным для здоровья и посылает богатых людей в такие места, где они могут питаться фруктами и виноградом. (...)

Мне говорят: «Мясники все здоровы». А я скажу: хоть бы тысячу мясников поставить против одного Серафимушки, то и они не смогут справиться с ним. Ему и медведи покорялись.

«Все мы мясники пред тобою постником, – сказали слушатели, – падаем в недостатках и смиряемся. Помолись за нас». (...)

«Придет время, – продолжает проповедник, – вы сами должны будете отказаться от мяса, потому что цена его дойдет до 5 руб. за фунт. (...) Но отказываться от мяса надо не ради корысти. Некоторые из вас отстали от вина ради своей выгоды, а не ради слова Божия, не ради слова истины. А от мяса надо отказываться ради примирения с животными, ради своего здоровья и на пользу человечества».

«Во век не будем есть мяса!» – опять дружно все сказали и запели: «Слава в вышних Богу и на земле мир. Многая лета! Многая лета! Многая лета!»

«Некоторые, может быть, скажут: „Это сектантство“, некоторые уже и говорят: „братцевых надо отлучить от церкви“, а я вам скажу: я отлучил вас от всего дурного: от пьянства, разврата, курения табаку, балалаек и всех развратных увеселений, но от церкви я вас не отлучал, а наоборот призываю вас к церкви»³³.

Заметно, как здесь пересекаются линии «религиозного» и «светского» вегетарианства. И. Чуриков указывает на оздоровительные преимущества вегетарианского образа жизни, ему известно, что ими начинают интересоваться правящие классы. В следующее воскресенье, 10 января 1910 года он проповедовал:

(...) В газетах пишут, что и в Америке 300 000 рабочих отказались от мяса, потому что оно стало дорого. Дорогая цена мяса насильно отнимает его у людей; но я бы хотел, чтобы вы отказались от него не насильно, а добровольно, по рассуждению. Поэтому я очень рад, что сразу столько откликнулось на мой призыв. Если откликнулось полторы тысячи, то две с половиною животных останутся живыми. (...) Когда не было мяса – не было и болезней. Поэтому постники здоровы и долговечны.

Некоторые говорили мне: «а как же львы едят мясо – и какие они сильные и долговечные!» А я спросил их: сколько их? «Мало», – ответили они.

Так и вас, кровожадных, будет мало. Тарас Бульба съедал трехмесячного агненка и четверть вина выпивал и вышел на поединок против своих детей и одного из них убил.

Не есть мясо полезно еще и потому, что если ты кого обидишь, то тебе скажут: «мяса не ешь, а людей обижаешь», и стыдно тебе станет, и этот укор будет тебе во спасение»³⁴.

Три года спустя за трезвенников заступится Н. М. Жданов³⁵ в своей речи 14 мая 1913 года в Александровском зале петербургской Думы. По его словам, в этом движении, которое охватило широкие круги городского населения, можно видеть «тот тип деятельного православного человека, который с древних времен никогда не переводился на Руси. (...) На Руси всегда были люди, которые, хотя и не принадлежали к монашеству или духовенству, но

брали на себя задачу в своей жизненной деятельности осуществлять заветы христианской нравственности. Всегда, с самых древних времен, были на Руси и странники, и богомолы, и чернички, и прозорливцы, и блаженные, которые и в городах, и в селах, и в деревнях, и на погостах брали на себя задачу послужить ближнему, посоветовать ему (...)» Вверяться духовному водительству другого человека – «это психологическое свойство русского человека». В монастыре Оптиная пустынь у старцев побывали не только убогие и хилые, униженные и оскорбленные: «Там были и Гоголь (...), и братья Киреевские (...), и Толстой, и Достоевский».

Таким образом, и низы городского населения обрели духовных наставников в лице «братца» Чурикова в Петербурге и «братца» Колоскова в Москве: это движение представляет собой «проявление старчества XX века, образовавшегося и развившегося на почве жизни низов городского населения». Ивана Колоскова еще задолго до начала его проповеднической деятельности на родине, в Тульской губернии, «называли монахом за то, что он выделялся своим неуклонным благочестием, не пил, не курил, строго соблюдал посты». После того, как судьба привела его в Петербург на беседы братца Ивана Чурикова, он переселился в Москву и там на своих собраниях успел сподвигнуть тысячи людей к перемене их образа жизни. Колосков «звал их не к борьбе социальной, а к той душевной реформе, которая заповедана христианской нравственностью». А «в литературе, направленной против трезвенников, это движение нередко называется антигосударственным, сеющим вражду»³⁶.

На свидетельствах о распространении отказа от употребления «убойной» пищи в церкви и в сектах я остановился по двум причинам. Во—первых, потому, что масштабы этого рода «вегетарианства» представляют собой отдельную проблему духовной и социальной истории России³⁷. Во—вторых, также и потому, что эта готовность к воздержанию не только в церкви, но и в сектах, связанная с религиозными представлениями, не была лишена влияния на судьбы «новейшего» вегетарианства, возобновленного во второй половине XIX века. Готовность к воздержанию возбуждала подозрение, что за ней скрываются сектантские устремления. Правда, в течение веков в разных частях Европы не раз возникали религиозные движения, проповедующие растительный режим питания. Достаточно указать на богомилов и катаров³⁸. Но распространение этих движений, как и жестокое преследование их со стороны церкви и государства, имело место сотни лет тому назад. Люди, примкнувшие в Западной Европе или в Северной Америке к новому движению вегетарианцев, начавшему быстро расти приблизительно с 1850–х годов, не находились под подозрением в ереси и не должны были бояться соответствующих санкций (русские духоборцы в Канаде были исключением). И все же им приходилось считаться с тем, что на них смотрят как на чудаков; они и их окружение также были вынуждены мириться с известными неудобствами того рода, какие были описаны почти сто лет назад П. Гоффманном, профессором философии из Гента, – это описание, заметим, актуально и сегодня³⁹. Однако и в царской империи, и в Советском Союзе было иначе. Тот, кто даже «просто так», по личным мотивам, хотел обойтись без мяса, навлекал на себя подозрение. Ведь значительная часть сект, преследовавшихся властью и считавшихся опасными для существующего порядка, веками проповедовала воздержание от мяса. Проповедовал его и Толстой в рамках своего особого истолкования христианского благовестия.

Приведем только один пример (в последующих главах еще будут приведены дополнительные). В 1913 году в *ВО* Н. Лапин, молодой крестьянин из Саратовской губернии, сообщал в статье под заголовком «Почему я сделался вегетарианцем» о том ужасе, который у него еще с детства вызывал убой скота. Когда ему исполнилось 18 лет, ему попала в руки книга И. Горбунова—Посадова «Сострадание к животным и воспитание наших детей», и с тех пор он начал жить вегетарианским образом. В деревне говорили, что он не сможет

вынести всех тягот крестьянской работы, а вскоре пошли слухи, что это пришел на землю Антихрист и начинает обольщать людей. Духовенство подозревало его в толстовстве: «что, дескать, кто к нему присоединится, тот сам себя проклянет»⁴⁰.

Широкое распространение сект, как и обхождение с ними властей, нашли известное отражение в русской литературе, правда, до революции 1905 г. только в скрытой форме: тема эта была табу. Она, как правило, обсуждалась только в публикациях по богословию и психиатрии⁴¹. У Тургенева в «Записках охотника» загадочный Касьян с Красивой Мечи порицает помещика за то, что тот занимается охотой: «Святое дело кровь! Кровь солнышка не видит, кровь от свету прячется». Правда, эти запреты касаются только диких зверей. Касьян допускает заботу домашних животных: «А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб – божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов». Н. Л. Бродский в свое время высказал мнение, что тургеневский Касьян принадлежит к секте «бегунов». Н. С. Лесков в некоторых своих повестях затрагивает тему вегетарианства среди приверженцев русских сект, главным образом из круга «штундистов» (об этом см. ниже). Понятно, что царское правительство испытывало опасения: около 1900 года одних штундистов разных группировок насчитывалось, согласно иностранным источникам, два миллиона⁴². И в начале XXI века сектантство играет в огромной России значительную роль. (см. гл. X).

Экскурс: Г. Р. Державин и пост

Православная «культура поста» в XVIII веке побудила поэта Г. Р. Державина (1743–1816) к размышлениям о человеческих обычаях еды. В «Санкт—Петербургском вестнике» за 1779 г. он опубликовал краткое «Рассуждение о посте», в котором касается пифагорейцев и их взглядов, впрочем, не называя этого философского течения¹. Державин отдавал себе отчет в том, что в более теплых местах жить вегетарианским режимом легче, чем на крайнем севере (слова «вегетарианский» еще не было). Он даже замечал, что уровень образования того или иного слоя населения может сказываться на обычаях питания и поста.

Привожу его замечания в несколько сокращенном виде.

Жизнь наша есть время искушения, а пост время воздержания. (...)

Многие думают, что пост не в брашне состоит, но в отчуждения от злых дел. Священное писание говорит то же; я, против сего не споря, говорю с философом: «Человек! Правило тебе в жизни сей – терпи и убегай» (...)

Некоторая древняя секта не употребляла мяс; она, не за—колая себе в пищу никакого животного, довольствовалась одними плодами и разными растениями.

Для чего ж? Станется, она или жалела пожирать животных, кои все имеют некоторые сходства с человеком, как то: телесные чувствования и тому подобное, или верила переселению душ человеческих в скотов, или, может быть, из опытов знала, что мяса разгорячают кровь, утучняют тело и способствуют усиливанию стремления страстей наших. Спросите вы меня: верю ли я всему этому? Не знаю. Древний Зинов однако говорит: страсти в нас от скотства происходят; я разумею чрез сие обжорство, плотоугодие и роскошь, чему, кажется мне, согласно и в священном писании у нас не иное что как Зиновом² называемое скотство именовано чревобесием³ и включено в число смертных грехов.

То ли сие у нас слово знаменует, я не намерен входить здесь ни в изъяснение, ни в прение с богословами, но то неоспоримая истина, что наевшийся досыта человек мало способен к движению телом и к действованию умом.

К чему же он способен? К праздности, а праздность есть мать всех пороков.

Из сего следует, что напрасно новые философы проповедуют нам: «что —де Богу нужды, едим ли мы суп с ветчиной, или горох разваренный?»

Богу конечно нужды нет, да нам нужна.

Желая вознестися к Существу нашему духовному, обитающему в горних, должно не только душу свою очищать добрыми делами, но и плоть свою истощать сколько можно, чтоб она не отягощала нас и делала бы дух наш бодрее и свободнее воскрилиться к своему началу. Для сего богомудрые мужи в разные веки, в разных странах, граждане на земли неба, анге —ли неба на земли, поучали всегда имети пост; совет их конечно благ. Христос, глава церкви нашей, постясь сам, утвердил пост. Для чего же нам не последовать им? (...)

Лучший друг сложению человеческому, умеренность, – умеренность в пиршестве, умеренность в посте. Сия полезная нам добродетель, сохраняя здравие души и тела нашего, вспомоществует им в исполнении

всех христианских и человеческих должностей; впрочем иной пост, кажется мне, должен быть в благодатных странах, изобилующих лучшими земными и древесными плодами Греции и Малой Азии, иной под шестидесятым градусом северной широты; иной просвещенных людей, иной непросвещенной черни. Главнейшее при сем правило есть – быть во всем послушным совести своей. Не желал бы я иметь другом такого человека, который, не сохраняя правил о посте, узаконенных святыми отцами, говорит: не наблюдать поста тяжкий есть грех; однако Бог милосерд.

Свидетельства более позднего времени говорят о том, что Державин прекрасно умел ценить хороший обед. Я. К. Грот даже сообщает о «неумеренности в еде» как слабости стареющего Державина⁴. И в стихотворениях Державина есть похвалы мясным и рыбным блюдам. Так, И. Виноградский говорит о богатом и сытном столе, украшенном «багряной ветчиной, янтарной икрой, красными раками и золотой шекснинской стерлядью»⁵; ср., например, стихотворения Державина «Приглашение к обеду» (1795) и «Похвала сельской жизни» (1798). Но примечательно то, что поэт очень рано, исходя из церковных обычаев поста, стал помышлять о возможном общем отказе от мясного питания и о различных способах его обоснования.

Впрочем, и польский поэт и современник Державина Станислав Трембецкий (1739–1812) заинтересовался растительным режимом питания; когда ему было около 50 лет, он даже сам стал вегетарианцем. В поэме «Зофьювка» (*Sofjowka*, 1806) он хвалит «землю, благосклонную мать», которая «для пищи дает зерна, овощи и ягоды». Его обращение к вегетарианству надо рассматривать в контексте его знакомства с античными поэтами и философами – с Овидием, Вергилием, Лукрецием и Эпикуром, с мифом о Золотом веке и с мировоззрением стоиков⁶. Трембецкий практиковал и пропагандировал гедонистские элитарные представления об отречении; «простая» жизнь, по его словам, обещает долголетие. Размышления же Державина, несмотря на знание им античных преданий, зиждутся на нравственных требованиях православия.

III. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Первые объединения русских вегетарианцев существовали, по—видимому, уже в 1860–е гг.¹ Тем не менее, временем пробуждения вегетарианской идеи в России следует считать год 1878. В этом году «Вестник Европы» напечатал статью профессора А. Н. Бекетова (1825–1902) «Питание человека в его настоящем и будущем» – веское слово в защиту вегетарианства. Эта статья имела большой успех; в 1879 г. она была опубликована отдельной брошюрой и в 1881 г. – переведена на французский, а в 1882 г. – на немецкий язык (илл. 1; см. с. 53).

Очевидно, призыв Бекетова к отказу от употребления в пищу мяса не сразу имел практические последствия. Однако эта статья сыграла не последнюю роль в «обращении» в «вегетарианство» отдельных лиц, особенно Льва Толстого, который начиная с 1884 г. придерживался данного образа жизни². Н. С. Лесков, познакомившись с Толстым в 1887 г., опубликовал в 1889 г. заметку «О вегетарианцах, или сердобольни—ках и мясопустях»; в том же году вышел его рассказ «Фигура», герой которого на протяжении всей своей жизни вегетарианствовал. Сам Лесков с этого времени и вплоть до самой смерти в 1893 г. был вегетарианцем. В мае 1890 г. у Толстого впервые возникла идея создания книги «о еде». Летом 1891 г. он пишет очерк «Первая ступень», который появился в печати в 1892 г. и вызвал большой резонанс; с тех пор для многих этот труд стал «библией вегетарианства»³. Период с момента появления толстовского сочинения до начала Первой мировой войны был временем самого активного распространения вегетарианского образа жизни в России.

В том же 1892 г., вскоре после опубликования «Первой ступени», некий студент К. Н. Смирнов предпринял попытку основать в Петербурге вегетарианский журнал под названием «Первая ступень». Цензура отказала Смирнову в выдаче необходимого разрешения (об этом см. ниже в главе, посвященной Григоровичу: VI. 3.1, с. 154–155). Значительную роль в пропаганде вегетарианства сыграло издательство «Посредник», основанное в конце 1884 г. по инициативе Толстого. В 1893 г. оно выпустило русский перевод книги Говарда Уильямса «Этика пищи» «The Ethics of Diet» со статьей Толстого «Первая ступень» в качестве предисловия; в том же году была перепечатана брошюра А. Н. Бекетова (следующее издание – в 1896 г.). В довоенные десятилетия это издательство опубликовало еще много «вегетарианов» – самых разных книг и брошюр по вопросам вегетарианства – в своей «Вегетарианской библиотеке».

Статья о вегетарианстве в знаменитом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Т. 10. 1892. С. 691–692) – что неудивительно – была составлена А. Н. Бекетовым: «В России хотя и имеются вегетарианцы, но общества еще нет. Учение это, однако же, все более и более распространяется, и число его адептов, не считая народные массы, которые повсюду держатся растительной пищи, должно считать десятками тысяч. В Англии, Германии, Австрии и Швейцарии имеются специально для вегетарианцев приспособленные гостиницы (отели); в одном Лондоне до 30 и ресторанов в Англии до 60». В «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук» заглавные слова «вегетарианец», «вегетарианка», «вегетарианство», а также вышедшее из употребления «вегетарианизм»⁴ появляются впервые в 1891 г. (термин «вегетарианизм» возник в Англии в 1842 г.). Второе издание энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в т. 5 (1912?) знакомит с историей вегетарианства с античных времен; кроме того, лактоово-вегетарианская пища представлена (в частности, со ссылкой на медицинские исследования французского физиолога И. Лефевра) как равноценная смешанному питанию⁵.

Между тем полицейский произвол в царской России имел последствием то, что выступления в защиту вегетарианского образа жизни оказались небезопасным предприятием. Во многих местах было запрещено проводить собрания и читать лекции о вегетарианстве⁶. Анна Панкратьевна Попова (1842–1914), мать Евгения Ивановича Попова (1864–1938), одного из приверженцев Толстого, бывшего знакомым с ним с 1887 г., открыла в начале 1891 г. в Москве вегетарианскую столовую, деятельность которой вскоре была приостановлена властями. «Слышал я то, что кухмист(ерскую) запретили», – писал Толстой Черткову 28 февраля 1891 г.⁷ Уже в самом слове «вегетарианство» чиновники усматривали нечто ужасное, подрывающее государственные устои. В 1894 г. в Москве появилась первая вегетарианская столовая. После того как г. Silleneek, владелец столовой, разместил над своим заведением вывеску с надписью на русском и немецком языках «Вегетарианская столовая / Vegetarisches Speisehaus», по приказу полиции было устранено как немецкое название, так и слово «вегетарианская», – осталось только одно слово «столовая»⁸.

В 1894 г. в Петербурге было лишь одно заведение, предлагающее домашние вегетарианские обеды. Согласно короткому репортажу С. Раевского (Рига) о положении вегетарианства в России для журнала «Vegetarische Rundschau»⁹, отношение прессы к этому движению – за исключением газет «Неделя» и «Новое время» – было либо безразличным, либо враждебным. Он сообщает, что активное участие в распространении вегетарианской литературы в последнее время принимает московское издательство «Посредник» и что вегетарианцы есть в различных частях империи: на Кавказе и на Урале, в Туркестане и в Сибири. И в самом деле, к тому времени в царской империи проживало несколько десятков тысяч людей, придерживающихся вегетарианства, – как и предполагал Бекетов. Кроме того, на Кавказе жили духоборцы и представители других сект, отказывающихся от потребления мяса, как, к примеру, секта белоризцев. Духоборцы уже тогда в большинстве своем были убежденными вегетарианцами.

16 февраля 1896 г. в Москве по случаю открытия новой частной вегетарианской столовой состоялось «Собрание у Мо—ода», которое считается первой попыткой основания вегетарианской организации в старой столице.

1 декабря 1901 г. в Петербурге при содействии врачей (А. П. Зеленков) и профессоров (А. И. Воейков) было основано первое русское объединение вегетарианцев – «Санкт—Петербургское вегетарианское общество» (в дальнейшем *СПб. ВО—во*). Это общество имело ярко выраженное научное направление. Итогом его работы стало издание библиографии вегетарианской литературы, основание вегетарианской библиотеки и выработка проекта устава, который был утвержден 21 октября 1901 г. Министерством внутренних дел и который лег в основу уставов практически всех локальных вегетарианских обществ, основанных позже в период до Октябрьской революции. Вплоть до начала Первой мировой войны Петербургское общество вело очень активную деятельность, несмотря на то что по своей численности оно во многом уступало вегетарианским объединениям в Западной Европе.

Число вегетарианских столовых постепенно росло; к началу 1903 г. в России их было семь¹⁰. В начале 1904 г. в одной Москве было зарегистрировано 4 вегетарианских заведения¹¹.

Новые общества возникли в Варшаве (1903 г.), в Киеве и Кишиневе (1908 г.). В Одессе в 1908 г. должно было открыться пятое по счету вегетарианское общество, но устав не был утвержден, несмотря на то что это был тот же самый устав, что и в Петербурге и других городах царской империи¹². «Московское вегетарианское общество» (в дальнейшем *МВО—во*) было основано 28 февраля 1909 г. (дата утверждения устава).

13 октября 1909 г. в Москве была открыта первая «официальная» вегетарианская столовая, которой управляло *МВО—во*. За оставшиеся месяцы 1909 г. заведение посетили 11 000 человек. В 1912 г. число посетителей достигло 340 000, в 1913 г. – 500 000, а в 1914 г. – 643 000. В той же Москве в 1911 г. была открыта «Первая народная вегетарианская столовая», предлагающая недорогие обеды (от 12 до 15 коп.) из двух блюд.

15 января 1909 г. в Кишиневе вышел первый номер журнала «Вегетарианское обозрение» (в дальнейшем *ВО*) с подзаголовком «Единственный вегетарианский журнал в России». Издатель журнала И. Перпер в № 7 (1909) дал довольно пессимистическую оценку положения вегетарианства в России. Он выражал сожаление по поводу разрозненности сил и призывал к созданию Всероссийского вегетарианского союза. Уже в первых выпусках журнала И. Перпер представил проект устава «Всероссийского вегетарианского общества», разработанный М. М. Пудавовым (Киев)¹³. Но и в мае 1912 г. у Перпера еще будет повод озаглавить один из своих очерков «Наша разрозненность»¹⁴. Не только расстояния были причиной, затрудняющей всяческие усилия по объединению сил: особенно велики были расхождения между различными группировками. Некоторые (нередко из окружения Толстого) придерживались вегетарианской диеты по религиозным соображениям – убедительное изображение представителя этих вегетарианцев—толстовцев мы находим у А. И. Солженицына в романе «Август четырнадцатого» (1971) в образе Исаакия¹⁵ – но были также и вегетарианцы, настроенные более секулярист—ски: для них важны были в первую очередь «гигиенические» и эколого—экономические аспекты; разумеется, существовали также разногласия между теми, кто признавал потребление молочных продуктов, и теми, кто от них отказывался. Впрочем, лишь малая часть тех, кто в той или иной степени жил по—вегетариански, выражала, помимо этого, готовность вступить в какую—либо вегетарианскую организацию. Так было – и есть – и в западноевропейских странах. При всем том, на протяжении всей своей истории вегетарианское движение в России постоянно сталкивалось с нехваткой денежных средств; неоднократно были призывы о пожертвованиях, однако щедрые меценаты, видимо, не находились.

В январе 1910 г. в Москве возникла идея издания очередного вегетарианского журнала под названием «Естественная жизнь». Предполагалось, что журнал будет литературным – в частности, надеялись на содействие Л. Н. Толстого; к тому же предусматривалось участие в журнале десяти врачей¹⁶. Проект не был осуществлен; тем не менее, в 1913 г. под редакцией П. И. Бирюкова и Н. Н. Гусева вышел «Первый альманах Московского вегетарианского общества», озаглавленный «Естественная жизнь и вегетарианство»¹⁷. Альманах сначала был конфискован и вновь разрешен только после изъятия 35—страничной статьи, которую пришлось заменить другими материалами¹⁸.

Вместо остро необходимого сплочения сил в 1912 г. в Московском вегетарианском обществе происходит их разъединение – в связи с созданием общества «Духовное пробуждение»¹⁹; с тех пор в Москве существовали две вегетарианские организации, не считая таковых в Петербурге, Киеве, Саратове, Полтаве, Одессе, Минске и Вильнюсе. Головной организации по—прежнему не существовало.

Тем не менее, общество «Духовное пробуждение», помимо прочего, ставило целью организовать съезд и выставку вегетарианцев. На период с 27 по 30 декабря 1912 г. оно планировало созыв в Москве Первого Всероссийского съезда вегетарианцев²⁰. Этот съезд – первое совместное выступление русского вегетарианства – состоялся, правда, несколько позднее: с 16 по 20 апреля 1913 г.²¹ Несмотря на то что это было поистине примечательное событие, красноречиво свидетельствующее об общем настрое того времени, полным радостных надежд, – об этом съезде ни словом не упоминается в современных исследованиях –

например, «Russland im Epochenjahr 1913. Kultur. Gesellschaft. Politik»²². Между тем 1913 год был вершиной развития и для русского вегетарианства²³.

Участникам съезда не удалось создать Всероссийский вегетарианский союз. Однако важным шагом в этом направлении было решение об открытии «Справочного вегетарианского бюро»²⁴. В соответствии с одиннадцатой из принятых съездом резолюций, второй съезд вегетарианцев должен был состояться на праздниках Пасхи 1914 г.²⁵. Но этому не суждено было осуществиться: Первая мировая война положила конец всем всероссийским устремлениям русских вегетарианцев. К ним можно также причислить идею основания кафедры вегетарианства. Писательница Н. Б. Нордман, жена И. Е. Репина, в мае 1913 г. настоятельно просила профессора В. М. Бехтерева, возглавляющего Психоневрологический институт в Петербурге, содействовать созданию подобной учебной кафедры (ср. VI. 5, с. 225–228), но после смерти Нордман в июне 1914 г. никто уже не преследовал эту цель.

С мая 1914 г. в Киеве выходит еще один вегетарианский журнал – «Вегетарианский вестник» – наряду с «Вегетарианским обозрением», параллельно издававшимся также в Киеве в течение еще одного года...²⁶

«Вегетарианский вестник» своим названием возобновил традицию первого вегетарианского журнала, выходившего в 1904–1905 гг. В программной статье нового издания говорится о трех периодах развития вегетарианства в России. Согласно автору статьи, об эпохе до 1901 г. можно говорить как о «литературном периоде». Второй период отмечен идейной работой Петербургского вегетарианского общества. Третий период, начиная с 1908 г., – период практический, посвященный организации обществ и учреждению столовых в Киеве, Москве, Одессе. Теперь наступает новый четвертый период – время «пробуждения вегетарианцев от идеологического сна»; начинается период съездов и распространения вегетарианского движения посредством печатного слова²⁷.

Три месяца спустя, с началом Первой мировой войны, для русских вегетарианцев наступило тяжелое время; их ситуация немногим отличалась от ситуации их единомышленников в западноевропейских странах. Они были предоставлены собственным сомнениям и нападкам со стороны (ср. главу VIII). Как можно было заниматься пропагандой вегетарианства в то время, когда почти каждый день приносил огромные человеческие жертвы? Вегетарианские общества были заняты благотворительной деятельностью. Журналы выходили не регулярно; лекторская деятельность была ограничена, продукты питания подорожали, что осложнило работу вегетарианских столовых.

Февральская революция 1917 г. была встречена с восхищением. Новое правительство временно отменило смертную казнь: это дало пищу надеждам на прекращение всяческого убийства, в частности на «отмену смертной казни также и для животных». Последователи Толстого воспользовались восьмью месяцами между Февральской и Октябрьской революциями, для того чтобы опубликовать как можно больше религиозных статей Толстого. Только в 1917 и 1918 гг. в издательстве «Посредник» вышли 63 брошюры Толстого, адресованные широким массам; среди них было много «вегетарианы»²⁸.

Советский режим уже в первый год своего правления не оправдал надежд, связывавшихся с Октябрьской революцией. И все же вегетарианские общества в разных городах продолжали свою деятельность. В архиве петербургского Государственного музея истории религии находятся документы, касающиеся истории Московского вегетарианского общества в период до 1930 г. Вегетарианцы продолжали выступать с докладами; но советские власти относились к их собраниям со все усиливающимся подозрением, деятельности общества чинились все большие препятствия. Между тем финансовое положение обществ и столовых осложнилось в связи с баснословно высокой арендной платой за помещения, принад-

лежащие теперь государству²⁹. Советские власти все более оттягивали рассмотрение проекта устава Московского вегетарианского общества, которое с 1917 г. стало носить имя Л. Н. Толстого. Весной 1929 г. последовал окончательный запрет. Осенью 1929 г. многочисленные члены общества были арестованы и частично сосланы на Соловки (среди них секретарь В. Г. Черткова). Первое время вегетарианские столовые еще были открыты, но и их начали притеснять порой невыполнимыми требованиями служащих по части трудового права. Если столовые и продолжали функционировать, то теперь уже под названием «диетические столовые».

Толстовские коммуны, практиковавшие вегетарианство, в царской России испытывавшие со стороны властей в крайнем случае терпимое отношение, после Февральской революции и в первые годы советского режима переживали большой подъем. Во времена НЭПа (1921–1928) и до начала коллективизации и первой пятилетки таких коммун были сотни, с различными формами организации. Общее число толстовцев на конец 1917 г. составляло, по подсчетам М. Поповского, от пяти до шести тысяч человек. Они занимались сельским хозяйством (порой очень успешно), получали первые премии на сельскохозяйственных выставках, однако позднее подверглись гонениям, – не только из—за их идеологии, но и под предлогом борьбы с кулачеством.

Яркой иллюстрацией отношения к вегетарианству в советское время могут послужить статьи из энциклопедий и словарей того времени. В Большой советской энциклопедии (*БСЭ*) первого издания (1928 г.) составитель довольно подробной статьи, посвященной вегетарианству, А. Мольков, верно указывает на тот факт, что истоки вегетарианства уходят в глубокую древность, упоминает Пифагора и Овидия³⁰. В статье приводятся экономические, биологические, гигиенические, эстетические и этические аргументы в пользу вегетарианского питания, при этом каждому из них уделяется по предложению. Впрочем, следующая за этим критика этих доводов подчеркивает их ненаучность и называет данную теорию чистой идеологией, идеалистическими иллюзиями, выдуманной и подпитываемой наиболее сентиментальными людьми господствующих классов. Далее утверждается, что привычки в питании классово обусловлены и что каждый человек вправе свободно выбирать режим питания. Автор статьи замечает, что утверждение, будто бы вегетарианское питание обходится дешевле, справедливо только для бедного сельского населения, вынужденного отказаться от мяса, а также, что вегетарианское питание, распространенное в городах, обходится дороже мясных блюд, несмотря на равноценность растительной пищи – по своим вкусовым качествам и питательности – мясной пище. Положение о том, что гуманное отношение к животным предполагает такое же отношение к людям, квалифицируется как необоснованное. Сложнее обстоит дело с биолого—физиологическими и гигиеническими аргументами в пользу вегетарианского режима. Некоторые из них будто бы опровергнуты наукой, состоятельность других еще нужно проверить на основе клинического опыта и наблюдений врачей. Несомненно одно: злоупотребление мясной пищей является причиной определенных заболеваний.

Во втором издании *БСЭ* (Т. 7, 1951) вегетарианству отводится значительно меньше места. Согласно соответствующей статье, это движение получило распространение в Западной Европе в первой половине XIX века, в России – во второй половине столетия среди членов религиозных сект, а также в некоторых кругах интеллигенции; упоминается и о том, что распространению вегетарианских идей в России способствовала публикация в 1878 г. статьи А. Н. Бекетова «Питание человека в его настоящем и будущем» и в 1892 г. статьи Л. Н. Толстого «Первая ступень». «Все доводы, приводимые вегетарианцами в пользу питания исключительно растительной пищей, антинаучны». В завершение очерка делается следую-

щее заключение: «Вегетарианство, основанное на ложных гипотезах и идеях, в Советском Союзе не имеет приверженцев»³¹.

Статья о вегетарианстве в третьем издании *БСЭ* (1971) отличается большей разно-сторонностью информации, и выдержана она в менее пренебрежительном тоне. Впервые в Советской энциклопедии помимо «сыроедов» упоминаются также и старовегетарианцы: «Некоторая часть вегетарианцев (старо—вегетарианцы) употребляют в пищу продукты растительного происхождения только сырыми, другие употребляют их также в жареном и вареном виде, наконец „младовегетарианцы“ наряду с растительной пищей включают в рацион молочные продукты и яйца». Далее разъясняется, что режим питания, рекомендуемый младовегетарианцами, удовлетворяет всем потребностям организма в питательных веществах и потому с физиологической точки зрения вполне допустим. Сообщается также, что в Европе вегетарианство получило распространение в первой половине XIX столетия (особенно в странах, где растительная пища, включая плоды, была доступна широким слоям населения). В России вегетарианство стало известно несколько позже, и в первую очередь в среде религиозных сект (духоборцы, белоризцы, «свободники» и др.) и некоторых групп интеллигенции (в особенности последователей «толстовства»). «В СССР вегетарианство не получило распространения». В остальном допускается, что необходимые питательные вещества, в том числе при повышенной мышечной нагрузке (например, при занятиях спортом), может обеспечивать растительная пища и что при некоторых заболеваниях вегетарианские диеты используются с лечебной целью³².

Прежде чем вегетарианцы в России смогли вновь организовывать общества, после Второй мировой войны прошло еще несколько десятилетий. Интерес к вегетарианству, в течение долгого времени подавлявшийся, стал расти вновь с начала 1990-х. В 1989 г. было зарегистрировано «Вегетарианское общество города Москвы», а в декабре того же года при Экологическом фонде СССР было организовано «Вегетарианское общество СССР»³³. Впрочем, количество их членов продолжает оставаться небольшим, несмотря на то что время от времени делаются заявления о том, что вегетарианство завоевывает (!) в России все большее число сторонников³⁴. В Московском государственном университете открыта вегетарианская столовая, деятельность которой поначалу поддерживало движение кришнаитов (ср. ниже с. 394). Появляется все больше книг о вегетарианской кухне, иногда снабженных кратким введением в историю вегетарианского питания, а также книг, посвященных отдельным аспектам вегетарианства³⁵.

Научные работы по истории русского вегетарианства мне не известны³⁶. Здесь необходимо заметить, что и в русском литературоведении теме литературного и общекультурного значения еды до сих пор почти не уделялось внимания. И если даже эта тема затрагивается, о чисто растительном рационе не упоминается даже вскользь. Это касается и семи статей, опубликованных в журнале *НЛО* за 1996 г. под рубрикой «Еда и питье в литературе»³⁷.

Экскурс: К истории терминологии

Русские слова *вегетарианец / вегетарианка, вегетарианство*, давно ставшие обиходными, восходят к английским терминам *vegetarian, vegetarianism*, «официально» существующим с 1847 г. («Vegetarian Society» в Манчестере; журнал «The Vegetarian», основанный в 1848 г.), хотя использовавшимся и ранее. В статье «Первая ступень» (1892 г.) Л. Н. Толстой говорит о движении *вегетарианства*. Тем не менее, прошло немало времени, прежде чем данный термин вошел в язык. Первоначально использовалось слово с другим суффиксом: *вегетарианизм* (Н. С. Лесков 1889; *ВВ* 1904: 2 1–4). В немецком языке, начиная с 1870–х гг., также получили распространение выражения из английского – *Vegetarianer* и *Vegetarianismus* (последнее, к примеру, у П. Нимейера 1876 г.). Около 1900 г. утвердились формы *Vegetarier* и *Vegetarismus*, последняя перешла из немецкого в русский язык: после 1900 г. *вегетаризм* становится обиходным словом (*ВВ* 1904: 11 1; *ВО* 1912: 3–4 142).

Таким образом, в русском языке некоторое время параллельно существовали три формы: *вегетаризм, вегетариа—низм, вегетарианство*. Обозначение *вегетарианцы* используется А. Н. Бекетовым в 1878 г. в поясняющем контексте («Члены этого общества называют себя „вегетарианцами“»). Первое словарное упоминание находим в 1891 г. в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук» (Вып. 1. СПб., 1891. С. 358). Кроме того, употреблялась форма *вегетарианин*, мн. ч. *вегетариане*¹.

Приведенную группу слов относят, как правило, к латинскому *vegetare* «оживлять» (позднелат.: «жить», «расти»); *vegere* «быть сильным, оживленным»; *vegetus* «радостный», «мощный», а также к *vegetabil, vegetabilisch* «растительный», равно как к английскому *vegetable* «овощ»².

В зависимости от идеологической ориентации вегетарианцы ссылались на то или иное происхождение. Так, в 1892 г. Лесков утверждал (несмотря на преимущественно этический характер его обоснования вегетарианства), что *вегетарианизм* восходит к латинскому *vegetas* (sic! – П. Б.), со значениями «здоровый», «мощный».

Довольно рано стал употребляться глагол *вегетарианствовать*. Несмотря на отсутствие его в академических словарях, он использовался довольно часто, и отнюдь не в ироническом смысле (например, в переписке Репина с Толстым в 1891 г.); кроме того, была образована форма *полувегетарианствовать* (Радугин 1908, ср. *ВТ* 25/26, 1998, с. 7), а также оборот *половинное вегетарианство* (*ВО* 1911: 6–7 60).

«Этических вегетарианцев» называли также *вегетариан—цами—нравственниками* (ср. *ВВ* 1915: 11–12 4), в то время как выражение *безубойники* являлось общим обозначением вегетарианцев.

Прилагательное *безубойный* с середины 1890–х годов употреблялось как синоним слова *вегетарианский*. Было бы небезынтересно установить, кем впервые было употреблено это слово—ключ русского вегетарианства, ставшее в дальнейшем предметом горячих споров. Лесков в своем воззвании к выпуску вегетарианской поваренной книги, напечатанном 25 июня 1892 г., говорил еще только о блюдах *без убойны*.

Может быть, первым, кто употребил слово *безубойный*, был В. Г. Чертков. Именно он ознакомил Л. Н. Толстого с вегетарианством (см. ниже с. 81). В журнале *ВО* (1911 г. № 1–5) была опубликована в семи главах его обстоятельная (2 У печатных листа) статья «Об убийстве живых существ». Чертков уверяет, что первые четыре главы, т. е. большая часть, озаглавленная первоначально «Не убий», были написаны им еще в 80–х годах (ср. № 1, с. 28), «почти тридцать лет» до напечатания (№ 5, с. 14–15). В этой статье речь идет об «убийстве

животных», о «бескровном питании» (№ 3, с. 7), о «растительной пище» и о «растительной диете»; а в 4-й главе Чертков говорит о бесполезности «убойного питания» (№ 3, с. 13) и, опираясь на известную статью А. Н. Бекетова, отвергает «возражения против безубойного питания» (№ 3, с. 10) – употребление «ъ» указывает на то, что сочетание было образовано *ad hoc*. Ведь, по свидетельству словарей того времени, например, Даля (2-е изд., 1880), все слова с приставкой «без» перед гласной «у» тогда писались слитно («безудержный»).

В трех последующих главах, написанных в 1911 г., встречается только написание «безубойно». О том, что первые четыре главы возникли еще в 1880-х годах, свидетельствует следующее: 11 декабря 1892 г. Толстой подтвердил получение рукописи статьи, а 12 декабря писал автору: «Читать вслух вашу статью начали со 2-й главы и дочли до 4-й главы включительно. (...) Статья очень, очень хороша» (ПСС 87: 170, 173).

От Черткова же Толстой получил еще в апреле 1891 г. книгу Говарда Уильямса «The Ethics of Diet. A Catena of Authorities Deprecatory of the Practice of Flesh Eating», London, 1883 (ПСС 87: 84), которая впоследствии была «переведена под его [Черткова] наблюдением несколькими лицами» (ПСС 87: 98). Перевод появился в 1893 г. в издательстве «Посредник» под заглавием «Этика пищи или нравственные основы безубойного питания для человека». Как видно, название книги в русском переводе заметно отличается от оригинала. Очень вероятно, что именно Чертков – пожалуй, не без ведома Толстого – изменил заглавие, употребляя слово «безубойный», которым он пользовался еще в 1880-х годах. Более раннее употребление этого выражения в печати мне не известно; может быть, более подробные справки о его истории найдутся в архиве Черткова.

В 1894 г. о *безубойном* питании не раз говорится в «Обедах вегетарианца», изданных В. П. Быковым, а в 1900 г. в книге Б. Шапиро «Вегетарианство, или безубойное питание». Крылатым это слово стало, несомненно, благодаря сборнику Толстого: «Безубойное питание, или вегетарианство. Мысли разных писателей» (1903), который содержит 250 коротких текстов.

В толковых словарях русского языка, включая академические, слово *безубойный* не зафиксировано; тем не менее, оно было известно, так как сразу в нескольких словарях иностранных слов (к примеру, в словаре под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1911 г.) оно дается как эквивалент к *вегетарианский*: «Вегетарианизм, – анство лат. – учение о безубойном питании, которого держатся вегетарианцы»; «Вегетарианец *лат.* – человек, питающийся одной растительной пищей, отвергающий мясную пищу, считая ее вредной, а убой животных противонаравственным; впрочем, иногда допускает употребление яиц, молока, масла и сыра»³. Подобное же толкование находим во втором издании «Словаря иностранных слов» Ф. Н. Петрова (М., 1942): «вегетарианский [ср. – лат.] – растительный (о пище), безубойный»; а также в четвертом издании «Краткого словаря иностранных слов» (М., 1947): «вегетарианец – человек, питающийся главным образом растительной пищей, сторонник безубойного питания».

В последующих редакциях слово *безубойный* отсутствует. Вследствие Октябрьской революции и советской политики питания данное слово исчезло из общего языкового сознания. По сведениям, предоставленным мне Гельмутом Кайпертом, два видных исследователя русского языка в ответ на вопрос о сегодняшнем употреблении слова *безубойный* сообщили ему, что до сих пор не сталкивались с этим словом. Тем не менее, его употреблял Толстой, который, по свидетельству климатолога профессора А. Воейкова, датированному 1913 г., интересовался даже «безубойными шубами»⁴.

Выражение «владеть языком», посредством калькирования вошедшее во многие европейские языки, в свое время подверг резкой критике венский писатель—сатирик и критик культуры Карл Краус (1875–1936) – задолго до того, как исследование «языковых картин мира» стало лингвистической дисциплиной. В истории русского вегетарианства, действи-

тельно, можно найти обратные примеры того, как язык, со своей стороны, владеет мышлением человека, определяет человеческое сознание посредством границ семантических полей и «внутренней формы» слова. Уже во Введении я указывал на то, что в русском языке семантическое поле слова *убой* соотносится с целым словарным гнездом 'убить/убивать' (ср. *бойня*, а также *убоина* 1. 'животное, предназначенное на убой', 2. 'мясо убитого животного' – (впрочем, существует еще и глагол *резать*, в одном из своих лексико—семантических вариантов обозначающий убой домашнего скота). В силу того, что этимология слова *убойный* прозрачна (словарь В. Даля приводит слово *убойник* как одно из церковных обозначений смертоубийцы), в спорах вокруг вегетарианства это прилагательное продолжали ставить в связь со словами *убивать* или *убийство* как сторонники, так и противники движения. *Безубойный* стало синонимом к слову *вегетарианский*, равно как и ключевым словом дебатов (с подчеркнута и преувеличенно этической подоплекой), что и определило направление этих дебатов. Причем, очевидно, инициативу взяли на себя вегетарианцы. *Убойный* употреблялось ими для характеристики питания: например, проф. А. П. Зеленков в 1903 г. говорил в одном своем докладе: «убойная, или, как обыкновенно говорят, „мясная пища“»⁵. Между тем в авторитетных словарях русского языка есть словосочетания *убойная площадка* и *убойный вес*, но к пище это прилагательное не применяется⁶.

Известное влияние на русские дискуссии о вегетарианстве и реформе жизни имело, возможно, и то, что слово *трава* в русском языке обладает широким спектром значений. При переводе русского *трава* на немецкий приходится выбирать между *Gras* (обыкновенная трава, образующая травяной газон или луг, а в сушеном виде называемая сеном) или *Kraut* (пряная зелень, целебная или лекарственная трава). Многозначность слова *трава* повлекла за собой насмешки в адрес тех, кто употреблял лечебные, «полезные» травы для приготовления чая или даже блюд (ср. VI.5, с. 213–214).

Очень распространенным является метафорическое употребление слов *вегетарианец*, *вегетарианство*, *вегетарианский* для обозначения сторонников миролюбивой, а иногда и слишком гибкой позиции. Подобное употребление мы находим в главе о В. Маяковском (см. ниже с. 238), а также в ряде других глав данного исследования. Это связано, разумеется, с ведущимися еще с античных времен спорами о влиянии растительного или мясного питания на темперамент и характер человека. Именно это переносное значение слова «вегетарианец» вошло в русские словари. Так, Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (1936) определяет переносное значение слова *вегетарианец* следующим образом: «перен.: Противник насилия в политической борьбе (нов. ирон.) *Соци—ал—в{егетарианец}*»⁷. В «Словаре иностранных слов» Ф. Н. Петрова это значение отмечено как второе: «2) *ирон.* противник решительных мер»⁸. Анна Ахматова, по свидетельству Надежды Мандельштам, называет период до сталинского террора временем «еще сравнительно вегетарианским».

Подобная метафорика, впрочем, не ограничивается исключительно советской Россией. В Швейцарском парламенте в апреле 1993 г. правительству было выдвинуто обвинение в том, что оно посылает «на переговоры в Брюссель вегетарианцев». В России, в Интернет—дискуссии 1999 г. по проблеме чрезмерного использования иностранных слов в русском языке, в одной из реплик резкой критике подвергаются постановления, принятые в канадском франкофонном Квебеке и предусматривающие очищение французского языка и ограничения на использование так называемого «франгле» (*Franglais*, то есть своеобразной помеси французского и английского): «Возможно, я еще слишком хорошо помню омерзительную советскую цензуру, которая тоже чем—то вполне пристойным прикрывалась, и переносу этот привкус крови на вполне вегетарианскую Канаду». «Вегетарианская Канада» здесь означает 'мирное гражданское общество', ведь нельзя же отнести всех канадцев к вегетарианцам...

Термины, обозначающие различные направления в вегетарианстве, прошли свой путь развития и в России. Выражение *вегетализм* (от франц. *vegetalisme*) использовалось для именованя вегетарианцев, не принимающих в пищу молочные продукты⁹; сегодня, как правило, используется термин *веганство*. Позднее люди, ведущие *веганский* образ жизни (как уже упоминалось выше в замечаниях об энциклопедиях), стали называться *старо—вегетарианцами*, а лактовегетарианцы — *младо—вегетарианцами*. Этот узус находим повсеместно в словарях советского времени под заглавным словом *вегетарианство*. Сегодня эти термины считаются устаревшими. В русском также прижились термины *веганец*, *веганцы* (ВТ 9—12, 1997). В противоположность этому, слова *веги* (*veg*) или *вегини* (*вегиня*) обозначают вегетарианцев в общем, хотя преимущественно в разговорной речи (ВТ 7—8, 1998).

Слова *сыроед* или *вегетарианец—сыроед* (ВО 1912: 5 196) — существовали уже до Первой мировой войны; более поздним является обозначение *натурист* (ср. ВТ: *натуристы*, или *сырое—ды*). В «Русско—немецком словаре» Павловского (3—е изд., 1900) можно найти следующее значение, почти противоположное первому: *сыроед*, *сыроедка*: 'der/die sich von rohem Fleisch, von rohen Fischen Nahlrende' (разумеется, взято из Даля¹⁰). Однако в академическом «Словаре современного русского литературного языка» в 17—ти томах (ССРЛЯ; Т. 14, 1963) слово *сыроед* не зафиксировано. Кроме того, до Первой мировой войны для обозначения *fruitarians* использовался термин «фруктоеды», более поздним является выражение *фрукторианцы*¹¹.

Вегетарианцы, в свою очередь, не церемонились с выбором слов в адрес «плотоядников». Зачастую в литературных и бытовых текстах в значении 'мясо' использовалось слово *труп* (ср. у Толстого, Лескова, Паоло Трубецкого и др.). Соответственно, потребители мяса получили название *трупоядники*, а потребление мяса — *режим трупоедения*. Таким способом выражался протест против языкового «вуалирования» того факта, что этот продукт питания — животного происхождения; факта, упоминание о котором в западноевропейских языках частично избегается еще чаще за счет использования других этимонов: «A vegetarian diet supplies our bodies with an adequate amount of proteins, vitamins and minerals. We find particular cultural aspects expressed in our language. The pig is an animal, its meat pork, or swine. The fact that meat was an animal is being veiled»¹². В результате убоя молодого теленка (*calf*) мы получаем *veal* (телятина), а убой быка (ох) или коровы (*cow*) дает *beef* (говядина). В русском языке средством «вуалирования» служит также указание на температуру пищи: *жаркое*; немецкий язык прибегает к указанию на способ приготовления (ср. нем. *Braten*).

Для обозначения «плотоядников» вегетарианцы использовали также термины *скотоед*, *скотоедка*. По свидетельству профессора А. Воейкова (ВО 1909: 2 9), это слово впервые употребил Б. А. Долячко, редактор «Вегетарианского вестника» 1904—1905 гг. В вегетарианских коммунах 1920—х гг. обязательные поставки мяса называли «мясной повинностью». Слово же *мюсли*, обозначающее распространенную на Западе в частном обиходе, в семейной кухне и гастрономии смесь из овсяных или кукурузных хлопьев с добавлением фруктов и орехов, появляется в русском языке только в годы перестройки.

При обращении друг к другу в среде вегетарианцев было в ходу слово *единомышленник* / *единомышленница*, которое, конечно же, отмечено словарями. В результате частого употребления в объявлениях и т. п., это слово стали сокращать до менее прозрачного *едином*. и *единомышл*. Приверженцы общества «Духовное пробуждение», основанного в 1910 г., называли себя *пробужденцами*.

IV. РАННИЕ ПОПЫТКИ НАУЧНОГО ОБОСНОВАНИЯ

1. Первый манифест: А. Н. Бекетов

В 1878 г. в журнале «Вестник Европы» была опубликована статья, размером почти в три печатных листа, которая в вопросе о питании действительно принесла новые «вести» из Европы. Автор статьи, Андрей Николаевич Бекетов (1825–1902) – ректор Петербургского университета в период с 1876 по 1884 гг. – был одним из ведущих русских ботаников девятнадцатого века (в 1880 г. он станет дедом Александра Блока)¹. Его этюд носил название «Питание человека в его настоящем и будущем»². Через год, в 1879 г., он выйдет отдельной брошюрой тиражом в две тысячи экземпляров; в 1881 г. – на французском и в 1882 г. – на немецком языках³; причем французская версия статьи нашла живой отклик и в Италии⁴.

В своем исследовании Бекетов решительно высказался в пользу вегетарианского режима питания; этот труд считается первым русским сочинением о вегетарианстве. В 1893 г., после выхода трактата Л. Н. Толстого «Первая ступень», издательство «Посредник» выпустило второе издание брошюры Бекетова, а в 1896 г. выходит третье (оба тиражом в 7 200 экземпляров).

Бекетов стремился своим сочинением пробудить в обществе интерес к вопросам питания как одного из важных факторов физического и интеллектуального развития человека. Более объемный труд по истории питания – «Развитие человеческой способности питания» (1873) – опубликовал ранее историк А. П. Шапов (1830–1876)⁵. Бекетов, со своей стороны, размышляя в глобальном культурно—историческом контексте и опираясь на научные данные современной ему биологии и экономики, сделал попытку заглянуть в будущее. Выводы, к которым приходит Бекетов, сегодня отчасти стали уже само собой разумеющимся знанием, отчасти – опровергнуты в силу непредвиденных обстоятельств; а перед некоторыми проблемами, обозначенными Бекетовым, человечество стоит и по сей день, причем ситуация нередко носит еще более острый, чем представлял себе автор, характер. Не привлекая пессимистические прогнозы Роберта Мальтуса, Бекетов указывал на безостановочный рост населения планеты – уже тогда число жителей Земли составляло 1,5 млрд. человек, а за прошедшие 120 лет оно, как известно, увеличилось вчетверо [по данным на 1 января 2002 г. насчитывалось 6 196 141 294 обитателей земного шара!]. Человечеству, писал Бекетов, предстоит пройти еще длинный ряд тысячелетий. Проживая во все уменьшающемся пространстве, оно должно пересмотреть вопросы своего питания.

Какая пища соответствует правильному развитию человеческой природы? Вот вопрос, которым задается Бекетов. Обратившись прежде всего к физиологии (569–573), он отмечает, что между животной и растительной пищей резкого химического различия не существует. Различным является соотношение содержания белков и углеводов. Человек может жить, питаясь только хлебом или только мясом, хотя при этом в обоих случаях потребляется избыточное количество пищи. По Бекетову, в Европе наилучшим считается смешанный рацион, состоящий из % фунта мяса и 2 /4 фунта хлеба ежедневно. Таков идеал пищи западноевропейской буржуазии (571). Употреблять меньшее количество мяса, по мнению тогдашних диетологов – Бекетов называет их с легкой иронией «практиками—физиологами» – вредно для здоровья. Они решительно предписывают всему человечеству «одну и ту же карту обеда», не обращая внимания на экономическое состояние планеты. Но вряд ли, по наблюдению автора, можно считать неоспоримой истиной привычки состоятельных классов

Европы; при экспериментах необходимо в равной мере принимать в рассмотрение и остальные девять десятых населения Земли.

Далее Бекетов обращается (574–579) к строению органов пищеварения человека. Особенности кишечного канала человека указывают исследователю «на пищу, менее легко варимую, чем мясо, но более удобоваримую, чем трава». Разумеется, напрашивается сравнение органов пищеварения человека и ближайших к нему животных. «Но тут мы встречаемся со странным явлением в науке, или, вернее, в ученом мире. Под давлением того обстоятельства, что пища европейских буржуа есть наилучшая пища для всего человечества вообще, некоторым господам пришло в голову сравнивать человека со свиньей» (574), вместо того чтобы сравнивать с человекообразными обезьянами – животными, ближайшими к человеку по строению. Орангутанг и горилла, которая вчетверо сильнее человека, питаются исключительно растениями и плодами (575). Они полностью лишены охотничьих инстинктов, пишет Бекетов. Еще Жорж Кювье высказывал мнение, что человек по своей сути приспособлен к растительной пище, но только к «мягкой» или «полумягкой» (т. е., например, не к траве); изобретение огня дало человеку возможность потреблять в пищу и мясо; Бекетов дополняет, что без огня не было бы и хлеба, то есть и определенные растения – например, картофель, бататы или зерновые – без огня не имели бы для человечества такого значения.

Таким образом, если человек действительно от природы приспособлен к растительному питанию, то мясо вряд ли является столь необходимой «примесью к пище человека», как считают многие «физиологи—практики». И действительно, применительно к густонаселенным странам Азии и Африки о мясе как о народной пище не может быть и речи. По Бекетову, в мировом масштабе мясоеды – лишь ничтожная группа людей; основу пищи человечества в целом составляют четыре злака: рис, кукуруза, пшеница и рожь. Если такое бедствие, как голод, оказывается частым явлением, то причиной его является неравномерность распределения пищи; с другой стороны, ввести пищевые законы «физиологов—практиков» для всего человечества невозможно. Это утверждение Бекетова имеет силу и сегодня.

В целом можно наблюдать, пишет Бекетов, что «населенность людьми обратно пропорциональна населенности домашними животными». По мере увеличения численности населения человеку придется применять паровой плуг для разработки «пастушеских стран», а также увеличить площадь возделываемых земель за счет осушения или орошения (как в сегодняшней Голландии и Италии).

Изучив динамику цен на хлеб и мясо в период с 1816 по 1875 год, Бекетов приходит к выводу, что в будущем мясо всегда будет сравнительно дороже хлеба уже потому, что мясо – продукт «дважды переработанный» (имеется в виду первичное прохождение растительной пищи через пищеварительные органы животных). Если согласиться с мнением «физиологов—практиков», утверждающих, что без мяса человеческая пища не может считаться нормальной, то человечество оказывается в безвыходной ситуации. Большая часть человечества, заключает Бекетов, навсегда останется плохо или посредственно прокормленной массой, которой будет управлять горстка хорошо питающихся и интеллигентных людей. «Меньшинство (...) станет разрабатывать науки и искусства, заботиться о лучшем продовольствии масс и в то же время постоянно сознавать, что наделить всех нормальной пищей – несбыточная мечта.

Так действительно думает западноевропейская буржуазия. Находясь во главе наиболее процветающих масс [в Европе], она вполне довольна своею деятельностью, ибо довела своего среднего человека до небывалого довольства...». Но: «... нравственный идеал всего людского рода не может удовлетвориться мещанскою философией зажиточных классов Западной Европы». (584). «К счастью, элементы пищи будущего уже и теперь намечены наукою. В Европе существует даже общество, поставившее себе задачею не только исключительно питаться растительною пищею, но и распространять то убеждение, что пища эта есть един-

ственно естественная и согласная с природою человека. Члены этого общества называют себя „вегетарианцами“ и, очевидно, верно оценили дело»⁶ (585). Это замечание Бекетова может считаться одним из первых в России упоминаний о вегетарианстве.

Далее Бекетов сравнивает содержание питательных веществ в растительной и животной пище, ссылаясь на исследования женева физиолога К. Фогта⁷. При этом он отмечает необходимость дальнейших исследований в этой области, по примеру русского доктора К. В. Ворошилова (585–587)⁸, и указывает на то, что до введения культуры картофеля в Европе бобовые растения составляли одну из главных статей пищи трудящихся классов. Фасолевого пюре (из больших полевых бобов или из бобов конских, или русских), наряду с различными злаковыми пюре являлось основной пищей западноевропейского Средневековья⁹. При этом Бекетов с сожалением отмечает, что почти все зерновые теряют на мельницах питательные вещества, содержащиеся в наружных слоях хлебного зерна, так как эти слои, стремясь добиться тонкого помола, попросту выбрасывают. Иными словами, Бекетов уже тогда говорил о полезности муки грубого помола.

Автор отмечает странное явление: «Все в технике, кажется, двигается вперед, и притом с необыкновенною быстротою, одна только пища человеческая остается в том же, почти первобытном состоянии. Более или менее удобные комбинации разных продуктов питания отыскиваются как—то сами собою, или помощью поваров, метрдотелей и так называемых гастрономов, т. е., по—просту и по—русски, обжор. Наука мало или вовсе не заботится об улучшении пищи на рациональных основаниях» (588).

В Европе, по словам Бекетова, стало модой утверждать, что люди, занятые интеллектуальным трудом, должны непременно питаться смешанной, животной—растительной пищей. А в состоянии ли растительная, тяжелая, по мнению «практиков», пища способствовать росту духовных сил? Автор склонен к утвердительному ответу (589) и был, по всей видимости, прав, хотя он не мог знать, что через сто лет «физиологи—практики», гигиенисты и диетисты повсеместно будут пропагандировать растительную пищу ввиду высокого содержания балластных веществ во фруктах и овощах.

Дальнейшей темой размышлений Бекетова становится распространенное в то время убеждение, что ведущая роль Англии как культурной нации, в особенности в период индустриализации, объясняется якобы тем, что англичане потребляют большое количество мяса. Не заключается ли это на основании ошибочного правила *cum hoc ergo propter hoc**? – спрашивает Бекетов. Прочных основ для данного мнения не существует. О пище людей, действительно заслуживших признание человечества, мы имеем данные самые жалкие. Однако мы получаем из книг множество сведений о трапезах великих властителей и завоевателей. «Мы знаем, например, что ели Аттила и Наполеон I, как один поглощал полусырую конину, а другой любил особенно зажаренных цыплят (*poulets a la Marengo*)». Знаем мы и о том, чем отягчал свой желудок Лукулл, но о скромных трапезах Сократа можем только догадываться. «Мы позволяем себе, однако же, предполагать, что в стране огромных ростбифов и бараньих котлет, этими благами пользуются и пользовались преимущественно не мыслители, не члены лондонского королевского общества, а герои биржи и обитатели Сити» (590).

*После этого – значит вследствие этого (*лат.*)

Действие, которое оказывает обильное потребление мяса на разум и душу английского высшего общества, занимало еще Н. М. Карамзина. В «Письмах русского путешественника» (1791) герой спросил у официанта салату: «Но мне подали вялую траву, облитую уксусом: Англичане не любят никакой зелени. *Рост—биф, биф стекс* – есть их обыкновенная пища. От того густеет в них кровь; от того делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и не редко самоубийцами». В этой любви к мясу Карамзин видит – наряду с климатом и «дымом от угольев» – одну из причин английского сплина¹⁰.

Значительное место [в своей статье] Бекетов отводит масштабному рассмотрению параллелей между способами питания и цивилизованностью, начиная с первобытного общества и заканчивая современностью. Культурный скачок, как следствие перехода к земледелию, по оценке Бекетова, не столько основывается на свойствах пищи, сколько объясняется большим напряжением умственных сил, изобретательностью, которых требовали земледелие [взять хотя бы трудности с орошением в крупных речных культурах. – П. Б.] и облагораживание диких растений. Ученый указывает на привычки в питании цивилизованных народов древности (Китай, Индия), а также греков, в лучшие времена своей истории питавшихся с величайшей умеренностью и преимущественно растениями, за что они даже получили прозвища «малопищих» (ἰσχροψαγεῖς) и листоедов (φυλλοφάγοι;) (599). Предрассудок о безусловной необходимости смешанной животной—растительной пищи сложился исторически, вследствие долговременной привычки зажиточных классов европейского общества, а также вследствие удобств регулирования баланса между белковыми и безбелковыми веществами, предоставляемыми этой пищей (599).

Бекетов еще раз подтверждает выведенное им правило, согласно которому населенность людьми обратно пропорциональна населенности домашними животными; он указывает на регулярное повторение в истории угрозы, которую представляют для земледельческих народов – на этот раз он говорит о народах Индии, Китая – кочующие «мясоядные» племена, живущие скотоводством (595).

Бекетов не мог быть свидетелем того, что сегодня происходит в экономике стран Западной Европы: выясняется, что и при густой населенности производство мяса может иметь крупные масштабы. В Германии потребление мяса на душу населения в период с 1800–1975 гг. возросло почти в 7 раз; с 13 до 85 кг в год. Это достигается сегодня благодаря интенсивному содержанию животных (в том числе в многоэтажных животноводческих фермах), более интенсивному производству кормов (с использованием промышленных удобрений) и ввозу кормов, соответствующему спросу¹¹. Вероятно, Бекетов осудил бы подобное развитие дел – в рамках своей общей концепции: ведь он с сожалением и осуждением замечает, что в недавнее время в равнинной части северной Германии хлебные поля превратились в луга – ради обеспечения англичан мясом, и что Россия кормит своим хлебом Англию... (601).

В своем просвещенном оптимизме Бекетов развивает – предвосхищая теорию В. И. Вернадского о переходе к ноосфере – представление о трехступенчатом развитии человеческого рода: от века *самосохранения* в доисторический период, через век дальнейшего *сохранения рода* в новое время – до века *самосовершенствования* в будущем. Уверая в вероятности этого пути развития человечества, он предлагает читателю представить себе одного из швейцарских дикарей в доисторическом поселении на сваях на берегу Констанцкого озера (эти поселения были обнаружены в 1850–е гг.). Поверили бы этому человеку эпохи неолита его современники, если бы он рассказал, что ему приснились во сне фантастические здания, башни и церкви, возвышающиеся над берегом озера и бороздящие воды озера паровые суда? (603) «Итак, повторяем, будущность за вегетарианцами, а науке предстоит великая обязанность – выработать формулу растительной пищи, вполне соответственную основным выводам физиологии» (604).

Доводы гуманности Бекетов пускает в ход лишь в конце своего исследования – и тем больше их весомость, – делая это, очевидно, совершенно независимо от формирующегося на Западе движения вегетарианства¹². Любовь ко всему живому не вяжется с убийством бессловесного животного, отвращение ко всякому кровопролитию будет всегда первейшим признаком гуманности. Бекетов не исключает, что многие при этом могут разразиться сардоническим смехом над сентиментальностью и тому подобным. Но:

Мы все до того привыкли есть или видеть, как другие едят мясо, что нам при этом и в голову не приходит мысль об убийстве тех животных, куски которых лежат перед нами на

блюде. Там, где—то за городом, есть бойня, отвратительное, смрадное и кровавое место, где режут, дерут, рубят и цедают кровь из жил; но кто же туда заглядывает!

Там, где—то за Дунаем (...) валяются тысячи мертвых и полумертвых человеческих тел, растерзанных и всячески изможденных [ко времени Берлинского конгресса Русско—турецкая война 1877–1878 гг. только что закончилась. – П. Б.]; но что же делать, – война, необходимое зло, имеющее и свою хорошую сторону, ибо оно освежает общественную атмосферу, подобно грозе, как говорит знаменитый фельдмаршал Мольтке.

Мне кажется, что эти две бойни находятся в несравненно более тесной связи, чем то думают обыкновенно; что мясничье—ское и пушечное мясо (*la chair de la boucherie et la chair a canon*) представляют два явления, друг друга определяющие или, по крайней мере, друг друга поддерживающие (604–605).

То же, впрочем, имел в виду Байрон:

For we all know that English people are Fed upon beef — I won't say much of beer, Because 'tis liquor only, and being far	Мы знаем: англичане искони Любители говядины и пива, Но пиво всякой жидкости сродни,
From this my subject, has no business here;	И суть не в пиве, говоря правдиво,
We know, too, they are very fond of war, A pleasure – like all pleasures – rather dear; So were the Cretans – from which I infer,	Но и войны любители они, А это стоит дорого; не диво, Что бритт и Крит обожают скот,
That beef and battle both were owing her. ¹³	Пригодный для убоя круглый год.

Предпринятое выше подробное изложение главных линий аргументации Бекетова объясняется тем, что данный трактат является первым русским рассмотрением основополагающих социально—политических и экономических аспектов вопроса питания, а также проблем, с которыми люди сталкиваются и по сей день. То, к чему призывал Бекетов – заглянуть внутрь бойни, – очень основательно сделал 14 лет спустя Толстой. Сам Бекетов занимался усиленным распространением своих идей о реформе питания в кругах учащейся молодежи, читая лекции в высших учебных заведениях ¹⁴.

Русская публицистика едва ли выразила понимание устремлений Бекетова. В журнале «Здоровье» В. Истомин упрекал «почтенного профессора», настаивая на том, что, дескать, мясная пища легче усваивается организмом. И неслучайно в Европе и США, где предпочтение отдается смешанному питанию, психическое развитие человека опережает другие страны. Сравнение с человекообразными обезьянами, по утверждению В. Истомина, еще не доказывает способность также и человека, стать вегетарианцем. Социологические и экономические аргументы А. Н. Бекетова отвергаются: не исключено, утверждает В. Истомин, что производство скотоводческой продукции достигнет такого размаха, что мясо будет некуда девать ¹⁵.

Политически—гротескную интерпретацию концепции А. Н. Бекетова можно найти в газете «Неделя». Критик уверяет, что исследование Бекетова отличается оригинальностью, широтой взгляда и гуманностью мышления. Однако развитие цивилизации на Западе ускоряется все больше, России грозит опасность отставания. «Для того, чтобы этого не случилось, нам нужна энергия, энергия и энергия, а мясная пища, по крайней мере нашему поколению, даст эту энергию больше, чем другая. Так будем же питаться мясом и оставим реформы

в своей пище до более удобного времени, когда можно будет заняться „самоусовершенствованием“»¹⁶.

Л. Н. Толстой 15 мая 1891 г. настоятельно рекомендует Черткову срочно переиздать трактат Бекетова; годом ранее, 11 мая 1890 г., у него впервые возникла идея написать книгу о еде («Об еде – книга нужна»). Когда в 1893 г. бекетовское сочинение вновь вышло из печати в издательстве «Посредник», журнал «Русское богатство» признал научность аргументации Бекетова, но упрекал его – несправедливо – в том, что он якобы, «как и все вегетарианцы», постоянно смешивает земледельческую жизнь с растительным питанием¹⁷. «Русская мысль» выдвигала часто приводимый контраргумент, согласно которому растения тоже могут испытывать боль; следовательно, питаться должно неорганическими веществами, а до синтеза белка еще далеко. Не без основания критиковали указание Бекетова на низкую степень развития жителей Арктики, живущих мясом и рыбой: решающую роль здесь играет не питание, а климат. Но ни слова не было сказано об основных тезисах Бекетова.

Как и следовало ожидать, исследование Бекетова не рассматривается и в брошюре П. А. Баранова, вышедшей в

1952 г. и посвященной научному значению трудов Бекетова; оно лишь указано в библиографии¹⁸. Подробная статья о Бекетове в новом, в основе своей обстоятельном, биографическом словаре русских писателей (*РП*) тоже не удостоивает упоминанием его апологию вегетарианского питания¹⁹.

Помимо прочего, Бекетов, как уже говорилось выше, был автором статьи о вегетарианстве в 10–м томе энциклопедии Ф. Брокгауза и И. Ефрона (1892), – одной из 200 статей под его авторством в этом издании; по его подсчетам, приведенным в этой статье, число русских вегетарианцев исчислялось десятками тысяч, «не считая народные массы, которые повсюду держатся растительной пищи».

2. Вегетарианец в сибирской ссылке? Н. Г. Чернышевский

«В книге представлена галерея великих вегетарианцев (Л. Толстой, Н. Чернышевский, И. Репин и др.)» – так гласил в 1992 г. анонс книги «Вегетарианство в России» (НК–92–17/34, предусмотренный тираж – 15 000, объем – 7 печатных листов); книга, по всей вероятности, так и не вышла в свет – по крайней мере, под этим названием. Утверждение о том, что Н. Г. Чернышевский (1828–1889) был вегетарианцем, может удивить тех, кто ознакомился с его социально—утопическим романом «Что делать?» в рамках обязательной школьной программы. Но в 1909 г. в *ВО* действительно можно было прочесть следующую заметку:

17 октября с. г. исполнилось двадцатилетие со дня кончины Николая Григорьевича [sic!] Чернышевского.

Многие из единомышленников не знают, что и этот великий ум принадлежал к нашему лагерю.

В № 18 журнала «Неделя» за 1893 г. находим следующий (интересный для вегетарианцев факт из жизни на далеком севере в Сибири покойного Н. Г. Чернышевского). «Неделя» ссылается на немецкий орган «*Vegetarische Rundschau*» и пишет: «В Сибири, в Колымске, близ Якутска, живет 15 лет в ссылке автор романа „Что делать?“. Ссылный владеет небольшим садиком, который он сам обрабатывает; он обращает много внимания и тщательно наблюдает за ростом своих растений; он осушил болотистую почву в саду. *Чернышевский живет продуктами, им самим добываемыми, и питается только растительной пищей.* Он живет так умеренно, что во весь год не издерживает тех 120 руб., которые отпускает ему правительство»¹.

В первом номере журнала за 1910 год в рубрике «Письмо в редакцию» было опубликовано письмо некоего Я. Чаги, указывающее на то, что в заметку в № 8–9 вкрались ошибки:

Во—первых, Чернышевский был в Сибири в ссылке не в Колымске, а в Вилюйске, Якутской обл. (.) Во—вторых, Чернышевский был в ссылке в Вилюйске не 15, а 12 лет.

Но все это (.) не столь существенно: гораздо существенней то, что Чернышевский в свое время был сознательным и довольно строгим вегетарианцем. И вот я, в свою очередь, в подтверждение того, что в эти годы ссылки Чернышевский действительно был вегетарианцем, привожу следующую цитату из книги Вл. Беренштама «Около политических»; автор передает рассказ жены капитана парохода о Чернышевском, по соседству с которым она прожила около года в Вилюйске.

«Он (т. е. Чернышевский) не ел ни мяса, ни белого хлеба, а только черный, употреблял крупу, рыбу и молоко...

Больше всего Чернышевский питался кашей, ржаным хлебом, чаем, грибами (летом) и молоком, редко – рыбой. Птица дикая в Вилюйске тоже была, но он ее и масла не ел. Он ни у кого и в гостях ничего не ел, как, бывало, ни просили. Раз только на именинах моих немного съел пирога с рыбою. Вина тоже терпеть не мог; если, бывало, увидит, сейчас говорит: «это уберите, уберите!»»².

Сверяясь с книгой Вл. Беренштама, можно установить, что в 1904 году Я. Чага во время поездки пароходом по реке Лена познакомился с Александрой Ларионовной Моги-

ловой, женой упомянутого капитана. В первом браке она была замужем за унтер—офицером Герасимом Степановичем Щепкиным. Этот ее первый муж был последним надзирателем тюрьмы в Вилуйске – месте, где Чернышевский провел в ссылке 12 лет. Разговор с ней записан дословно (краткая версия из уст самого Щепкина была опубликована С. Ф. Михалевичем уже в 1905 г. в «Русском Богатстве»). В 1883 г. А. Л. Могилова (тогда еще Щепкина) жила в Вилуйске. По ее рассказу, Чернышевский, которому от рассвета до наступления ночи разрешалось покидать тюрьму, собирал грибы в лесу. О бегстве из бездорожных дебрей не могло быть и речи. Зимой там все больше ночь, а морозы сильнее, чем в Иркутске. Овощей никаких, картофель привозили издалека скопцы по 3 рубля пуд, но Чернышевский не покупал его совсем из—за дороговизны. У него было пять больших сундуков с книгами. Летом мучение от комаров было ужасным: «В комнате, – вспоминает А. Л. Могилова, – стоял „дымокур“, горшок со всяким тлеющим хламом. Если взять белый хлеб, то сразу мошка так обсядет густо, что подумаешь, будто икрой вымазан»³.

Удостовериться в рассказе Вл. Беренштама можно сегодня на основе тех данных, которые находим в переписке Чернышевского. В 1864 году за участие в студенческих и крестьянских волнениях 1861–1862 гг., а также за контакты с эмигрантами А. И. Герценом и Н. П. Огаревым Чернышевского присудили – после мнимой казни (какую в свое время устроили и Достоевскому) – к семи годам принудительных работ на иркутских серебряных рудниках с последующей пожизненной ссылкой. С декабря 1871 г. по октябрь 1883 г. его держали в поселении Вилуйске, расположенном в 450 километрах на северо—запад от Иркутска. Письма Чернышевского из тамошней ссылки, относящиеся к 1872–1883 гг., можно найти в XIV и XV томах полного собрания сочинений писателя; отчасти эти письма довольно длинны, так как почта в Иркутск отправлялась раз в два месяца⁴. Придется мириться с некоторыми повторами для того, чтобы нарисовать полную картину.

Чернышевский не перестает заверять жену Ольгу, сыновей Александра и Михаила, а также профессора А. Н. Пы—пина – известного историка культуры, поддерживающего семью ссылкой деньгами, – в том, что у него все хорошо: «. мне, мужчине, здоровому, не нуждающемуся ни в лекаре, ни в лекарствах, ни в знакомствах с людьми, ни в комфорте, мне здесь можно жить и без вреда моему здоровью, и без скуки, и без всяких лишений, ощутительных моему мало—разборчивому чувству вкуса». Так он пишет своей жене Ольге Сокра—товне в начале июня 1872 г., убедительно прося ее отказаться от мысли посетить его⁵. Почти в каждом письме – а их свыше трехсот – находим уверения в том, что он здоров и ни в чем не имеет недостатка, просит о том, чтобы ему не посылали денег⁶. Особенно часто писатель говорит об обстоятельствах своего питания и о буднях в ссылке: «Я пишу все о пище; потому что, я полагаю, это единственный предмет, о котором сколько—нибудь еще можно сомневаться, достаточно ли удобна мне здешняя обстановка. Более удобна, чем нужно мне по моим вкусам и надобностям (.) Я живу здесь, как в старину живали, вероятно и теперь живут, помещики средней руки в своих деревнях»⁷.

Вопреки предположениям, которые могут вызвать рассказы, приведенные вначале, в письмах Чернышевского из Ви—луйска неоднократно говорится не только о рыбе, но также и о мясе.

1 июня 1872 г. он пишет жене, что благодарен тому доброму семейству, которое старается о его еде: «Во—первых, трудно найти мясо или рыбу». На самом деле ни мяса, ни рыбы не было в продаже с апреля до октября или ноября. «Но благодаря их [того семейства] заботливости я имею каждый день достаточно, даже изобильно, мясо или рыбу хорошего качества»⁸. Важная забота, пишет он, для всех русских, живущих там, – это обед. Нет там таких погребов, в которых летом провизия сохранялась бы хорошо: «И мяса летом нельзя употребить в пищу. Надобно продовольствоваться рыбой. Кто не может есть рыбы, те сидят иногда

голодные. Ко мне это не относится. Я ем рыбу с удовольствием и счастлив этим своим физиологическим достоинством. Но если нет мяса, люди, не любящие рыбу, могут питаться молоком. Да, и стараются. Но со времени моего приезда сюда это стало труднее прежнего: мое соперничество в покупке молока произвело оскудение этого продукта на здешней бирже. Ищут, ищут молока – нет молока; все куплено и выпито мной. Кроме шуток, так». Чернышевский покупает по две бутылки молока в день («здесь меряют молоко бутылками») – это результат доения трех коров. Качество молока, замечает он, неплохое. Но так как молоко трудно достать, то он пьет чай с утра до вечера⁹. Чернышевский шутит, но, тем не менее, между строк чувствуется, что положение с питанием даже у очень скромного человека было незавидное. Правда, хлебное зерно было. Он пишет, что с каждым годом якуты (под русским влиянием) сеют все больше хлеба¹⁰ – он родится там хорошо. На его вкус, хлеб и кушанье приготовлены довольно хорошо¹¹.

В письме от 17 марта 1876 г. читаем: «Первое лето здесь я с месяц терпел, как все здесь, недостаток в свежем мясе. Но и тогда была у меня рыба. А научившись опытом, в следующее лето я сам позаботился о мясе, и оно с той поры в каждое лето у меня свежее. – Тоже и об овощах: теперь я не имею недостатка в них. Здесь обилие дикой птицы, разумеется. Рыба – летом, как случится: иногда по несколько дней нет ее; но вообще и летом ее у меня – сколько угодно мне; а зимой она всегда есть хорошая: стерлядь и другие рыбы такого же хорошего вкуса, как стерлядь»¹². А 23 января 1877 г. он уведомляет: «Относительно пищи я с давнего времени соблюдаю те предписания медицины, какие возможно исполнять в здешней полудикой и совершенно нищенской местности. Эти люди не умеют даже изжарить мясо. (...) Главная моя пища, издавна, молоко. Я употребляю его по три шампанских бутылки в день (...) Три бутылки от шампанского это 5 У фунтов молока. (.) Можешь судить, что, кроме молока и чаю с сахаром, мне далеко не каждый день может понадобиться фунт хлеба и четверть фунта мяса. Хлеб у меня сносный. Мясо варить умеют и здешние дикари»¹³.

Трудно приходилось Чернышевскому с некоторыми из местных обычаев в еде. В письме от 9 июля 1875 г. он делится следующими впечатлениями: «Относительно стола мои дела давно стали совершенно удовлетворительны. Здешние русские позаимствовались кое – чем в своих гастрономических понятиях от якутов. Особенно нравится им поедание коровьего масла в невероятных количествах. С этим довольно долго не мог я сладить: кухарка считала необходимостью подать масло во всякие блюда мне. Я переменял этих старух (.) не помогали перемены, каждая следующая оказывалась в кормлении меня маслом непоколебима в якутском кухонном правоверии. (.) Наконец отыскалась старуха, жившая когда – то в Иркутской губернии и имеющая на коровье масло обыкновенный русский взгляд»¹⁴.

В том же письме есть и заслуживающее внимания замечание об овощах: «В прошлые годы я по своей беспечности оставался небогат овощами. Здесь они считаются более роскошью, лакомством, нежели необходимою составною частью пищи. В нынешнее лето мне случилось не забыть принять меры, чтобы у меня было столько овощей, сколько нужно по моему вкусу: я сказал, что покупаю всю капусту, все огурцы и т. п., сколько будет у здешних огородниц для продажи. (.) И я буду снабжен овощами в количестве, без сомнения, превышающем мои надобности. (.) Есть у меня и другое занятие такого же характера: собирать грибы. Само собою разумеется, что дать бы какому – нибудь якутскому мальчику две копейки, и он набрал бы в один день больше грибов, чем сумею я в целую неделю. Но для того, чтобы шло время на открытом воздухе, брожу по опушке леса в тридцати шагах от моего дома и собираю грибы: их здесь много»¹⁵. В письме от 1 ноября 1881 г. Чернышевский дает обстоятельную информацию о собирании и сушении разных сортов грибов¹⁶.

18 марта 1875 г. он так вспоминает о положении с овощами в России: «Я „русский“ здесь для людей, которые не менее русские, чем я; но „русские“ начинаются для них с Иркутска; в „России“ – вообрази: дешевы огурцы! И картофель! И морковь! А здесь овощи недурны, правда; но чтобы выросли они, за ними ухаживают, как в Москве или Петербурге за ананасами. – Хлеб родится хорошо, даже пшеница»¹⁷.

И еще одна цитата из длинного письма от 17 марта 1876 г.: «Ты сомневаешься, мой друг, в том, действительно ли я живу здесь хорошо. Напрасно сомневаешься. (.) Кушанья у меня – не французской кухни, правда; но ты помнишь, я терпеть не могу никаких блюд, кроме как простого русского приготовления; ты сама была принуждена иметь заботу, чтобы повар готовил для меня какое—нибудь русское кушанье, и кроме этого блюда я не ел за столом почти никогда, почти ничего. Ты помнишь, когда я бывал на пирах с гастрономическими блюдами, я оставался за столом вовсе не евши ничего. А теперь мое отвращение к изящным блюдам дошло до того, что я положительно не могу выносить ни корицы, ни гвоздики. (.)

Я люблю молоко. Да оно и хорошо действует на меня. Молока здесь мало: коров много; но кормят их плохо, и здешняя корова дает молока чуть ли не меньше, чем коза в России. (.) А в городе у них так мало коров, что им самим недостает молока. Потому после своего приезда сюда, месяца четыре или больше, я жил без молока: нет ни у кого на продажу; у всех для самих себя недостает. (Я говорю о свежем молоке. В Сибири морозят молоко. Но оно не имеет уже вкуса. Мороженого молока здесь – сколько угодно. Но я не могу пить его)»¹⁸.

В письме от 3 апреля 1876 г. ссылный сообщает: «Например: здесь есть сардинки, здесь много разных консервов. Я сказал: „много“, – нет, количество их не велико: богатых людей здесь нет; и кто имеет хорошие выписные из Якутска товары в своем домашнем запасе, расходует их экономно. Но недостатка в них никогда не бывает. (.) Например, однажды понравились мне за чаем в гостях какие—то крендели московского, оказалось по спросу о них, печенья. Можно иметь их? – „Извольте!“ – „Сколько?“ – Оказалось, что набирается фунтов 12 или 15, которые могут быть отданы мне. (...) А пока я съем 12 фунтов печенья с моим чаем. (...) Совсем иной вопрос: съел ли [я] эти фунты печенья и выписал ли себе продолжение той же приятности? Разумеется, нет. Неужели я могу в самом деле интересоваться подобными пустяками?»

С вопросами питания Чернышевский на самом деле иной раз обходится довольно небрежно. Иллюстрация тому – «история с лимоном», которая, как уверяет сам рассказчик, «знаменита в Вилюйске». Подарили ему два свежих лимона – крайняя редкость в этих местах, – он же, положив «дары» на подоконник, запамятовал о них совершенно, в итоге лимоны засохли и заплесневели; в другой раз ему присылают на какой—то праздник печенье с миндалем и тому подобным. «Штука эта была в несколько фунтов». Чернышевский положил большую часть в ящик, где хранился сахар и чай. Заглянув в тот ящик через две недели, он обнаружил, что то печенье было мягкое, нежное, и всё заплесневело. «Смех»¹⁹.

Чернышевский старается компенсировать нехватку овощей собиранием лесных плодов. Сыну Александру он пишет 14 августа 1877 г.: «Овощей здесь очень мало. Но какие можно достать, буду есть. Впрочем, их недостаток и неважен благодаря тому, что здесь растет брусника. Через месяц она созреет, и я буду постоянно употреблять ее»²⁰. А 25 февраля 1878 г. он сообщает А. Н. Пыпину: «Я знал, что у меня скорбут. Я ел бруснику, когда мог доставать. Я ел ее пудами»²¹.

Следующее сообщение относится к 29 мая 1878 г.: «Вчера я совершил гастрономическое открытие. Здесь очень много смородины. Иду я между кустами ее и вижу: она цветет. (.) А с другого отростка лезет мне прямо в губы другой гроздик цветков, окаймленный молоденькими листками. Я и попробовал, вкусно ли будет все это вместе, цветки с молоденькими листками. И съел; мне показалось: это походит вкусом на салат; только много

нежнее и лучше. Салата я не люблю. Но это понравилось мне. И обглодал я куста три смородины. – Открытие, которому едва ли поверят гастрономы: смородина – это самый лучший сорт салата»²². 27 октября 1879 г. – подобная же запись: «Сколько собирал я в это лето смородины, превосходит всякую меру и вероятность. И – вообрази: грозды красной смородины до сих пор держатся на кустах; иной день мерзлые, иной день снова оттаявшие. Мерзлые очень вкусны; совсем не тот вкус, как у летних; и по—моему, лучше. Если б я не был до чрезвычайности осторожен в пище, я объедался б ими»²³.

Кажется трудным совместить письма Чернышевского, адресованные его близким, со свидетельствами из книги Вл. Бе—ренштама и с сообщением Могиловой о вегетарианском образе жизни писателя, относящимся к последнему году ссылки. Но, может быть, все же это возможно? В письме от 15 июня 1877 г. находим следующее признание: «... я охотно признаю неизмеримое превосходство всякой кухарки надо мною во всяких вопросах кухонного искусства: – я не знаю его и не могу знать его, потому что для меня тяжело видеть не только красное сырое мясо, но и мясо рыбы, сохраняющей свой натуральный вид. Мне жалко, почти стыдно²⁴. Ты помнишь, всегда я ел за обедом очень мало. Ты помнишь, я наедался досыта всегда не за обедом, а раньше или после, – наедался хлебом. Мне неприятно есть мясо. И это было у меня с детства. Я не говорю, что мое чувство хорошо. Но таково оно от природы»²⁵.

В очень длинном письме, датированном 30 января 1878 г.²⁶, Чернышевский переводит для Ольги, частично сокращая текст, «статью одного из очень известных и самых ученых, и, что еще лучше, одного из самых умных медиков Германии, откуда получается почти вся масса медицинского знания нашими хорошими медиками»²⁷. Автор статьи – Поль Нимейер, живший в Магдебурге. «Статья носит название: „Популярная медицина и личная забота о здоровье. Культурно—исторический этюд Поля Нимейера“»²⁸.

Эта статья, в частности, апеллирует к личной ответственности человека за самого себя; Чернышевский цитирует: «Всякий сам должен заботиться о своем выздоровлении, (.) медик лишь разве ведет его за руку»²⁹. И продолжает: «Но, говорит Поль Нимейер, явилось уж хоть небольшое число людей, решившихся жить по правилам гигиены. Это – вегетарианцы (противники мясной пищи).

Поль Нимейер находит в них много чудачества, вовсе лишнего неглупым людям. Говорит, что сам он не отваживается положительно сказать: «мясо вредная пища». Но что он расположен думать, – это правда. – Этого я не ожидал.

Это я говорю уж не о твоём здоровье, моя милая Лялочка, а в собственное свое удовольствие.

Я издавна полагаю, что медики и физиологи ошиблись, причислив человека к плотоядным по природе существам. Зубы и желудок, устройство которых решает вопросы этого рода, у человека не такие, как у плотоядных млекопитающих. Еда мяса для человека – дурная привычка. Когда я стал думать так, я не встречал в книгах специалистов ничего, кроме решительного противоречия этому мнению: «мясо лучше хлеба», говорили все³⁰. Понемножку стали попадаться кое—какие робкие намеки, что, быть может, мы (медики и физиологи) слишком унижаем хлеб, слишком превозносим мясо. Теперь говорится это чаще, смелее. А иной специалист, – вот как этот Поль Нимейер, уж и вовсе расположен предполагать, что мясо для человека пища, быть может, вредная. Впрочем, я замечаю, что я преувеличил его мнение, передавая своими словами. Он говорит только:

«Я не могу допустить, что можно ставить правилом совершенное воздержание от мяса. Это дело вкуса».

И после того хвалит, что вегетарианцы гнушаются обжорством; а обжорство мясом бывает чаще всякого другого³¹.

Я никогда не имел охоты чудачествовать. Все едят мясо; потому и для меня все равно: ем, что едят другие. Но – но, все это нимало нейдет к делу. Мне приятно, как ученому, видеть, что правильный, по—моему, ученый способ понимания отношений хлеба к мясу начинает не быть безусловно отвергаем специалистами. Вот я и разболтался о своем ученом удовольствии»³².

В письме же от 1 октября 1881 г. Чернышевский заверяет жену: «В другой раз напишу тебе подробности о моей еде и обо всем тому подобном, чтобы ты яснее видела справедливость другого моего постоянного уверения: „я живу хорошо, имея в изобилии все, надобное для меня“, не особенного же, ты знаешь, любитель роскоши»³³. Но обещанные «подробности» приводятся в том же письме:

«Я не могу видеть сырого мяса; и это все развивается во мне. Прежде не мог видеть только мяса млекопитающихся и птиц; на рыбу смотрел равнодушно. Теперь тяжело мне смотреть и на мясо рыбы. Здесь невозможно питаться одною растительною пищею; а будь возможно, то, вероятно, постепенно дошел бы до отвращения от всякой мясной пищи»³⁴.

Вопрос кажется ясным. Чернышевский, с младенческих лет, как и многие дети – на что указывал еще Руссо, – испытывал природное отвращение к мясу. По собственной склонности к здраво—научному, он пытался найти объяснение этому нерасположению, но сталкивался с противоположными тезисами корифеев науки, представляемыми как неоспоримая истина. И только в статье Нимейера 1876 г. он находит объяснение своим ощущениям. Письмо Чернышевского от 30 января 1878 г. (см. выше, с. 70) написано раньше статьи А. Н. Бекетова «Питание человека в его настоящем и будущем», появившейся в августе того же года. Таким образом, Чернышевский – вероятно, первый представитель русской интеллигенции, который принципиально объявляет себя сторонником вегетарианского образа жизни³⁵.

То, что в Вилуйске Чернышевский ел мясо и большей частью рыбу, не подлежит сомнению, однако необходимо иметь в виду, что он старался оградить своих близких от беспокойства, и в первую очередь жену Ольгу, ведь, по господствовавшим тогда воззрениям, мясо считалось самым важным пищевым продуктом. Достаточно вспомнить постоянные опасения С. А. Толстой, не сократит ли вегетарианский режим жизнь ее мужа.

Чернышевский, напротив, уверен, что хорошее состояние его здоровья можно объяснить тем, что он ведет «чрезвычайно правильный образ жизни» и регулярно соблюдает «правила гигиены»: «Например: я не ем ничего такого, что тяжело для желудка. Здесь много дикой птицы, из утиных пород и пород тетеревов. Я люблю этих птиц. Но они для меня менее легки, нежели говядина. И я не ем их. Здесь много вяленой рыбы, вроде балыка. Я люблю ее. Но она тяжела для желудка. И я ни разу во все эти годы не брал ее в рот»³⁶.

Очевидно, стремление Чернышевского к вегетарианству объясняется не этическими побуждениями и заботой о животных, а, скорее, представляет собой явление эстетического и, как пропагандировал Нимейер, «гигиенического» рода. Кстати, Чернышевский был невысокого мнения и об алкоголе. Его сын Александр передал отцу советы русских врачей пить спирт – водку, например, если не виноградное вино. Но он не нуждается ни в спирте, ни в генциане и померанцевой корке: «Я берегу свой желудок очень успешно. (.) И это очень легко мне соблюдать: я не имею ни малейшей склонности ни к гастрономии, ни к какому подобному вздору. И я всегда любил быть очень умеренным в еде. (.) Самое легкое вино тяжело действует на меня; не на нервы, – нет, – но на желудок»³⁷. В письме к жене от 29 мая 1878 г. он приводит историю о том, как, однажды, сидя за великолепным обедом, он согласился для приличия выпить рюмку вина, после чего сказал хозяину: «Вот видите, я пью; да еще мадеру, а не то что какое—нибудь слабое вино». Все расхотались. Оказалось, что это было пиво, «простое, обыкновенное русское пиво»³⁸.

Весьма показательно, что Чернышевский оправдывает свое спорадическое мясоедение нежеланием (ср. выше, с. 71) выбиваться из общего ряда – проблема, с которой сталкиваются вегетарианцы и в современном обществе; вспомним приведенные у Маковицкого слова Томаша Мазарика, который объясняет, почему, несмотря на свои «вегетарианские» склонности, он продолжает есть мясо (ср. ниже, с. 132–133).

Восхищение фруктами ощутимо и в письме Чернышевского от 3 ноября 1882 г. Он узнает, что жена купила домик в Саратове и собирается разбить сад: «Если уж говорить о садах, какие называются „садами“ в Саратове, то есть о садах фруктовых деревьев, то я всегда был расположен считать самым красивым из наших фруктовых деревьев вишню. Хорошо и грушевое дерево. (...) Когда я был ребенком, часть нашего двора была занята садиком, густым, красивым. Мой отец любил ухаживать за деревьями. (.) Выучились ли теперь в Саратове достигать того, чтобы порядочно рос виноград?».

В годы юности Чернышевского в Саратове были «грунтовые сады», «в которых, – продолжает он, – хорошо росли нежные фруктовые деревья, – кажется, даже и абрикосы, и персики. – Бергамоты прекрасно росли и в простых, ничем не защищенных от зимы садах. Научились ли саратовские садоводы ухаживать за благородными сортами яблочного дерева? – В мое детство „ранет“ (reinette) в Саратове еще не было. Теперь, быть может, акклиматизированы и они? А если еще нет, то попробуй заняться ими и виноградом и добиться успеха»³⁹.

Вспомним и ту тоску по югу, которая ощущается в четвертом сне Веры Павловны из романа «Что делать?» – о какой—то «Новой России», очевидно у Персидского залива, где русские покрыли «голые горы толстым слоем земли, и на них среди садов растут рощи самых высоких деревьев: внизу во влажных ложбинах плантации кофейного дерева; выше финиковые пальмы, смоковницы; виноградники перемешаны с плантациями сахарного тростника; на нивах есть и пшеница, но больше рис.»⁴⁰.

Вернувшись из ссылки, Чернышевский поселился в Астрахани и там вновь встретился с Ольгой Сократовной, в их последующей переписке уже говорится не о вопросах питания, но о страхе существования, о литературных проблемах и переводческой работе, о плане издания русской версии энциклопедии Брокгауза и о двух его кошках. Лишь единжды Чернышевский упоминает «того персиянина, торгующего фруктами, у которого ты всегда велишь мне брать»⁴¹; второе упоминание о пище находим в скрупулезном отчете о расходах, даже самых мелких: куплена для него «рыба (вяленая)» за 13 копеек⁴².

Таким образом, сведения о «вегетарианских мыслях» и обыкновениях Чернышевского дошли до нас только вследствие угнетательских мер царского режима: если бы его не сослали, то мы, вероятно, об этом так ничего бы и не узнали.

V. Л. Н. ТОЛСТОЙ: «СОЛНЦЕ ВЕГЕТАРИАНСКОГО МИРА»

1. Раннее становление: «единый Толстой»

«В это время подавали жаркое.

– Лев Николаевич! Не хотите ли кусочек мяса? – дразнили взрослые и дети вегетарианца Толстого.

– Хочу! – пошутил Лев Николаевич.

Тут со всех концов стола полетели огромные куски говядины. При общем хохоте знаменитый вегетарианец отрезал крошечный кусочек мяса, стал жевать и, с трудом проглотив его, отложил вилку и ножик:

– Не могу есть труп! Это отравя! Бросьте мясо, и только тогда вы поймете, что такое хорошее расположение духа, свежая голова!»

Эта сцена, известная нам по книге К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», произошла во время первой его встречи с Толстым в Туле 31-го октября 1893 г.¹

«Тема Толстой и вегетарианство настолько обширна, что мы не можем ее подробно осветить в этом этюде», – так я писал в более раннем исследовании по вопросу вегетарианства в русской литературе². Обширной была литература об отношении Толстого к вегетарианству прежде всего в годы перед Первой мировой войной. Тот факт, что автор «Войны и мира» и «Анны Карениной» в середине 1880-х годов перешел к вегетарианскому образу жизни и убежденно объявлял себя его сторонником, произвел впечатление на многих и многих и дал толчок к распространению вегетарианского движения в России. И в Западной Европе, где вегетарианство во второй половине XIX века встречало все большее сочувствие, вскоре тоже стали ссылаться на пример Толстого – намного чаще, чем на пример Бернарда Шоу. Решение Толстого повсеместно обсуждалось на страницах газет и журналов³. Оно оставило большой след в мемуарной литературе. Оценка этого решения довольно часто была предвзятой; она колебалась между неприятием и панегириком. В связи с торжествами по случаю 80-летия писателя издатель журнала *ВО* назвал Толстого в статье от 27 августа 1908 г. «солнцем вегетарианского мира».⁴

В советское время вопрос о вегетарианстве Толстого был почти полностью табуирован. Касались этой проблемы разве только во время юбилеев, прежде всего в 1928 г., очень осторожно и иносказательно, как А. Миронов в своей статье «Толстой и вегетарианство» (ср. гл. V.10, с. 140–141), или с насмешливой критикой, как Маяковский.

Табуирование вопроса о вегетарианстве Толстого сказалось на научной деятельности и западных славистов. В монографии о Толстом норвежского исследователя Гейра Хетсо, вышедшей также в немецком переводе в 2001 году, десятки (из 450) страниц текста посвящаются разным аспектам брака Толстого, а его вегетарианству – всего 22 строки⁵.

Вегетарианство Толстого было сложным феноменом. Дело было не просто в отказе от потребления мяса и рыбы. Принятие Толстым вегетарианского образа жизни имело гигиенические, этические, эстетические, педагогические, социальные, гастрономические, экономические и экологические аспекты, – и все они были частью его стремления к всеобщей реформе жизни, были воззванием к человечеству и к каждому отдельному человеку принимать участие в нравственном преображении мира.

Это стремление проявляется у Толстого удивительно рано. Правда, в течение долгого времени оно было обращено только к собственному я. Знаменитый перелом, отмеченный выходом в 1882 году книги «Моя исповедь», а также связанные с этим переживания и признание внутреннего «перерождения» не должны давать нам повод забывать о том, что истоки и предвестники этого позднего развития обнаруживаются уже в молодости Толстого. В свое время литературовед Н. К. Гудзий использовал точную и краткую формулу для обозначения неповторимости и единства личности (в 1919 г. он говорил о «едином Тургеневе»). Эту формулу с еще не меньшим основанием можно применить и к Толстому. Дневники и записные книжки молодого Толстого изобилуют правилами для жизни и для работы – что, конечно, не означает, что он во всякое время придерживался этих правил. Он всегда считал, что не совершенство может быть целью, а стремление к самосовершенствованию (Дневник, 3 июля 1854 г.)⁶.

К самосовершенствованию относится, не в последнюю очередь, уменьшение плотских потребностей в сравнении с заботой о душе, – требование, предьявляемое и Владимиром Соловьевым в «Духовных основах жизни». Среди грехов, с которыми надо бороться, грех чревоугодия всегда считался одним из самых распространенных. «И потому по всем учениям стремление к воздержанию начиналось с борьбы с похотью обжорства». Так говорит Толстой в этюде «Первая ступень» (1892)⁷. Но уже в «Правилах для развития воли», составленных 18-летним Толстым в начале 1847 г. в Казани, находим: «Есть умеренно, не сладкое»⁸. И там же: «Удовлетворять потребность только в той мере, как она того требует». В 1853–1854 гг. на Кавказе он пишет «Практические правила». Одно из них гласит: «Быть воздержным в питье и пище»⁹. 25-летний Толстой уже видит связь между недостаточной воздержностью в пище и явлениями несостоятельности другого рода. Так, в одной записке с Кавказа (25.06.1853) читаем: «Ел слишком много, заснул от лени»¹⁰.

Все чаще он записывает мысли о гигиенических преимуществах воздержанности и простоты в еде – еще в годы холостяцкой жизни. В октябре 1855 г. – замечание в записной книжке: «Никогда не бывал нездоров от того, что недоел, а всегда оттого что переел.»¹¹ Своей тетке Т. А. Ергольской (1792–1874) он пишет из Москвы 9 декабря 1850 г.: «Je dine a la maison du sci et du kasa dont je me contente parfaitement, je n'attends que les confitures et la nalivka pour avoir tout selon mes habitudes de la campagne»¹². В том же духе он высказывается и в дневниках, в записных книжках и письмах во время путешествия по Швейцарии в 1857 г. Так, 26 июня из Люцерна он пишет Т. А. Ергольской: «Ma sante n'est pas mauvaise. Mais aus—si elle n'est pas tout—a—fait bonne. A cause des grandes chaleurs et des voyages continuels que j'ai fait j'ai eu des maux de tete i prili—vy krov; mais depuis que j'ai cesse de boir du vin, du the, du cafe et que je mange moins de viande, je me sens bien»¹³. Во время поездки из Гессенэ в Интерлакен 17 мая Толстой записывает в дневнике: «Рожь, молоко, сладкое. Здоровье лучше. Вина не пью»¹⁴. 15 июня: «Не надо пить вина и режим негорячительный – постоянно»¹⁵.

Спустя три месяца после вступления в брак с С. А. Берс (23 сентября 1862 г.), 22 декабря, Толстой отмечает в дневнике: «... энергии много – не курю»¹⁶. 23 сентября 1865 г. в дневнике – критическое замечание о роскошной, но, очевидно, нелегко перевариваемой трапезе: «Пирог с затхлым тестом и на гнилом масле с трюфелями, стерлядями и ананасами»¹⁷. 29 октября 1865 г.: «Нынче первый день здоров. Ел очень мало. Неужели это только от объеденья. С нын(ешнего) дня попробую и запишу»¹⁸. И далее, с 30.10 по 9.11.1865 г., появляются все новые записи о строгой гигиене и диете и об удивительно хорошем самочувствии¹⁹. Результаты этого умеренного режима питания показались Толстому настолько важным, что он сообщает о них своему тестю А. Е. Берсу, состоявшему врачом в Московской двор-

цовой конторе: «... мне пришло в голову (.) сделать над собой опыт самой строгой диеты. Я начал 6 дней тому назад. Правда, кроме того, я каждый день обливаюсь весь водой, и делаю хоть немного гимнастику²⁰. 6 дней я стараюсь есть как можно меньше, так что чувствую голод, не пью ничего, кроме воды с полрюмкой вина, и 6 дней я совсем другой человек. Я свеж, весел, голова ясна, я работаю – пишу по 5 и 6 часов в день, сплю прекрасно и все прекрасно. – С любопытством ожидаю последствий этого опыта – случайность это или нет?» И далее следует сообщение о петербургском профессоре Николае Николаевиче Зинине, «который утверждает, что 99/100 болезней нашего класса происходят от объядания. Я думаю, что это великая истина, к(отор)ая никому не приходит в голову и никого не поражает только потому что она слишком проста»²¹.

Помимо «гигиенических» мотивов воздержности в еде, уже рано встречаем у Толстого и социальную мотивацию. В письме к А. А. Фету от 16 мая 1865 г. читаем: «предстоящее народное бедствие голода с каждым днем мучает меня больше и больше. (...) У нас за столом редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти (.), а там этот злой черт голод делает уже свое дело»²².

В конце 1870–х – начале 1880–х годов усиливаются религиозные искания Толстого. В последней части «Анны Карениной», над которой он работает в 1877 г., в фигуре Левина, в его отчаянном поиске смысла жизни, дано описание того религиозно—мировоззренческого кризиса, который сам Толстой будет переживать в начале 1880–х годов²³. В последующие годы он пишет «Мою исповедь» (1882) и «В чем моя вера» (1883–1884). С 1882 по 1886 год Толстой работает над социально—критическим трактатом «Так что же нам делать?», – к созданию которого его подвигло посещение одной московской ночлежки; он выступает против роскоши правящих классов, объедающихся «филеями и осетриной». Он сообщает, что сделал физический труд привычным условием своей жизни, и с тех пор пища и потребность качества пищи совершенно изменились: «Вместо сладкого, жирного, утонченного, сложного,пряного, на что тянуло прежде, стала нужна и более всего приятна самая простая пища: щи, каша, черный хлеб, чай в прикуску»²⁴.

Но уже до «великого перелома» Толстой использует описание пищи и формы гостеприимства как критерий для установления нравственной иерархии героев своих романов – подобно Диккенсу в романе «Большие ожидания» («Great Expectations», 1861) и в полном согласии с четвертым афоризмом А. Брилья—Саварена (Anselm Brillat—Savarin) из его компендиума для гурманов «Физиология вкуса» («Physiologie du gout». Paris, 1825): «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты» (Dis—moi ce que tu manges, je dirai ce que tu es)²⁵. В «Войне и мире» есть описание роскошного пира после охоты, и там же есть сцена, где Пьер ест посыпанную солью печеную картошку, которую ему предлагает Платон Каратаев, и кажется Пьеру, «что он никогда не ел кушанья вкуснее этого». В «Анне Карениной» поэтика еды, несомненно, выступает как риторическое средство на службе у этики. Наиболее явно – в сцене в московском фешенебельном ресторане «Англия» (часть I, гл. 10 и 11)²⁶: Левин, автобиографический персонаж романа, и Стива Облонский выступают здесь как антиподы. Последний составляет «европейское», роскошное меню, с фленсбург—скими устрицами, ростбифом, каплунами и другими изысканными блюдами. Левина, привыкшего к простой деревенской пище, это побуждает к замечанию: «. мне дико теперь то, что мы, деревенские жители, стараемся поскорее наесться, чтобы быть в состоянии делать свое дело, а мы с тобой стараемся как можно дольше не наесться и для этого едим устрицу»²⁷. На это Облонский отвечает: «Но в этом—то и цель образования: изо всего сделать наслаждение». Это своего рода отзвук фразы Хлестакова: «Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы

удовольствия». В отличие от Облонского, Левин предпочитает простую еду: «Мне лучше всего щи и каша». Хлеб и сыр ему милее устриц²⁸.

Е. Госцило—Костин верно отмечает, что Толстой, противопоставляя эти позиции, при-
мыкает к двум главным направлениям греческой философии: неправильно понятого и вуль-
гаризированного Эпикура, с одной стороны, и стоиков и Платона – с другой²⁹. Позже, в
трактате «Первая ступень», Толстой будет ссылаться на Платона и его проповедь воздер-
жания. Впрочем, и многие немецкие писатели, как это убедительно показал Алоис Вирла-
хер в книге «О еде в немецкой литературе» (Alois Wierlacher, «Vom Essen in der deutschen
Literatur», 1987), использовали изображение привычек питания для типизирующей характе-
ристики своих героев, и в общем – с тем же распределением похвалы и порицания, которое
мы находим у Толстого. Это видно прежде всего из главы «Тяжело переваримая и легкая
пища» с экскурсом «К литературной оппозиции мясной и вегетарианской пищи»³⁰.

2. «Это гибельное вегетарианство»

В конце 1883 г. Толстой знакомится с В. Г. Чертковым (1854–1936), ушедшим в 1881 г. из армии по религиозным причинам. В. Г. Чертков становится самым усердным сподвижником Толстого; с помощью последнего он основывает в 1884 г. издательство «Посредник». Как сообщает И. О. Пер—пер, Чертков в это время уже был вегетарианцем, и именно он познакомил Толстого с вегетарианским движением¹. Сам Толстой впоследствии называет 1883 год годом начала своего вегетарианства: 10-го марта 1908 г. он отвечает редакции журнала «Good Health» – через свою дочь Т. Л. Сухотину – на вопрос о начале своего вегетарианского образа жизни, что 25 лет тому назад он отказался от мясной пищи и перешел к беззубойному питанию².

В воспоминаниях о Толстом момент перехода к вегетарианской пище обычно относят ко времени разговоров с Вильямом Фреем (William Frey), т. е. к октябрю 1885 г. Правда, у Сергея Львовича Толстого можно прочесть, что отец стал убежденным вегетарианцем в 1884 году; но в дальнейшем следует оговорка: «Вегетарианцем он стал особенно после своего знакомства с позитивистом и вегетарианцем Вильямом Фрейем, посетившим его осенью 1885 года. Тогда же мои сестры, [20-летняя] Таня и [13-летняя] Маша, также перешли на „беззубойное питание“. Моя мать считала, что вегетарианство вредно, в чем была неправа: отцу при его заболеваниях печени оно было несомненно полезно. А сестрам – не вредно»³.

Обращаясь к дневникам Толстого, можно найти более точную дату; в 1882 и 1883 гг. Толстой не сделал фактически никаких записей; но в 1884 г. в записи от 2 июня есть замечание: «Второй день начал не есть мясо»⁴. А 18 июня он записывает: «Переделывал свои привычки. (.) Вина совсем не пью, чай в прикуску и мяса не ем. Курю еще, но меньше»⁵. В октябре 1884 г. Толстой пишет Софье Андреевне, что он сам будет заниматься управлением Ясной Поляны и жить в деревне. В письме от 24-го октября он сообщает о «самом лучшем впечатлении» того дня – встрече с двумя братьями из Сибири: «Вместе им 150 лет. Оба не едят мяса»⁶.

В 5-й главе записок И. М. Ивакина (о нем см. ниже) есть замечание о «ругани по поводу вегетарианства» (15 августа 1885 г.). Софья Андреевна и Татьяна Андреевна упрекали Л. Н. за то, что он сбил всех девочек с толку, научил их «не есть мясо – они едят уксус с маслом, стали зеленые и худые»⁷.

С 7 по 12 октября 1885 г. в Ясной Поляне гостит Вильям Фрей. Изначально его имя было Владимир Константинович Гейнс. Он происходил из швейцарской семьи, эмигрировавшей в Россию. Молодость свою он провел в Севастополе. В отличие от своего родного брата, который дослужился до казанского губернатора, Гейнс увлекался социальными идеями 1860-х годов. Он уволился в чине капитана со службы в Генеральном штабе, где ему предстояла блестящая карьера как специалисту по высшей математике, и вместе с молодой женой переселился в Америку. По прибытии туда он изменил имя и фамилию и стал называться «Вильямом Фрей» («свободным»). После неудачи с сельскохозяйственной коммуной в Миссури он отправился в Канзас вместе с д—ром Стивеном С. Бриггсом, убежденным вегетарианцем, жившим по—вегански, который вскоре и своих друзей обратил в таких же пламенных последователей строгого вегетарианства, как одной из «основ здоровой и нравственной жизни». Впоследствии Фрей отказался и от квашеного теста, а делал из простой муки с водой длинную палку и запекал ее («шишка Фрея»). Он не признавал ни сахара, ни соли. В 1875 г. Фрей опубликовал в Лондоне книгу «Vegetarianism in connection with the religion of humanity». С 1875 по 1878 гг. к коммуне в Канзасе примкнули несколько русских,

среди них писатель Григорий А. Мачтет (1852–1901)⁸ и А. К. Маликов (1839–1904). Последний был предшественником Толстого в том смысле, что в христианстве признавал только этический аспект, стремился к изменению общества через самосовершенствование отдельной личности и проповедовал «непротивление злу силой». Но и новая коммуна распалась. В 1885 г. Фрей посетил Россию, которую покинул почти двадцать лет назад; он ознакомился с учением Толстого и навестил его в Ясной Поляне. Во время их оживленных разговоров в религиозных вопросах согласия достигнуто не было: гуманизм Фрея был основан на позитивистском миропонимании, в смысле Огюста Конта. Толстой же остался при своем негативном отношении к позитивизму. Но Фрей сумел «окончательно» убедить его в пользу вегетарианства.

Вскоре после отъезда Фрея Толстой написал своей свояч—нице Т. А. Кузминской (1846–1925): «Фрей (...) интересен и хорош не одним вегетарианством. Жаль, что ты не была при нем. Ты бы многое узнала. У меня от него осталась самая хорошая отрыжка (...). Целую девочек и мальчиков без различия мясной и растительной пищи»⁹. Очевидно, в 1885 г. некоторые из двух дочерей и троих сыновей Т. А. Кузминской жили «безубойно»¹⁰. И как раз в день отъезда Фрея, 12 октября, в письме к Софье Андреевне говорится: «Целую тебя и всех детей. Тане и Маше забыл подтвердить, что жалко будет, если они бросят, что начали, – уборку комнат и вегетарианство, – в смысле воздержания»¹¹. В ответ Софья Андреевна пишет следующее: «. досадно, что девочек в вегетарианстве поощряешь. Два супа, – особая овощь, – все надо готовить, а матери жалко не давать есть своим детям. С тех пор как Таня грудь мою сосала, не могу отвыкнуть желать кормить ее получше и посытнее»¹².

Две недели спустя Толстой записывает: «Хлеб без дрожжей выходит вкусный по мне, хотя М[арья] А[фанасьевна] смеется над ним. В Москве угощу вегетарианок [т. е. Таню и Машу. – П. Б.]»¹³.

«Хлеб без дрожжей», бесспорно, отсылает к Фрею. Но в целом не следует рассматривать его посещение как *terminus ante quem non*: очевидно, что ко времени этого посещения в семейном кругу Толстого частично уже были «безубойники». Переход этот произошел отнюдь не сразу, а осуществлялся довольно медленно и сопровождался отдельными эпизодами возвращения к старому. Интересные сведения об этом переходе можно найти в записках Ивана Михайловича Ивакина (1855–1910). Записки И. М. Ивакина 1880–1889 гг. важны уже потому, что относительно немногие мемуары и дневники охватывают этот период жизни Толстых, за исключением переписки самого Толстого и воспоминаний молодости его детей (дневники С. А. Толстой становятся более подробными только с 1891 года). Ивакин проводил каждое лето в Ясной Поляне как домашний учитель детей Толстых по древнегреческому и латинскому языкам.

18 июля 1885 г., т. е. еще за несколько месяцев до пребывания Фрея в Ясной Поляне, Ивакин сообщает о посещении княгини Урусовой:

... подоспел Л. Н., и речь сейчас же зашла о вегетарианстве:

– Наступит время, – сказал он, – когда докторам придется открыть, что бульон для маленьких детей вреден. Я помню,

ню, в детстве, когда меня заставляли есть бульон, мне всегда было неприятно.

Сам он почти с самого моего приезда мяса не ест. Я не ем только птиц. Помню, что вскоре по приезде я за обедом не стал по обыкновению есть цыплят.

– И я хотел было взять, но по вашему примеру не стану, – сказал он, и с той поры не ест уже мяса вообще¹⁴.

А когда Ивакин, после долгого отсутствия, вновь посетил Толстого 22 июня 1886 г., то писатель вдруг спросил его: «А что, вы продолжаете не есть мяса? (...) Я сказал, что ем, но иногда оно мне надоедает, вообще ем менее прежнего.

– Вы, я знаю, коренной вегетарианец, – почему—то сказал он, – я вот уж почти год не ем мяса и чувствую себя отлично. Думать, что мясо почему—то необходимо, – вздор. Это мнение науки, а наука всегда рада ухватиться за всякую нелепость. Полмира не ест мяса и живет, а тут вдруг вообразили, что мясо необходимо»¹⁵. Двадцать лет спустя – тот же упрек науке: «Мясоедение такое же ненужное, как нюхание, курение табаку, и противное. (...) До недавнего времени наука стояла за мясо. Это образец самоуверенности науки. Только лет 20 тому назад признала вегетарианство». (4 августа 1906)¹⁶.

Осенью 1885 г. споры с Софьей Андреевной обострились. С 15 по 18 декабря 1885 г. Толстой пишет жене разочарованное и жесткое письмо, которое оставляет в Москве при отъезде¹⁷. Вся жизнь дворянства («нашего сословия»), – говорит он, – это жизнь для самого себя, основанная на гордости, жестокости, насилии, совмещении роскоши и бедности; кто хочет жить совестно, тот должен основательно переменить свою жизнь. «Вы ищите причину, ищите лекарство. Дети перестанут объедаться (вегетарианство). Я счастлив, весел (несмотря на отпор, злобные нападки). Дети станут убирать комнату, не поедут в театр, пожалеют мужика, бабу, возьмут серьезную книгу читать – я счастлив; весел, и все мои болезни проходят мгновенно. (...) Между нами идет борьба на смерть»¹⁸.

Дочь Толстого Маша пишет сестре Тане 21 декабря 1885 г.: «У нас за обедом был сегодня довольно неприятный разговор. Мама все на вегетарианство нападала. Она прочла письмо, которое папа ей оставил, и оно ее повидимому расстроило»¹⁹. А сам Толстой в письме к В. Г. Черткову, которое так и осталось неотправленным, замечает: «Крошечное утешение у меня в семье – это девочки. Они любят меня за то, за что следует любить.»²⁰

21 / 22 декабря Толстой сообщает жене из Ясной Поляны: «. никогда больше не будем говорить про это. (...) Надеюсь окрепнуть нервами и молчать. (...) без мяса, с работой физически тяжелой, – я здесь колю и пилю дрова, – я чувствую себя совсем бодрым и сплю прекрасно»²¹.

А Софья Андреевна, со своей стороны, пишет 22 декабря (без иронии, но с горечью): «Я рада, что твои больные нервы отдохнут без меня. (...) Но неужели это гибельное вегетарианство бесповоротно должно убивать тебя, и нет возможности одуматься»²².

Впоследствии Толстой часто живет один или с детьми в Ясной Поляне, а Софья Андреевна меж тем в Москве присматривает за теми, кто посещает гимназию. В начале апреля 1886 года Толстой с несколькими спутниками отправляется пешком из Москвы в Ясную Поляну для того, «чтобы отдохнуть от роскошной жизни». Дорогой путники питались чаем, хлебом, два раза щами – и чувствуют себя бодрыми и здоровыми²³. Толстой не перестает ссылаться на то, как его смущает крайняя нужда, царящая как в городе, так и в деревне. 4 мая 1886 г.: «Невозможно есть спокойно даже кашу и калач с чаем, когда знаешь, что тут рядом знакомые мне люди – дети (...) ложатся спать без хлеба.»²⁴. Он благодарит Софью Андреевну за то, что она ему прислала яблоки и апельсины, последние, однако, он считает лишними²⁵.

Семейные расхождения во мнениях относительно вегетарианства можно наблюдать также в записках из «почтового ящика». С лета 1883 г. в Ясной Поляне имелся ящик, в который все живущие в усадьбе могли анонимно опускать краткие записки. Влияние Льва Николаевича сказалось в заметках такого рода: «Сего 7-го июля заколоты были в обоих домах 13 цыплят. 8 июля в один дом привезен баран, в другой – солонина. 9 июля: придушены в двух домах 6 кур и 2 цыпленка. 10–11–12 июля: привезено в оба дома 30 ф. ростбифа, пуд бульонной говядины, 2 курицы, 7 цыплят и теленок в 70 фунтов. Общество вегетарианцев

как будто не существует». Но имелись и другие: «Да здравствует говядина, телятина, солонина, баранина, дичь и все цыплята»²⁶.

В отношении Толстого к мясному и вегетарианскому питанию бывали колебания. 9 марта 1887 г. Софья Андреевна записывает в дневнике: «Вот уже неделя, как он опять вегетарианец»²⁷. 14 апреля Толстой сообщает ей: «Обедали щи зеленые и кашу на сковороде, и ничего больше есть не хочется; а вечером чай с хлебом. Целую тебя и детей»²⁸. Но вскоре Софья Андреевна отметит в дневнике: «Приехавши из Москвы 11 мая, я настояла, чтоб Левочка пил воды по предписанию Захарьина, и он повиновался. (...) он пропил [стаканы Эмса, по предписанию врачей] все три недели и к вегетарианству не возвратился»²⁹. Уже в начале июня Толстой вновь обратился к вегетарианству, о чем свидетельствует знаменитый юрист Анатолий Федорович Кони (1844–1927) в воспоминаниях о первом его посещении Ясной Поляны 6-го июня 1887 г.: «В шесть часов все обедали сытно и вкусно, причем хозяину подавались блюда растительной пищи»³⁰.

В 1887 г. у Толстого завязался спор с братом Сергеем Николаевичем (1826–1904) из-за намерения основать «Общество трезвости». Сергей Николаевич считал это ненужным предприятием: «Без рюмки водки желудок у меня плохо варит». По свидетельству И. М. Ивакина, на замечания Толстого о вегетарианских убеждениях Сергей Николаевич отвечал: «„Что же в том, что мы убиваем животных? Ведь мыдохнуть не можем без того, чтобы не погубить миллионы организмов!“ По-видимому, он затеянное Л. Н. дело считал пустяками.»³¹. А сам Толстой пишет П. И. Бирюкову 20 декабря 1887 г., вскоре после основания «Общества трезвости»: «И удивительно: как лакмусовая бумага, такие вещи, как вегетарианство, трезвость, разделяют людей. – Есть добрые люди, к[оторые] из себя выходят и злятся на общ[ество] трезвости, злятся неожиданно, очевидно, на проявление такой какой-то забытой ими силы, к[оторая] требует от них чего-то»³².

Толстой часто испытывал боли в области желудка и желчного пузыря и тогда ему приходилось оправдываться перед женой: ведь общество, и особенно Софья Андреевна, причиной заболевания считали вегетарианское питание. Так, в письме к Т. Л. Толстой от 26 апреля 1888 г. он признается: «. вчера заболел живот, но недолго, и нынче совсем здоров. Должно быть от щей. Вперед не буду есть. Нынче куриный бульон. Целую мама и вас всех»³³. Аналогично – в письме Софье Андреевне 3 мая 1888 г.: «Ты скажешь, что это от неедения мяса, и пожалуйста, не говори и не думай этого. И охотно его бы ел, если бы меня манило на него и чувствовал бы от него лучше, но нет ни того, ни другого. Теперь я ем простоквашу и очень много, и мне она и приятна, и отлично действует»³⁴. 7–8 мая: «Чувствую себя очень хорошо. В простокваше нахожу большое средство [sic! – П. Б.] и поглощаю пропасть, и все на пользу»³⁵. Далее – в письме от 1 апреля 1889 г.: «Живу я по прежнему очень хорошо. Нынче чуть поболел живот. Приписываю это тому, что вчера поел осетрины, а может быть и тому, что сделал слишком большое усилие вчера же, рубя и пиля, и таская лес»³⁶.

В дневнике Толстой неоднократно отмечает, как хорошо воздержанность в еде действует на его самочувствие: «Совсем не нужно много спать, когда не объедаешься. 4-й день не ем сахара и белого хлеба и [чувствую себя] хорошо» (7 апреля 1889)³⁷.

В художественных произведениях второй половины 1880-х годов также затрагиваются вопросы питания, подвергается осуждению слишком роскошный стол верхних слоев. Позднышев в «Крейцеровой сонате» (1886–1889) говорит:

Обыкновенная пища малого из крестьян – хлеб, квас, лук; он жив, бодр, здоров; работает легкую полевую работу³⁸. Он поступает на железную дорогу, и харчи у него – каша и 1 фунт мяса. Но зато он и выпускает это мясо

на шестнадцатичасовой работе с тачкой в 30 пудов. И ему как раз так. Ну и мы, поедающие по два фунта мяса, дичи и всякие горячительные яства и напитки – куда это идет? В чувственные эксцессы ³⁹.

А в комедии «Плоды просвещения» (1886, 1889–1890) кухарка так рассказывает деревенским крестьянам о жизни господ:

Кухарка: (...) а кто хошь, и скоромное ешь.

2-й Мужик: Разве постом лопают кто? Кухарка: Э, да все почитай. Только и постятся, что кучер (...) да Сема, да я, да икономка, а то все скоромное жрут (...)

3-й М у ж и к: Ситник—то каждый день, я чай? Кухарка: О, ситник! Не видали они твоего ситника!

Посмотрел бы пищу у них: чего—чего нет! (...) Потому запивают. Вин этих сладких, водок, наливок шипучих, к каждому кушанью – свою. Ест и запивает, ест и запивает. (...) У них ведь нет того, чтоб сел, поел, перекрестился да встал, а бесперечь едят. (...) Только, Господи благослови, глаза продерут, сейчас самовар, чай, кофе, щиколрад. Только самовара два отопьют, уж третий ставь. А тут завтрак, а тут обед, а тут опять кофий. Только отвалятся, сейчас опять чай. А тут закуски пойдут: Конфеты, жамки – и конца нет. В постели лежа, – и то едят ⁴⁰.

В начале 1890-х годов вопрос о вегетарианстве и воздержанности в питании становится темой отдельного сочинения Толстого, носящего характер манифеста.

3. «Первая ступень»: возникновение и значение

В основу статьи Л. Н. Толстого «Первая ступень» положена идея всеобщего царства мира. По мнению Толстого, каждый отдельный человек может сделать важный шаг на пути к этому царству, если он вступит в новое отношение к животным, если он готов отказаться от мясного питания. «Первая ступень» писалась в июне 1891 года. Упоминание об этом замысле находим в дневниковой записи от 11 мая 1890 г.: «Диета строгая нужна всем. Об еде – книга нужна»¹. 20 мая Толстой записывает следующее: «мы едим соусы, мясо, сахар, конфеты – обедаем, и нам кажется ничего. В голову даже не приходит, что это дурно»². Запись от 24 июня из записной книжки № 2: «Надо бы написать книгу ЖРАНЬЕ, Валтасаров пир неугасаемый (.) Жранье архиереев, жранье обедов»³. 25 июня – в дневнике: «Опять думал: Надо бы написать книгу ЖРАНЬЕ. Валтасаров пир – архиереи, цари, трактиры. Свиданья, прощанья, юбилеи. Люди думают, что заняты разными важными делами, они заняты только жраньем»⁴.

Чтобы понять эти гневные замечания, надо обратиться к комментариям А. П. Сергеенко⁵. С 1906 по 1910 гг. он был секретарем В. Г. Черткова. Сергеенко цитирует сообщения о гастрономических привычках русских архиереев – они нашли отражение у Лескова в рассказах «Мелочи архиерейской жизни» (1878)⁶. Сергеенко указывает также на колоссальные суммы, которые тратились на питание русских царей; но прежде всего он приводит отрывки из книги П. В. Быкова «Силуэты далекого прошлого», а также из «Литературных воспоминаний» А. М. Скабичевского о «литературных обедах» – торжественных обедах с изысканными яствами и питиями, которые были в ходу при встречах русских писателей в 1870–е годы. Хорошо известные поэты и писатели, люди, считающие себя духовной элитой страны, устраивали состязания, кто сумеет заказать лучший обед.⁷ Такие факты, по всей вероятности, были известны Толстому и, должно быть, возмущали его. Кроме того, он, вероятно, не забывал о том, что «невоздержанность», или «обжорство», относится к семи главным грехам. Из записей Толстого видно, как его мысли упорно возвращаются к теме еды. Не хватало внешнего толчка. Роль такого толчка сыграло знакомство с рядом работ о вегетарианстве, и получилась не книга о «жранье», как изначально предполагалось, а эссе, имевшее весомые последствия.

Инженер Джон Кейдель, член берлинского вегетарианского общества, прислал Толстому вегетарианские трактаты. 15 января 1891 г. Толстой записывает в дневнике: «Вегетарианск(ие) брошюры хорошие».

Толстой задолго до этого уже был знаком с брошюрой А. Н. Бекетова «Питание человека в его настоящем и будущем» (СПб., 1879). Месяцем раньше по его просьбе Эдуард Борель, домашний учитель сыновей Андрея и Михаила по французскому языку, пишет Рихарду Левину, члену правления Немецкого вегетарианского общества (на немецком языке):

Ясная Поляна, 21.XII.90

Высокопочтимый господин! В ответ на Ваше письмо от 14 декабря, граф просит меня сообщить Вам, что он никак не отступил от своего вегетарианского образа жизни, и не отказался от него по каким—либо причинам, но что он придерживается этой диеты и притом чувствует себя хорошо. – Среди его друзей – тех, кто разделяет его религиозные воззрения, – этот натуральный образ жизни достаточно распространен (хотя это не считается принципом), и граф убежден, что вегетарианское движение и

здесь будет распространяться все шире. – Брошюра проф. Бекетова известна графу уже в течение долгого времени как хороший труд. Граф выражает Вам свою благодарность за посылку вегетар. листовок и с интересом ожидает дальнейших вестей о продвижении и распространении этого дела.

С глубочайшим почтением, Эдуард Борель ⁸.

Рихард Левин послал Толстому обстоятельное сообщение о вегетарианском движении в Германии, об организации обществ и открытии вегетарианских столовых; кроме того, он послал ему вегетарианские информационные листовки и порекомендовал брошюру его соотечественника проф. Бекетова. В дальнейшем Толстой познакомился с Бекетовым и лично.

1 февраля 1894 г. Толстой присутствовал при заключительном заседании IX съезда естествоиспытателей и врачей в Москве ⁹. Его принудили занять место в президиуме рядом с профессорами. Студенты в зале разразились бурей восторженных аплодисментов; Толстой же сидел неподвижно, «в простой поддевке коричневого цвета в гуще несчетных черных фраков (.) рядом с профессорами Бекетовым и Тимирязевым».

Письмо, написанное Э. Борелем по поручению Толстого (кстати, на это письмо нет никаких указаний в академическом Полном собрании сочинений Толстого в 90 т.), было напечатано в журнале «*Vegetarische Rundschau*» (1891. С. 38–40) и снабжено длинным комментарием Р. Левина («*Graf Leo Tolstoj ist also ein ausgesprochener Vegetarier!*»).

9 февраля 1891 г. Софья Андреевна читает брошюру А. Н. Бекетова: «Он [Бекетов] предсказывает всемирное вегетарианство, и он, пожалуй, прав». Такова несколько элегическая запись в ее дневнике ¹⁰. 15 мая Толстой настоятельно советует В. Г. Черткову переиздать книгу Бекетова в издательстве «Посредник». Она выходит в 1893 и 1896 гг., оба раза тиражом 7 200 экземпляров. В середине апреля 1891 г. Толстой знакомится через Черткова с книгой Говарда Уильямса (Howard Williams, 1837–1931) «*The Ethics of Diet. A Catena of Authorities Deprecatory of the Practice of Flesh Eating*» (Лондон, 1883) ¹¹. В этой книге приводятся высказывания семидесяти известных всему цивилизованному миру людей, выступавших против мясного питания. Толстой пишет жене 11 апреля: «... читал прекрасную книгу, историю суждений древних о вегетарианстве» ¹². Очевидно, он изумлен, узнав о таком большом количестве знаменитых единомышленников. 29 апреля – Черткову: «Прекрасная книга. Я прочел половину и читаю. Книга прекрасная, нужная, и я бы очень желал написать к ней предисловие, коли бы удалось» ¹³. 2 мая – в дневнике: «Читаю *Ethics of diet*, прекрасно». 3 мая – там же: «Главная забота людей и главное занятие людей, это не кормиться – кормиться не требует много труда, – а обжорство. Люди говорят о своих интересах, возвышенных целях, женщины о высоких чувствах, а об еде не говорят; но главная деятельность их направлена на еду» ¹⁴.

Уже 7 мая Толстой сообщает Софье Андреевне, что Мария Львовна «переводит вегетарьянск(ую) книгу не дурно» ¹⁵. Он и сам помогает ей переводить. Но и Софья Андреевна принимает участие в переводе, хотя, вероятно, а *contre—сс е ur*; 18 июня она оставляет следующую запись в дневнике: «Потом я переводила с английского предисловие к книге о вегетарианстве» ¹⁶. 2 июня – запись в дневнике Толстого:

«Ходил в Тулу, был на бойне, но не видал убийства» ¹⁷. 7 июня – новое посещение тульской бойни. Запись в дневнике интересна своей непосредственностью: «Был на бойне. Тащат за рога, винтят хвост, так что хрустят хрящи, не попадают сразу, а когда попадают, он бьется, а они режут горло, выпуская кровь в тазу, потом сдирают кожу с головы. Голова, обнаженная от кожи, с закушенным языком, обращена кверху, а живот и ноги бьются. Мяс-

ники сердятся на них, что они не скоро умирают. Прасола—мясники снуют около с озабоченными лицами, занятые своими расчетами»¹⁸.

Старшая дочь Толстого, 26-летняя Татьяна, позже запишет в своих воспоминаниях под датой «7-е июня»: «Папа сегодня дачным поездом ездил в Тулу на бойню и рассказывал нам про это. Это ужасно, и, я думаю, довольно папашиного рассказа, чтобы перестать есть мясо. Я боюсь сказать, что наверное перестану, но постараюсь. Уж с поста я почти перестала есть мясо, и только когда в гостях или когда очень голодна, то позволяю это себе»¹⁹. В дневнике Софьи Андреевны находим запись от этого же дня: «Левочка был в Туле (...) ходил на бойню быков и рассказывал нам с большим волнением, какое это ужасное зрелище, как быки боятся, когда их ведут, и как с них дерут уже с головы кожу, когда они еще дергают ногами и не издохли. Поистине это ужасно, но и всякая смерть²⁰ ужасна!»

Первую запись для статьи Толстого, которая в процессе работы получит название «Первая ступень», находим в дневнике 8 июня: «К предисловию о вегетарианстве еукрахе1а и замечание [Кристоф Георг] Лихтенберга о развитии умеренности в детях». Писать Толстой начал 25 июня 1891 г. Еще одна запись в дневнике: «Еще ночью думал о предисловии к вегетар(ианской) книге, т. е. о воздержании, и все утро писал не дурно»²¹. Уже 30 июня была закончена первая черновая редакция статьи; до 13 июля Толстой вносит многочисленные поправки и дополнения. 20 июля в письме к И. И. Гор—бунову—Посадову сообщает: «написал начерно всю статью о вегетарианстве, обжорстве, воздержании»²². 31 августа через П. И. Бирюкова посылает рукопись статьи Черткову и просит последнего поместить в примечании к статье список «лучших книг о вегетарианстве», составленных учеными и врачами, и указывает то место, где его включить (но такой список так и не был опубликован). Впрочем, как и следовало ожидать, вмешалась цензура, вычеркивая места о церковном христианстве и о роскоши высших классов. «Первая ступень» печатается впервые в 1892 г. в майском выпуске журнала «Вопросы философии и психологии», издаваемого Н. Я. Гротом²³, второй раз – в 1893 г. как предисловие к русскому переводу книги Г. Уильямса «The Ethics of Diet»²⁴. Позже петербургское *ВО—во* опубликовало, по инициативе проф. А. И. Воейкова и с разрешения Толстого, дешевое издание этой статьи за 20 копеек; оно должно было быть разослано всем членам *СПб. – ВО* в 1904 году, но вследствие цензурных затруднений издание задерживалось²⁵. Следующее издание вышло в 1906 г. в «Посреднике» (за 2 У копейки или – на лучшей бумаге – за 6 копеек); еще одно издание – в 1912 г. у Сытина (цена: 2 копейки).

Программная статья Толстого в академическом Полном собрании сочинений занимает немногим более двух авторских листов; она разделена на 10 глав²⁶. В начальных главах речь идет о нравственно доброй жизни. Христианство требует, в отличие от язычества, бесконечного самосовершенствования и личных усилий для достижения этой цели. Одна из первых добродетелей есть самоотречение (гл. 3). Уже в старину первой добродетелью считалось воздержание. В новейшее время так называемые образованные люди считают, напротив, что привычки комфорта не только не вредны, но и хороши: они показывают известную нравственную высоту человека. Это отражается в описательной поэзии и особенно в романах XVIII и XIX веков: последние, как правило, прославляют развратных тунеядцев. Толстой называет при этом Чайльда Гарольда Байрона и героев Троллопа и Мопассана. Он признается, что при написании романов самое непреодолимое для него затруднение заключалось в том, чтобы изобразить тип светского человека как человека идеально хорошего, доброго – и вместе с тем так, чтобы этот тип был верен действительности (гл. 4)²⁷. В самом деле, Гоголь, как известно, не смог справиться с подобной задачей. По мнению Толстого, в нравственном состоянии высших классов виновна система воспитания (гл. 5). В качестве при-

мера того, как образованные представители высших классов говорят о совершенствовании, о святой дружбе, любви, о служении науке, человечеству – и тут же спокойно тоном пишут о собственном пристрастии к спиртному и распутстве, как если бы не было ничего более естественного в жизни, Толстой называет имена А. И. Герцена и Н. П. Огарева – незадолго до этого он читал их переписку (гл. 6). В 7-й главе, довольно большой, постулируется, что жизнь в роскоши и тунеядстве не может быть доброй. Описывается распорядок дня, якобы типичный для «верхнего слоя» (Толстой имеет в виду русское дворянство и буржуазию), с разнородными излишними потребностями и прежде всего с роскошными привычками питания. После обстоятельного одевания «начинается день обыкновенно едой, пьется приготовленный кофе или чай с большим количеством сахара, едят булки, хлеб первого сорта пшеничной муки с большим количеством масла, иногда свиного мяса. Мужчины большей частью при этом курят папиросы или сигары и затем читают газету свежую, только что принесенную. Потом хождение из дома на службу или по делам, или езда в экипажах, нарочно существующих для перевозки этих людей. Потом завтрак из убитых животных, птиц, рыб, потом обед такой же, при большой скромности из трех блюд, – сладкое блюдо, кофе, потом игра – карты, и игра – музыка, или театр, чтение или беседа в мягких пружинных креслах при усиленном и смягченном свете свечи, газа, электричества, – опять чай, опять еда, ужин и опять постель.»²⁸

Переключки с комедией «Плоды просвещения» очевидны; правда, в цитате, приведенной выше, речь больше идет о мясе.

В гл. 8 готовность к воздержанию называется первой предпосылкой христианского самосовершенствования, первой ступенью ко всякой доброй жизни²⁹. «Образованные классы представляют себе счастье и здоровье (в чем уверяют их доктора, утверждая, что самая дорогая пища, мясо – самая здоровая) в вкусной, питательной, легко перевариваемой пище, – хотя стараются скрыть это (.) Посмотрите на путешествующих людей. На них это особенно видно. „Музей, библиотека, парламент – как интересно! А где будем обедать? Кто лучше кормит?“»³⁰. В качестве главных пороков клеймятся обжорство, праздность и плотская любовь³¹. Главный интерес большинства людей нашего времени – это удовлетворение вкуса, удовольствие еды, жрание³². Толстой не закрывает глаза на тот факт, что и в жизни низшего и среднего слоя, по крайней мере в праздники, на похоронах и свадьбах – «жрание» играет ведущую роль. Во всех разговорах и во всех слоях общества еда находится в центре внимания³³. «Удовлетворение потребности имеет пределы, но удовольствие не имеет их»³⁴. Далее следует описание все увеличивающегося удовольствия еды.

Толстой вспоминает, как однажды, гордясь своей оригинальностью, нападавший на аскетизм монашества евангелик говорил ему: «Мое христианство не с постом и лишениями, а на бифстексах». Никто пока не обратил внимания на отношение к пище как на возможный первый шаг к доброй жизни, так что «нам трудно даже понять дерзость и безумие утверждения в наше время христианства или добродетели с бифш—текстом».

В гл. 9 следует рассказ о посещении тульской бойни. Сначала на четырех страницах дается описание резания свиней, быков и вола; затем на одной странице описывается убой мелкого скота. Именно об этом беспощадном описании тульской бойни R. F. Christian говорит: «these chapters make more painful reading than any others we encounter in all of Tolstoy's oeuvre»³⁵. Описание Толстого, быть может, еще резче, чем то, которое Эптон Синклер дает на одиннадцати страницах своего романа «Джунгли» («Дебри») ³⁶. Оно включается в длинный ряд описаний боен, которые мы находим в мировой литературе, – некоторые из русских были собраны в статье А. Жолковского, где рядом с примерами из В. Маяковского и О. Мандельштама приводятся отрывки из текстов Достоевского, Ю. Олеши и Б. Пильняка³⁷.

Гл. 10 начинается с указания на то, что питание мясом никак не необходимо. «Те, которые сомневаются в этом, пусть прочтут те многочисленные, составленные учеными и врачами, книги об этом предмете, в которых доказывалось, что мясо не нужно для питания человека. И пусть не слушают тех старозаветных врачей, которые отстаивают необходимость питания мясом только потому, что это признавали очень долго их предшественники и они сами; отстаивают с упорством, с недоброжелательностью, как отстаивают всегда всё старое, отживающее»³⁸. В заключение снова говорится о необходимости самообладания и воздержания. А «почему как раз воздержание от животной пищи будет первым делом поста и нравственной жизни, превосходно сказано, и не одним человеком, а всем человечеством в лице наилучших представителей его в продолжение всей сознательной жизни человечества». Автор имеет в виду приведенный в книге Говарда Уильямса длинный список мыслителей и поэтов, выступающих за вегетарианство³⁹.

Толстой задается вопросом, почему, несмотря на множество призывов, познания о безнравственности мясной пищи распространяются столь медленно. Его ответ: нравственное движение человечества совершается всегда медленно. Но теперь, по его мнению, видно безостановочное и постоянное ускорение. Последние десять лет с каждым годом все больше и больше является книг и журналов по этому предмету, все больше встречается людей, отказывающихся от мясной пищи; за границей, особенно в Германии, Англии и Америке, увеличивается число вегетарианских гостиниц и трактиров. При этом Толстой высказывает убеждение, что оживление вегетарианства должно быть особенно радостно для людей, живущих стремлением к осуществлению Царства Божия на земле. Не потому, что само вегетарианство есть важный шаг на пути к этому царству (все истинные шаги и важны, и неважны), а потому, что оно служит признаком того, что стремление к нравственному совершенствованию человека серьезно и искренно – оно начинается с первой ступени⁴⁰. Этого убеждения Толстой придерживался до самого конца своей жизни⁴¹.

Удивительно многие мысли трактата «Первая ступень» предвосхищены в этюде А. Н. Бекетова о питании человека (ср. выше с. 53–62). Понятно, почему как раз перед написанием «Первой ступени» Толстой дал Черткову совет перепечатать эту работу. Ведь и Бекетов возложил ответственность за упорное отстаивание мясного питания на современную науку – так же, как и Чернышевский, о чем Толстой не мог знать. С иными, более поздними, воззрениями Бекетова Толстой, правда, не мог согласиться. В своей статье «Нравственность и естествознание» (1891) Бекетов высказал мнение, что нравственность есть результат эволюции – положение, к которому Толстой относился отрицательно⁴².

Опубликовав «Первую ступень», Толстой продолжал проповедовать вегетарианство; он пропагандировал его, где только мог, он приветствовал основание вегетарианских обществ в России и в других странах (правда, он не вступил ни в одно из этих обществ). В 1903 г. в издательстве «Посредник» Толстой публикует собрание 250 высказываний философов, поэтов и ученых о вегетарианстве и воздержании: «Безубойное питание или вегетарианство. Мысли разных писателей»⁴³.

Там представлены Плутарх, Овидий, Руссо, Ламартин и многие другие. В 1906–1907 гг. эти тексты, тщательно переработанные, вошли в «Круг чтения» – известное собрание поучительных чтений на весь год. Под 21 февраля, 6 мая, 20 июня, 20 июля и 24 сентября здесь собраны литературные тексты, пропагандирующие сострадание к животным и отказ от мясного питания: тексты опять—таки Плутарха, Овидия (в стихотворном переводе А. И. Барыковой), Ламартина, Шопенгауэра и других, в том числе самого Толстого⁴⁴. Кроме того, на три запасных дня Толстой собрал под названием «вегетарианство» другие еще тексты,

предусмотренные для первого издания «Круга чтения». Здесь представлены Сенека, Руссо и вновь Плутарх⁴⁵.

4. Эхо в России и на Западе

И. Перпер (1886–1965), будущий издатель «Вегетарианского обозрения», не случайно назвал статью Л. Н. Толстого «Первая ступень» «Библией вегетарианского движения в России»¹. Хотя это сочинение не задумывалось как произведение искусства, подобно как, скажем «Крейцера соната», а принадлежит в большей степени к ряду трактатов позднего Толстого, оно вызвало огромный резонанс. Прежде всего, конечно, среди друзей. Художник Н. Н. Ге писал Толстому в первой половине июня 1892 г.: «прочел вашу „Первую ступень“ с большою радостью. Это одна из сильных и красивых ваших вещей. Я ее уже успел прочесть себе и другим, и наверное на всех она производит одинаковое впечатление. Хорошо, очень хорошо»².

Были и «обращения» в вегетарианство: И. Перпер признался, что «сделался вегетарианцем после прочтения этого великого произведения, библии вегетарианства»³. Некий тридцатидвухлетний священник сообщает: «Первая ступень» Толстого «не только освободила меня от ложно привитой (.) с детства привычки есть мясо, но и заставила сознательно отнестись к другим вопросам жизни»⁴. К. Г. Греков рассказывал в 1914 г. о том, как эта брошюра изменила его жизнь⁵. В мемуарной литературе все время подчеркивается влияние, которое оказало это сочинение Толстого. Н. Гусев после прочтения «Первой ступени» стал вегетарианцем⁶. С. Полтавский, впоследствии один из секретарей Московского съезда вегетарианцев 1913 г., впервые узнал о существовании вегетарианства благодаря статье «Первая ступень»⁷. Исаак Теппер, родившийся на Украине в 1897 г., по собственному желанию перестал есть мясо в возрасте восьми лет. Его родители объясняли это сумасшествием, в которое он и сам верил до тех пор, пока не прочел Толстого⁸. Когда в 1920 г., во время гражданской войны, толстовец Яков Драгуновский был арестован за уклонение от военной службы, на допросе он заявил: «Представьте себе, я никогда не слышал о том, что есть люди, которые не едят мяса. Когда я в первый раз прочел брошюру Толстого „Первая ступень“, я сразу перестал есть мясо»⁹. Ведущий болгарский толстовец Христо Досев свидетельствует, что после появления болгарского перевода «Первой ступени» в 1902 г. вегетарианское движение в Болгарии испытывало огромный подъем¹⁰. В Петербурге, сразу после выхода статьи в 1892 г., уже упоминавшийся в гл. III студент К. Н. Смирнов сделал попытку основать вегетарианский журнал под названием «Первая ступень»¹¹.

На Международном съезде вегетарианцев, который состоялся в 1900 г. во время Всемирной выставки в Париже, секретарь французского общества вегетарианцев Ж. Моран, вместо того чтобы держать речь, зачитал вслух отрывок из «Первой ступени». В 1906 г. Английское вегетарианское общество (National Vegetarian Society) послало Толстому благодарственный адрес со своего ежегодного конгресса. Когда в 1890–е гг. германское вегетарианское движение «сильно страдало от разрозненности двух главнейших обществ», Толстой – еще до появления трактата – подписал воззвание, способствовавшее основанию 7 июня 1892 г. в Лейпциге «Германского Вегетарианского Союза»¹².

В царской России «Первая ступень» заложила фундамент для развития вегетарианского движения¹³. П. И. Бирюков в своем выступлении на Монте—Верита в Асконе в 1916 г. назвал эту статью «Appell puissant de Leon Tolstoj». Распространение брошюры дало толчок к созданию первых объединений приверженцев вегетарианского образа жизни, сначала в Петербурге и Киеве, затем на Кавказе и Урале, в Туркестане и Сибири. В периодической прессе, как—то: в журналах «Наша пища», «Вестник общественной гигиены», «Русская

жизнь», «Новое время», «Новости», но прежде всего – почти в пропагандистском тоне – в газете «Неделя» – начали печататься статьи и сообщения о вегетарианстве. К этим изданиям относится и ежемесячник «Книжки недели», в котором печатались, в частности, Л. Толстой, Н. Лесков и Вл. Соловьев. В нем было представлено весьма подробное, стройное изложение обсуждения статьи «Первая ступень» и высказано мнение, что «принцип воздержания» имеет довольно значительный действенный потенциал, ведь если массовый голод – это зло, то такое же зло являет наблюдаемое в высших слоях общества «самоотравление, вследствие образования от избыточной пищи прямо ядовитых веществ»¹⁴.

Однако другая часть русской публицистики подвергла авторов, выступающих за вегетарианский режим (Говарда Уи—льямса, А. Кингсфорда и А. Бекетова), насмешкам. Обсуждая русскую версию книги «The Ethics of Diet» («Этика пищи»), журнал «Русское богатство» лишь вскользь упоминает о том, что введение к этой книге составляет трактат Л. Н. Толстого, и иронизирует над тем, что в ней проповедуется воздержание, в то время как то же самое издательство – «Посредник» – предлагает читателям книгу, содержащую 800 вегетарианских рецептов¹⁵. В 1893 г. в Петербурге выходит в свет брошюра П. Енько под заглавием «Зло вегетарианства», в которой автор – без упоминания статьи Толстого – критически рассматривает аргументы вегетарианцев, обвиняет их в лицемерии, ссылаясь на то, что вегетарианцы носят обувь из кожи и защищают поля от вредителей и тем самым дескать тоже участвуют в убийстве животных; вдобавок говорится, что воздержание практикуется ими несерьезно: ведь уже существует вегетарианская гастрономия...¹⁶

Разумеется, публикация «Первой ступени» вызвала большой интерес и на Западе. Уже в год оригинальной публикации эссе было напечатано в немецком переводе Вильгельма Хенкеля «Die erste Stufe»¹⁷; вторично статья вышла на немецком языке в 1893 г. в новом переводе, теперь уже под заглавием «Die erste Sprosse» (илл. 2)¹⁸. Второй вариант перевода названия статьи является оправданным, поскольку первоначально статья Толстого называлась «Лестница добродетелей», а позднее – «Первый шаг добродетелей»¹⁹. Уже в 1891 г. трактат Толстого вышел на датском языке в переводе Петера Готфридовича Хансена²⁰. Первая английская версия статьи была напечатана в 1896 г. в № 4 журнала «The Vegetarian Review», следующая версия – в 1899 г. в № 7 журнала «The Vegetarian Messenger»²¹, третья версия – в Leo Tolstoy, «Essays and Letters», transl. Aylmer Maude, New York 1909, и четвертая – в 1937 г.²². На польском языке статья Толстого была опубликована в 1907 г., затем в 1911 г.²³; на чешском – в 1908 и 1924 г.²⁴. Довольно странный подход к тексту Толстого встречаем в последнем издании этого очерка на немецком языке, которое было осуществлено Кристианом Бартольфом в 1996 г.²⁵: на четвертой странице обложки заявлено, что речь идет о «*до сих пор не публиковавшемся оригинальном тексте Толстого (1828–1910)*» (курсив мой. – П. Б.), однако в предисловии говорится о том, что статья Толстого не публиковалась на немецком языке с 1931 г. (с. 10). Наконец, на с. 89 читатель узнает, что в последний раз текст издавался в 1931 г. в Лорхе (Вюрттемберг). При всем том, версия, которая легла в основу издания Бартольфа, – перевод под названием «Die erste Sprosse», вышедший в 1893 г.

В литературоведческих исследованиях на Западе этому сочинению Толстого до сих пор уделялось мало внимания. Весьма взвешенное исследование на английском языке принадлежит Р. Ф. Кристиану (1993)²⁶. Менее убедительной, напротив, является статья о вегетарианстве Толстого, опубликованная в 1997 г. Рональдом Лебланком: «Tolstoy's Way of No Flesh: Abstinence, Vegetarianism, and Christian Physiology». Автор этой статьи утверждает, что в трактате Л. Толстого «Первая ступень» речь вообще идет не о вегетарианстве. Лебланк делает попытку объяснить вегетарианство Толстого прежде всего через «антисексуализм»

– в совершенно преувеличенных тонах, что, впрочем, сегодня модно. Он проводит многочисленные параллели с «Крейцеровой сонатой» и указывает на то, что Толстой, в записи из дневника за 1889 г., хвалит американских шейкеров за их сексуальное воздержание²⁷. Между тем в «Первой ступени» «плотская любовь», или «похоть», упоминается всего дважды и лишь в общем контексте: Толстой убеждает, что к «основным похотям» относятся «обжорство, праздность и плотская любовь». О том, что последняя производима мясоедением, нигде не говорится (хотя вплоть до недавнего времени врачи неустанно заверяли, что при ведении вегетарианского образа жизни существует угроза потери потенции). Сочинение Толстого – призыв к воздержанию и к простой жизни; в этом смысле старания Лебланка «развевать традиционный миф о его [Толстого] вегетарианстве как „этическом“ или „философском“ по своей природе»* – необоснованны²⁸. Мотивы любви к животным, сочувствия и ненасилия пронизывают все эссе, в том числе его «общую часть» – там, где осуждению подвергается богатый завтрак «из убитых животных, птиц, рыб», а в начале «тульской части» затрагивается проблематика охоты.

В довершение всего, Лебланк утверждает, что Толстой, «по всей видимости, воздерживался от мясной пищи в своем рационе не вследствие обеспокоенности здоровьем»**, и в доказательство обильно цитирует высказывания С. А. Толстой

* «To demythologize this traditional view of his vegetarianism as being essentially 'ethical' or 'philosophical' in nature».

** «Seems to have abjured the use of meat in his diet not on the basis of any health concerns».

и других о «возможных» негативных последствиях отказа от мяса для здоровья писателя. Но автор упускает из виду указание в тексте Толстого на миллионы «людей сильных, легких, здоровых, много работающих на одном хлебе»; он не учитывает также более поздние признания самого Толстого, до и после 1891 г., свидетельствующие о его хорошем самочувствии при простом рационе питания. Точно так же несостоятельны уверения Лебланка в том, что Толстой придерживался мнения, согласно которому «one should strive as much as possible to remove all pleasure from the act of eating». В более позднее время Толстой не раз решительно высказывался против аскетизма как такового, в том числе и против пассивного религиозного аскетизма²⁹; существует много свидетельств, доказывающих, как много удовольствия он умел найти в «простой» еде и насколько он радовался жизни³⁰. «Человеку, – писал Толстой в 1895 г. своему младшему сыну Михаилу, тогда еще шестнадцатилетнему, – дана радость пищи – вкуса, развивающегося от труда и воздержания. Корка черного хлеба съедается с большим наслаждением, если голоден, чем ананасы и трюфели, и человек устраивает себе жизнь так, что никогда не голоден, и пряной, жирной, искусствен(ной) пищей портит себе вкус и часто совсем лишается всякого удовольствия от еды...»³¹.

Как подчеркивает Х. Й. Тойтеберг, Эдуарду Бальцеру, одному из основателей вегетарианского движения в Германии, тоже часто ставили в упрек, что вегетарианцы – сторонники абсолютного отказа от всех наслаждений; на самом деле «для него все заключалось в достижении более осознанного отношения к благосостоянию», и «нет сомнений в том, что сегодняшняя критика чрезмерного потребления товаров в обществе изобилия имела некоторых важных идейных предшественников»³². То же самое и с тем же основанием можно отнести к Л. Н. Толстому.

5. Что говорит православная церковь?

Л. Н. Толстой был отлучен Синодом от церкви в 1901 г. Девятью годами ранее его имя было весьма значимо для русской православной церкви: высказывания Толстого не могли быть оставлены без внимания. Всего лишь через несколько недель после выхода в свет «Первой ступени» духовенство не преминуло подробно (на полутора печатных листах) выразить свою позицию по отношению к этому эссе. В журнале «Чтения в обществе любителей духовного просвещения» появилась статья, озаглавленная «Граф Л. Н. Толстой как проповедник христианских добродетелей воздержания и поста». В ней священник Сергей Розанов подверг тезисы Толстого резкой критике¹. Во вступлении автор заметил, что новое сочинение графа Л. Н. Толстого заслуживает внимания духовной печати, поскольку Толстой проповедует христианские добродетели воздержания и поста отнюдь не в том духе и не в той степени, как это делает православная церковь. Это якобы очевидно уже из того, что «заключительным результатом рассуждений гр. Толстого является решительная проповедь вегетарианства», ибо он радостно приветствует рост этого движения в последние 10 лет.

В первой части рецензии С. Розанов дает довольно детальное и вполне объективное изложение тезисов Толстого²; вторая часть посвящена их обстоятельному критическому разбору³. По мнению рецензента, тщательный анализ показывает, что в «Первой ступени» речь идет о добродетелях далеко не христианских. Статью Толстого в целом С. Розанов оценивает как решительное извращение начал и порядка истинной христианской нравственной жизни: «христианская благодатная жизнь» подменяется здесь исполнением плотских дел закона Моисеева (в смысле издавна осуждаемой церковью ереси иудействующих). Воздержанность в духе Толстого автор толкует как добродетель чисто внешнюю, ведь «в сущности, для христианина пища является предметом довольно безразличным». Далее следует цитата из 1-го послания к Коринфянам (I Кор. 8, 8): «Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем, не едим ли, ничего не теряем»⁴. Церковь предостерегает от гордыни воздержания: «Телесный пост становится христианской добродетелью только тогда, когда выполняется верующим в сыновнем послушании Церкви, устанавливающей его в известные времена и сроки». Следовательно, – заключает автор рецензии, – телесное воздержание в форме поста само по себе не может быть первой ступенью нравственной христианской жизни. Разумеется, требование правильной последовательности добрых качеств имеет определенное значение и для христианина, но значение это не есть главное и основное, как у гр. Толстого, а второстепенное⁵. Христос освободил нас от рабства стихиям мира и даровал нам свободу детей Божьих, дабы мы на основе ее стали братьями друг другу и властителями всей твари⁶. Здесь содержится отсылка к завету «и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1, 28), который нередко служит оправданием употребления мяса.

По всей видимости, – пишет С. Розанов, – Толстой считает упование на христианское спасение через веру прямо вредным для успехов доброй жизни, так как оно якобы парализует в человеке энергию и серьезность его стремления к совершенству. «Когда и где православная Христова Церковь учила, что спасение верующего совершается благодатию Божией *помимо* его личных усилий к совершенству?», – спрашивает автор рецензии. Конечно, если сводить христианскую нравственную жизнь к стихийным и плотским добродетелям, то, очевидно, нет нужды и в божественной благодати.

Впрочем, христианин не должен, говорит Розанов, мечтать о наступлении того времени, когда усилиями людей мир превратится в рай, в котором не будет никакого страдания. Христианин должен бороться со злом, но не для устройства на земле чувственногорая, а для воспитания себя к блаженной вечности.

Что касается вегетарианства, то «с безусловной точки зрения, говоря отрешенно от условий действительности, принцип вегетарианства вполне истинен⁷. В царстве Божием вкушение мяса совершенно упразднится»⁸, как и многие [другие] условия настоящей жизни. «Но царство Божие явится последним результатом истории мира благодаря главным образом всемогуществу Господа, а не одним только личным усилиям человечества. (.) Вследствие катастрофического окончания истории мира, царство Божие является для нас таким высочайшим идеалом, к достижению которого мы должны напрягать все свои силы, но который не может быть окончательно достигнут одними нашими усилиями. (.)

Вкушение мяса, – продолжает автор, – есть результат человеческой немощи. Оно явилось уже в греховном состоянии человека как результат расслабления грехом его телесной жизни. В раю не было места вкушению мяса животных. Бог только попустил людям вкушать мясо, только снисходительно стал до времени терпеть эту слабость человека». Здесь, разумеется, автор ссылается на 1-ю книгу Моисея (глава 9) и на Завет Бога с Ноем (впрочем, там ни словом не упоминаются «слабость» и «немощь» человека).

Подобного рода снисхождением должны быть проникнуты и рассуждения моралиста о нравственном достоинстве вкушения мяса. «С неизбежным злом, устранение которого не вполне в наших руках, поневоле приходится мириться. В данном же случае зло и совсем не сильно. Хотя переход от растительной пищи к животной совершился (...) под влиянием ослабления грехом его [человека. – П. Б.] телесной жизни и потребности для укрепления тела в более питательной пище, тем не менее, пища сама по себе безразлична в нравственном отношении, не приближает нас к Богу»⁹. Употребление животной пищи греховно не само по себе, «а в соединении с страстью плотского невоздержания. С такой относительной точки зрения представляется более здравым и практичным церковное ограничение вкушения мяса животных», а именно – требование воздерживаться от него в известные дни и сроки. «Вегетарианство же гр. Толстого – чистейшая сентиментальность».

Помимо этого, вегетарианство Толстого, – утверждает С. Розанов, – связано с отторжением плодотворных начал культурной и цивилизованной жизни, а также с воспеванием простоты и безыскусственности народного быта, которые, между тем, отнюдь не представляют какой—либо высокой ценности.

Статья С. Розанова представляется убедительной – в рамках христианских верований во спасение. Рецензенту даже ведомо божественное усмотрение относительно питания в царстве Божием: там «восторжествует истина и правда, вкушение мяса совершенно упразднится, как упразднится и весьма многие условия настоящей жизни и действительности». При этом, однако, важные пункты доводов Толстого Розановым не затрагиваются – например, вопрос о жестоком обращении с животными как поведении, не достойном человека; хотя здесь можно было бы сослаться на слова «Да страшатся и трепещут вас все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы земные; в ваши руки отданы они. Все движущееся, что живет, вам будет в пищу; как зелень травную даю вам все» (Быт. 1, 9: 2).

Тремя годами позже православная церковь вновь высказалась по вопросам потребления мяса. На этот раз ее позицию определил архимандрит Тихон (Белавин), который позже станет первым патриархом русской церкви (1917–1925) после ее «вавилонского плена», длившегося со времен Петра I. В 1895 г. он опубликовал статью «Вегетарианство и его отличие от христианского поста». Во времена господства плоти, пишет святитель Тихон, приятно слышать голос в пользу поста, раздавшийся из мира светского. Уже в середине нынешнего века [XIX в.] в Англии, а затем и других странах возникают целые общества вегетарианцев, и с тех пор движение вегетарианское все более набирает силу. Тихон упоминает о данных из анатомии, органической химии, физиологии, медицины, экономики и, наконец, о нравствен-

ных соображениях, которые приводятся в защиту вегетарианства. К сожалению, замечает Тихон, цели вегетарианцев утопичны, если они связывают с переходом к чисто растительному питанию наступлениерая на земле. Церковь и благочестивые церковные деятели, по его мнению, мудрее: они знают, что одним воздержанием этого не достичь. Они также знают, что нельзя предписывать *для всех всегда* одинаковый пост. Тихон называет многих святых – от Апостола Павла (Римл. 14), св. Макария Великого, Спири—дона Тримифунтского, Нила Сорского и до новейшего времени, – которые либерально относились к нарушению запрета на мясо. Согласно Тихону, не должно осуждать вкушение мяса в дни, в которые Святая Церковь его допускает. После потопа, когда человек грехом навлек проклятие на землю и «растительная пища оказалась недостаточной для рода человеческого», сам Бог разрешил людям употребление мясной пищи. Разумеется, от жестокости убийства животных, от вида мучений, испытываемых животными, становится жутко даже привычным людям; в трудах вегетарианцев эти мучения подробно описываются: Тихон называет «Научные основания вегетарианства» [Anna Kingsford]¹⁰ и «Этику пищи» [Howard Williams]; автор, несомненно, имеет в виду и Толстого. «Сострадание, конечно, чувство в высшей степени почтенное, но только в том случае, если оно носит трезвый и здравый характер, а не ложный и сентиментальный». Индийцы, – добавляет Тихон, – устраивают госпитали для кур и голубей и в то же время допускают, чтобы парии умирали от жажды... Не совсем справедливо и утверждение некоторых защитников вегетарианства (здесь названы Глейзе, Мишле, Гольц и Говард Уильямс), согласно которому «животные совершенно *однородны* с человеком и в физическом, и в нравственном отношении». «Один вегетарианец» якобы спросил: «Неужели души всех животных смертны?» («Этика пищи», с. 346). «Эти материалистические тенденции очень вредят чистоте вегетарианского учения, и нельзя не пожалеть, – резюмирует автор, – что вегетарианцы вместо того, чтобы вести дело проповеди своих идей в союзе со Святой Церковью и в духе учения Христова, предпочитают черпать подкрепление своим воззрениям из мутных кладезей ложных учений».

Совершенно очевидно, что статья архимандрита Тихона, вышедшая в 1895 г., была ответом, не в последнюю очередь, на «Первую ступень» Толстого. С 1993 г. она не раз перепечата—тывалась, а в 1998 г. воспроизведена в очередной раз в брошюре, изданной по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Об этом пойдет речь в главе X.

6. Вегетарианство—веганство Толстого и его семья

Со времени сочинения «Первой ступени» вегетарианство окончательно становится привычной частью жизненного уклада Толстого. Некоторые из членов семьи, насчитывавшей тогда 13 человек, последовали его примеру. Это прежде всего дочери Таня (1864–1950) и Маша (1871–1906), а также сын Лев (1869–1945). Последний – по его собственным словам, убежденный вегетарианец – 19 апреля 1903 г. прочитал в Санкт—Петербургском вегетарианском обществе доклад на тему «Реформа питания»¹; в книге «Моя гигиена» (Москва, 1904)² он даже выступил как «веганец» и в то же время как сторонник совместного обучения мальчиков и девочек³. Однако Софья Андреевна вместе с другими членами семьи осталась при традиционном режиме питания. Этой семейной констелляцией объясняется то обстоятельство, что письма, дневники и воспоминания Толстых содержат многочисленные высказывания по основным вопросам вегетарианства, «веганства» и сыроедства и немало замечаний об отношении к «мясоедному» окружению. Особенно часто такого рода вопросы обсуждаются в дневнике Софьи Андреевны с 1891 по 1910 год (свыше 650 страниц), в дневниках самого Толстого после 1891 года⁴, в переписке обоих супругов, а также в записках Д. П. Маковиц—кого (с 1904 по 1910 гг.).

Совершенно очевидно, что Софья Андреевна страдала от этого раскола в семье. «Вегетарианство внесло осложнение двойного обеда, лишних расходов и лишнего труда людям»⁵ (запись в ее дневнике в середине января 1895 г.). В ее высказываниях нередко встречаются сетования и опасения, иной раз не без доли сарказма: «Говорили за чаем о еде, о роскоши, о вегетарианстве, которое все проповедует Левочка. Он рассказывал, что в расписании кушаний вегетарианских в немецкой газете назначено на обед: хлеб и миндаль. Наверное, проповедующий это исполняет regime так же, как Левочка, проповедующий в „Крейцеровой сонате“ целомудрие»⁶ (запись от 6 марта 1891 г.).

Именно из высказываний, свидетельствующих об отношении Софьи Андреевны к вегетарианству, можно заключить, насколько сильное влияние на мнения несведущей публики оказывали тезисы о вреде отказа от мясной пищи, авторитетным тоном высказывавшиеся врачами. (Как мы помним, в свое время на это уже обращали внимание Бекетов и Чернышевский). 9 июня 1891 г. Софья Андреевна записывает: «Вчера и сегодня он шил себе башмаки; по утрам он пишет свою статью, питается очень дурно, ни молока, ни яиц, ни кумыса не пьет. Набивает желудок хлебом, грибным супом и кофе, ржаным или же цикорным. (.) Сегодня я думала о нем: мне радостно было бы видеть его здоровым – он портит себе желудок самой вредной (по словам доктора) едой»⁷. Запись от 26 июля 1897 г.: «Лев Николаевич все не совсем здоров. Его вегетарианская пища его недовольно питает»⁸. Запись от 28 февраля 1898 г.: «Сегодня за обедом я с ужасом смотрела, как он ел: сначала грузди соленые, слепившиеся оттого, что замерзли; потом четыре гречневых больших гренка с супом, и квас кислый, и хлеб черный. И все это в большом количестве. Я ем теперь с ним одну пищу, т. е. все постное по случаю великого поста, и все время у меня дурное пищеварение, а я ем вдвое меньше. Каково же ему, шестидесятидевятилетнему старику, есть эту *не питательную, дуящую его, пищу!*» [курсив мой. – П. Б.]⁹. Балластные вещества тогда еще не были известны медицинской науке¹⁰.

Дабы «спасти» Толстого, нередко прибегали к обману, ведь с 1892 года он временно перешел с лактоовоовегетариан—ства на «веганство». [ср. ниже с. 112]. 20 июня 1898 г. Софья Андреевна сообщает: «Ел он сегодня овсянку, рисовую кашу на миндальном пополам с простым молоком (*обманом*) и яйцо, которое, после трех дней, уговорил его съесть доктор

Вестер—лунд»¹¹ [курсив мой. – П. Б.]. 21 июня: «Начал есть, в виде лекарства, по совету Вестерлунда, по яйцу в день, и ему это неприятно, но слабость и немощь тоже неприятны»¹². Своей сестре Т. А. Кузминской она пишет 2 декабря 1899 г.: «Ты спрашиваешь, отчего Левочка заболел, милая Таня? Да много можно найти причин. (...) Еще оттого, что слишком торопливо и усидчиво работал над „Воскресением“; еще оттого, что выдумал есть всякий день огромное количество гречневой каши. И вот, раз, наевшись через меру, у него сделались адские боли. (...) Лекарства не хочет принимать, – где уговором, где обманом. Вегетарианство тоже бросать не согласен, а чем же поправить упавшие старческие силы?»¹³ Запись от 4 января 1902 г.: «. иногда невыносимо с его упрямством, самодурством и полным отсутствием знания медицины и гигиены. Например, доктора велят есть икру, рыбу, бульон, а он вегетарианец и этим губит себя»¹⁴.

14 января 1902 г.: «Здоровье Льва Николаевича не поправляется. Надо бы совершенно переменить пищу, но упорный, независимый и, не в обиду будь сказано, страшно упрямый характер великого человека [! – П. Б.] не склонится ни за что на питание рыбой и курицей, как ему советуют, и будет есть морковь и цветную капусту, как сегодня, и страдать от этого»¹⁵.

Особым огорчением для Софьи Андреевны было то, что и ее дочери, а также племянницы Толстого перешли на вегетарианство. 24 февраля 1898 г. Софья Андреевна пишет: «Было письмо от Сергея Николаевича [брата Л. Н. Т., 1826–1904. – П. Б.]. Вера, его дочь, кажется, больна чахоткой. Еще одна жертва принципов Л. Н.! Она недоедала, слабела (...) и вот и она, и наша Маша погибают от болезни и слабости, от вегетарианства и переутомления. Я всегда предупреждала их, особенно Машу, что нет у них сил вынести болезнь, если она придет. Так и вышло»¹⁶. Запись от 28 января: «Сегодня известие от Маши бедной, что ребенок опять в ней умер и она лежит с схватками, грустная, огорченная обманутой надеждой, как и Таня. Мне все время плакать хочется и ужасно, ужасно жаль бедных моих девочек, изморенных вегетарианством и принципами отца. Он, конечно, не мог предвидеть и знать того, что они истощаются пищей настолько, что не в состоянии будут питать в утробе своих детей»¹⁷. Очевидно, Софья Андреевна запомнила, что у нее самой было трое мертворожденных детей. Уже 5 ноября 1893 г. она сожалела: «Злые духи овладели человеком, которого я люблю, но он не замечает этого. (...) И вот сын его гибнет [С. А. имеет в виду Льва Львовича, который часто болел. – П. Б.], и дочери гибнут, и гибнут все, прикасающиеся к нему»¹⁸. Даже сам Толстой впадает в сомнения, когда Таня в 1903 г. в Риме родила мертвых близнецов: «Но я не удовлетворен тем, что не объяснена смерть первого. Ведь не от потери белка же?»¹⁹ Однако в 1905 году Таня родила здорового ребенка – дочь Татьяну.

Вегетарианство Тани и Маши (а позднее и Александры, родившейся в 1884 г.) Софья Андреевна расценивает как их жертвы отцу: «Он [Л. Н.] чувствовал себя счастливым, поработив три женские жизни: двух дочерей и мою. Мы ему писали, ухаживали за ним, заботились усердно об очень сложном и трудном подчас при нездоровье – вегетарианском питании...». Эта запись относится к 4 сентября 1897 г.²⁰ А немногим позже, 30 сентября, она жалеет мужа в связи с тем, что Таня уехала в Крым: «Сколько лет он проводил свои тихие осенние месяцы с своими дочерьми: они служили ему, они писали ему, они вегетарианствовали...»²¹.

Вегетарианский режим питания кажется ей таким сложным в силу того, что она считает необходимым и возможным компенсировать вред, якобы причиняемый здоровью вегетарианством, большим разнообразием пищи и ее количеством. Продукты действительно были дорогими, так как для Толстого выписывали малодоступные тогда южные плоды – апельсины, финики, миндаль²². Он ел их с удовольствием, но не считал обязательно нуж-

ными. 6 мая 1898 г. он пишет жене: «Я совершенно здоров. Напрасно ты присылаешь эти горы провизии»²³. В записках писателя Ивана Наживина, не раз гостившего в Ясной Поляне с 1901 по 1910 г., находим следующее описание положения в семье:

Иногда случалось мне заставить Льва Николаевича за обедом, когда графини не было дома. Обыкновенно в таких случаях я находил перед ним гречневую «размазню», печеную картошку или репу, хлеб. Графиня дома – и перед стариком цветная капуста зимой, необыкновенные пуддинги, два лакея в белых перчатках и пр. И графиня жалуется, как тяжело ей вегетарианство мужа: что же можно изготовить в деревне порядочного, а особенно зимой, если не есть мяса, дичи, рыбы? Ей и в голову не приходит, не может придти, не может войти мысль, что и ему, действительно, приятнее есть размазню, чем диковинный пуддинг, и печеную репу, чем цветную капусту под изысканным соусом. Да и что в этом удивительного, когда даже друзья его, когда он ехал с ними куда—нибудь, брали для него билет не в 3 классе, как ему это было приятно, а во 2, т. е. подавали ему опять ту же цветную капусту под сложным соусом? А он хочет пареной репы... Софья Андреевна, угощая его цветной капустой, хочет только одного: чтоб ему было лучше. И они, друзья, также искренно хотят того же. И она, далекая, и они, «близкие», не хотят понять, что это «лучшее» на их языке и на его языке совсем не одно и то же.²⁴

Вопрос Софьи Андреевны (что же можно приготовить приличного, если не мясо, дичь или рыбу?) – не столь удивителен, если принять во внимание то, что в ресторанах до сегодняшнего дня овощи и картофель предлагают скорее в качестве «добавки» или «гарнира». Ее тревогу можно объяснить, правда, и тем, что Толстой в самом деле еще с молодости много страдал от болей в желудке и кишечнике: Софья Андреевна зачастую сводила *post hoc* к *propter hoc*. К тому же Толстой – учитывая, что, с одной стороны, он обладал хорошим аппетитом, с другой стороны, практиковал тяжелый физический труд, – предпочитал большие порции. «Перед отъездом он с жадностью вдруг напустился на вареники, виноград, грушу, шоколад. Было 6-ое рождение Андрюши и всякие угощения. Теперь идет так: чуть поправится, все истратит невоздержанием в еде и движениях»²⁵. Толстой проповедовал воздержание в еде, требуя того же от самого себя, и, в общем, соблюдал этот принцип, – правда, удавалось ему это не всегда. В письме к Софье Андреевне от 11/12 мая 1900 г. он сообщает: «Я совсем здоров. Беда моя только в том, что ем за троих»²⁶. Или сравним запись в дневнике от 5 мая 1909 г.: «Ел лишнее – стыдно»²⁷.

В мае 1892 г., после появления в печати «Первой ступени», вопросы питания начинают обсуждаться как никогда остро. В этот период Толстой попадает под влияние «интересного гостя», семидесятилетнего шведа Абрама фон Бунде, и некоторое время пытается жить так, как те, кого мы сегодня называем веганцами, и даже как сыроед²⁸. Фон Бунде был богатым коммерсантом и владельцем домов. Раздав свое богатство до копейки бедным, он стал вести бродячую жизнь и призывать к крайнему опрощению. Фон Бунде прожил тридцать лет в Америке и впоследствии странствовал по Дальнему Востоку. Толстой пишет о нем Софье Андреевне: «Он немного на меня похож, проповедник жизни по закону природы. (.) Он вегетарианец, без молока и яиц, предпочитая всё сырое, ходит босой, спит на полу.»²⁹. А в письме от 16 мая 1892 г., сравнивая «оригинального» шведа с пророком Иеремеем, он замечает: «Вегетарианство, если только оно не имеет целью здоровье, всегда связывается с высоко нравственными взглядами на жизнь. Это нескромно, но я пишу это не для тебя или себя, а для него»³⁰. Толстой ставит себе в укор собственный образ жизни, ведь он не

питался одними фруктами, овощами и лепешками «из зерна толченого, а не молотого», и не пил только воду, как это делал швед; к тому же он не отказывался от чая и даже от ячменного кофе. Однако вскоре ему пришлось оставить попытки подражать этому шведу – из-за чувствительного желудка. Впоследствии Толстой вернулся к лактоовоовегетарианству, причем старался обойтись без молока, готовил себе овсяную кашу на воде, а яйца ел только тогда, когда на том настаивали врачи. Очень наглядное и вряд ли широко известное описание приготовления овсяной каши оставил электротехник Ульрих Шооп из Цюриха, посетивший московский дом Толстых в 1895 году:

...Тотчас слуга в черной ливрее, тот самый, что внизу принял наши пальто, принес маленькую спиртовку вместе со спичками и довольно большую жестяную коробку. Граф, рассказывая между тем о своем образе жизни, зажег спиртовку и стал заваривать кашу [tut tiber], т. е. налил воду в кастрюльку и прибавил столовую ложку овсяной муки, взятой из таинственной жестяной коробки. «Вы, наверное, удивитесь, если я Вас заверю, что моя пища обходится мне всего примерно в 4 копейки в день; но это действительно так».

Мне кажется, я всё еще вижу его перед собой, здорового, остроумного человека со специфически русским, отталкивающим лицом, – человека, моральные проповеди которого отнюдь не результат потери сил; вижу, как он с ложкой, время от времени пробуя варево, стоит перед маленькой спиртовкой и рассказывает приятным голосом, что, конечно, овсяная мука стоила бы ему гораздо дороже, если бы ему надо было ее покупать; но он ведь счастлив тем, что сам сеет овес в поле... (...) «Вы обязательно должны отведать моей овсянки», – говорит он и без обиняков ставит передо мной тарелочку, до краев наполненную приятно пахнущей овсянкой. У этой «affsianki» был только тот недостаток, что она была слишком горячей. Я весь обратился в слух, когда граф заговорил о плохих обычаях, о дьявольской троице – вине, женщинах и пении, – а потом о вредном питии чая и курении, – с последним он давно распрощался. Потом он продолжил разговор о еде, заметив, что уже годами пища его состоит только из свежих и сушеных фруктов, овсянки и хлеба, и все это продукты, выращенные в Ясной Поляне. Именно строгой диете и чисто вегетарианскому образу жизни он приписывает заслугу своего избавления от долголетнего, очень мучительного заболевания почек и то, что его общее состояние теперь гораздо лучше, чем прежде.

Графиня, сперва не присутствовавшая за столом, вошла в зал во время разговора и теперь принимала в нем живое участие. Она, похоже, была разгневана на вегетарианство и утверждала, что одна из ее дочерей стала страдать анемией только вследствие этой «ненатуральной, безмясной» пищи, прибавив, однако: «Надо признаться, граф чувствует себя гораздо лучше, чем раньше, но, хотя вегетарианский образ жизни, может, и полезен старым людям, для молодых это вовсе дурно»³¹.

Для Толстого этическая мотивация всегда была на первом месте. 28 марта 1894 г. его посетил писатель Ф. Ф. Тищенко. Во время беседы гость сказал, что нервы его расстроены со времени сибирской ссылки. Толстой спросил: «Мясо едите?» Тищенко ответил: «Нет. – Почему? – По соображениям гигиеническим: оно меня раздражает. (...) Лев Николаевич кивнул головой в знак согласия. Но я почувствовал, что мой ответ не совсем понравился ему: ему было бы приятно слышать, что я не ем мяса по этическим соображениям. И он сказал:

– А я вот недавно перестал есть молоко и яйца и чувствую себя от этого еще лучше»³². С годами принципиально—этическая позиция Толстого становится все более жесткой. И. Е. Репин во время своего посещения Ясной Поляны в сентябре 1907 г. рассказал ему, что не ел мяса два с половиной года, а теперь иногда ест. Толстой удивился: «Как можно иногда есть мясо?»³³

Кроме соображений гуманности (защита животных), в этическую мотивацию Толстого входил и социальный компонент. Радикальность его требований опрощения и самоограничения может вызывать у нас удивление, но нельзя забывать о том, какова была окружающая его действительность. Ему казалось невыносимым то, что в господском доме столь много хлопчат о как можно более изысканном и рафинированном столе, в то время как кругом царят крайняя бедность, а порой и голод. Ситуация отчасти была подобна нынешней: в супермаркетах промышленно развитых стран полки переполнены вкусным кормом для собак и кошек, в то время как в странах «третьего мира» тысячи людей ежедневно умирают от голода. Разница заключается только в том, что нужда, в отличие от нашего времени, не была так отдалена, не была столь безлично представлена на экране телевизора, – с ней сталкивались воочию изо дня в день.

Толстого возмущало то, что выражение «посадить на хлеб и воду» считалось обозначением самого жестокого наказания³⁴. Ведь «человек может питаться одним хлебом и быть довольным, а может человек обедать шесть блюд и ничего не работать и быть недовольным своей судьбой»³⁵. В переписке Толстого не раз встречается выражение «анковский пирог». Так называли воздушный сладкий пирог, который пекли по рецепту дружного с Толстыми доктора медицины, профессора Николая Богдановича Анке; это название со временем стало символом праздной, благополучной жизни и вошло в состав семейного языка³⁶.

С апреля по июнь 1892 г. Толстой организовал в Рязанской губернии деятельную помощь голодающим мужикам. В Бегичевке были обеспечены едой 48 человек: раздавали ржаной хлеб, «щи без мяса, слегка приправленные постным маслом (.) похлебку картофельную; или же горох, пшеничную кашу, овсяный кисель, свекольник. Обыкновенно по два блюда на обед и два на ужин». Поддерживали Толстого в этой работе, кроме жены, также четыре вегетарианца: его дети Таня, Маша и Лев, а также племянница Вера Кузминская. То, что пища, розданная голодающим, была безмясной, вероятно, не следует приписывать только царящей нужде³⁷. В общей сложности Толстой организовал в этой губернии 212 столовых³⁸.

Богатую информацию о вегетарианстве в семье Толстых можно найти у Душана Петровича Маковицкого (1866–1921). О нем здесь нужно сказать подробнее. Его «Яснополянские записки» являются единственным в своем роде источником, повествующим о последних годах жизни и творчества писателя. Д. П. Маковицкий – врач из Словакии – первый раз гостил в Ясной Поляне одну неделю в 1894 г. и впоследствии несколько раз бывал у Толстых. С конца 1904 г. по октябрь 1910 г. Маковицкий был домашним врачом Толстых. В течение этих шести лет он – с ведома Толстого – вел скрупулезно точный дневник, в котором летопись жизни велась не по дням, а по часам – сперва на словацком, а позже на русском языках: он записал множество высказываний Толстого и несметное число разговоров; здесь можно найти многочисленные нигде более не засвидетельствованные суждения Толстого; здесь довольно часто встречаются и замечания о текстах, прочитанных Толстым. Таким образом, Маковицкий стал кем—то вроде Эккерманна Толстого; кстати, об Эккерманне и его отношении к Гёте говорится и в самих «Записках»³⁹.

Разумеется, эти записки не могут выдержать сравнения с точностью магнитофонной записи, но в них проявляется сознательное старание быть правдивым и искренним: то, за

достоверность чего Маковицкий не мог ручаться, в текст записок не включалось. Дневник Маковицкого включает в себе своего рода хронику потока посетителей Ясной Поляны в последние годы жизни Толстого; в нем зафиксированы многочисленные разговоры Толстого с такими видными деятелями, как И. И. Мечников, Л. Н. Андреев, М. В. Нестеров, И. Е. Репин, Паоло Трубецкой, Т. Г. Масарик и многими другими посетителями – прежде всего из англоязычных стран. В этих записках содержатся также отчеты о просителях, мужиках и нищих, появлявшихся в Ясной Поляне почти ежедневно. Кроме того, записки содержат много воспоминаний Толстого о современниках, с которыми он встречался в ранние периоды своей долгой жизни – А. И. Герцене, Н. А. Некрасове, И. С. Тургеневе, Ю. Ф. Самарине, А. С. Хомякове и др.

Некоторые части «Записок» Маковицкого были опубликованы уже в начале двадцатых годов, а в 1979 г. вышло полное издание в четырех томах под названием «У Толстого 1904–1910. Яснополянские записки Д. П. Маковицкого»⁴⁰. Во вступлении к этой книге, написанном В. Ф. Асмусом (20 страниц!), перечисляются многие темы, которые освещаются в записках. Однако нигде не упоминается о том, что в дневнике Маковицкого затрагиваются вопросы питания и вегетарианства⁴¹; между тем в четырех томах текста (в сумме свыше 2000 страниц) насчитывается более ста мест, где речь идет о вегетарианстве и о мотивах отказа от мясного питания, где обсуждаются философские, религиозные и этические проблемы, связанные с «беззубным» питанием, вопросы здоровья и медицины, употребления алкоголя и табака, а также обхождения с домашними животными и со зверями на воле, охоты и сельского хозяйства. Рассказы Маковицкого дополняют дневники самого Толстого и Софьи Андреевны. Последние (так как речь в них идет преимущественно о вегетарианстве) мало информируют о беседах, которые велись в Ясной Поляне, но довольно подробно в изложении того, что именно ел Толстой и каковы были диетические предписания его врачей⁴². Подробны также записи о продуктах, доставаемых Софьей Андреевной для мужа: «Очень стараюсь питать его получше, но трудно: вчера заказывала ему и спаржу, и суп легкий пюре, а все—таки сегодня ему нехорошо»⁴³.

У Маковицкого – гораздо большее разнообразие тем. Приведем выборку его записей о вопросах вегетарианского образа жизни (примечания в квадратных скобках мои; цифры в круглых скобках указывают на том и страницу «Записок». – П. Б.):

21 апреля 1907 г.: «Л. Н. сказал, что в народе строго соблюдаются посты, и вычислил, что целую половину года постятся (четыре поста: Великий, Петровский, Успенский и Фи—липповский – 24 недели: потом 56 сред и пятниц и несколько праздников – 184 дня).

Софья Андреевна заметила, как они, пока Л. Н. был православным, соблюдали посты. Всю Страстную неделю ели один черный хлеб с солью и водой»⁴⁴ (2, 418) [между прочим, православие Толстого кончилось неожиданно около 1880 г.; об этом сообщают воспоминания Ильи Львовича: «Был пост. В то время для отца и желающих поститься готовился постный обед, для маленьких же детей и гувернанток и учителей подавалось мясное. Лакей только что обнес блюда, поставил блюдо с оставшимися на нем мясными котлетами на маленький стол и пошел вниз за чем—то еще. Вдруг отец обращается ко мне (я всегда сидел с ним рядом) и, показывая на блюдо, говорит:

- Илюша, подай—ка мне эти котлеты.
- Левочка, ты забыл, что нынче пост, – вмешалась мама.
- Нет, не забыл, я больше не буду поститься и, пожалуйста, для меня постного больше не заказывай.

К ужасу всех нас он ел и похваливал»]⁴⁵.

25 апреля 1910 г.: В. Ф. Булгаков рассказывает: «В Москве выставка мясная и скота, освящали ее молебном. Городской голова выпил за процветание боен.

Л. Н.: Где какая гадость, без молебна не обойтись»⁴⁶ (4, 235).

19 декабря 1904 г.: Потом Л. Н. говорил о мнении Хэйга, что мясо и legumineux – бобы, горох, чечевицу – не следу—ет употреблять, т. к. они создают вредную мочевую кислоту⁴⁷. Рассказал содержание его статьи, передав существенное, как он это умеет. Читал многие из его сочинений (они находятся в библиотеке); он в переписке с Хэйгом и придерживается его советов⁴⁸ (1, 103).

14 февраля 1905 г.: Маковицкий цитирует Толстого: «Хэйг мне написал и прислал свои книги (...) Пишет мне, что его теория и вегетарианство распространяются в Англии. Я не доживу, но вы, быть может, доживете: через сорок лет люди, по крайней мере, нашего, образованного круга, не будут есть мяса. Вегетарианство ведь появилось не сразу, но оно развивается. Оно началось на моей памяти, 20 лет тому назад. Как на него нападали: говорили, что человек сотворен не травоядным, а мясоядным; такие уж у него зубы, кишки. Теперь бросили это; даже врачи, как Хэйг, доказывают естественность питания без мяса. Я говорю, что есть три зла на свете: алкоголь, мясо, никотин» (1, 174).

2 марта 1905 г.: Л. Н.: «Хэйг мне написал и послал брошюры (.) есть [и] нехорошие вещи в его сочинениях: Он думает, что надо воспитать здоровую, крепкую породу людей. Какое это заблуждение: *Mens sana in corpore sano* (...) Физические силы и духовный рост относятся друг к другу, как основание к вершине конуса».

3 марта 1905 г.: Л. Н.: «Я иногда себя упрекаю, когда занимаюсь гимнастикой: зачем это делаю? Духовной работе лучше, чем работа мышц, способствуют вегетарианство, правильное пищеварение, хороший сон»⁴⁹.

4 марта 1905 г.: Писатель Владимир Германович Бого—раз—Тан [1865–1936], посетивший духоборцев в Канаде, рассказывает Л. Н. про народовольца Дмитрия Яковлевича Суровца [1852–1925]; он 17 лет просидел в Шлиссельбурге, а затем был сослан в Сибирь. В ссылке научился садоводству, вегетарианствовал, а это потому полагал, что люди убивают людей только потому, что убивают животных для поедания их.

23 июня 1905 г.: Лев Львович говорил о вегетарианстве; знает многих, которые, благодаря вегетарианству, избавились от болезней желудка и после двух—трех лет, вследствие этого, опять начали есть мясо. Михаил Львович сказал о своем двоюродном племяннике, мальчике Мише, тоже вегетарианце, который, увидев рыбу на столе, вскрикнул: «Ведь живая!» Дети насилием учатся есть мясо. По природе они вегетарианцы.

Л. Н.: «Вегетарианство перевалило на другую сторону, одолело карниворство. [Льву Львовичу]: Помнишь, как Дора [жена Льва Львовича] рассмеялась, когда услышала в первый раз о вегетарианстве, сказала: „Фантазия!“ Удивительно, что Вестерлунд [ее отец] – умный гигиенист – стоит за мясо».

27 июня 1905 г.: [Иван Павлович] Похитонов рассказывал о Неаполе, о «фрутти дель марэ», как рыбаки их ловят (.) и продают живыми для еды

(.) Выглядят как комочек грязи, а превкусно. Мария Львовна: «А живые?» Похитонов: «Да, живые». Л. Н.: «Это как дикаря спросили: „Как можно есть человеческое мясо?“ Он ответил: „С солью вкусно“».

15 апреля 1906 г.: Говорили о [Ю. Ф.] Самарине. Л. Н.: «Когда ему было лет пятьдесят, я его видел и удивился, как он похудел. Это от американского лечения: ел одно мясо и пил вино».

24 апреля 1906 г.: Принесли третью еду. Л. Н.: «Много едим. Четыре блюда. Должно бы быть довольно двух».

25 апреля 1906 г.: Л. Н. вышел к нашему завтраку. Вид у него хороший. Похлебал супу и съел только пирожок. Л. Н.: «Надо не есть. И пирожок напрасно съел.» (...) «Как вы себя чувствуете?» – спросили его – «Прекрасно. Воздерживаюсь в пище. Хорошо думается. Радуюсь на жизнь».

17 июня 1906 г.: Л. Н. в последнее время под влиянием Хэйга перестал пить молоко и есть яйца. Утром пьет горячую воду с хлебом и маслом. Л. Н. часто не завтракает, даже чаще, чем завтракает, а иногда сядет к столу и поест, что остается холодное, не дожидаясь, пока согреют.

(.) Пришел Токутоми [японский писатель]⁵⁰, вегетарианец. Маковицкий спросил: «Почему японцы могут так долго бегать?». Ответ: «Потому что не едят столько мяса, как европейцы»⁵¹.

Софья Андреевна упрекает Л. Н. в том, что тот мало ест. На это Л. Н.: «Каждый день упрекаю себя, что ел лишнее».

20 августа 1906 г.: Михаил Сергеевич Сухотин [1850–1914, с 1899 г. зять Толстого] замечает [по поводу революции, иронически]: «Везде беспокойно, кроме Ясной: тут санатория. Мы решили в санатории мясной пищи не есть, не варить, кроме как для прислуги. Уставшему кучеру нельзя дать французской капусты [т. е. савойской капусты]. Толстой: „Можно – каши“. Толстой спрашивает М. С.: «Видели новую книгу о вегетарианстве? [имеется в виду: А. А. Ясиновский. О беззубойном питании (О вегетарианстве). Одесса, 1906]. Там вам дали название некрофагов».

28 марта 1907 г.: За обедом вчера Л. Н. не ел одного блюда, сказав, что ему не следует столько есть. Недавно заметил, что мы едим вдвое больше, чем нужно. Сегодня Софья Андреевна за вторым блюдом объявила, что будет только три блюда и салат, но его каждый столько съел, что вышло четыре. Давно уже поднимается вопрос, чтобы за обедом не давать четыре блюда. Софья Андреевна его отстаивает из-за гостей. Редкие дни, когда их нет.

5 июля 1908 г.: [Николай Осипович] Торба, конторщик издательства Софьи Андреевны, обедал у Толстых. Софья Андреевна ему сказала, что мясные котлеты ради его одного. Л. Н.: «Вегетарианство раньше было подвиг, нынче много людей стало не есть мяса. А считается это таким простым, само собой разумеющимся, как не ругаться».

26 июля 1908 г.: Маковицкий записывает: «Около Л. Н. – девицы, оставшиеся ими Христа—ради, вегетарианцы, абстиненты, непротивленцы, опростившиеся люди, земледельцы, отказавшиеся от военной службы, отказавшиеся платить подати, судиться, переставшие быть помещиками, студентами, офицерами, писателями (профессиональными)».

4 августа 1908 г.: За обедом Илья Гинцбург, скульптор, рассказывал про Репиных, что они устроились так, что не могут принимать гостей на петербургские обеды. «Теперь будем жить без рабов (прислуги)», – говорят они. Это известие было приятно Л. Н. Мария Николаевна [сестра

Толстого] возразила: «Как же, придут гости, приятно вместе поесть». Л. Н.: «В Петербурге безобразие с едой – ужинают ночью. Зачем же гостям непременно есть? К Николаевым [Сергей Дмитриевич и Лариса Дмитриевна]⁵² ходят не на обеды, а с ними чай пить и то есть, что они едят, это естественно».

17 декабря 1908 г.: Приехали Репин с Нордман (.) Разговор о вегетарианстве. Репины очень им заинтересованы.

26 декабря 1908 г.: Об охоте и об убийстве животных для еды (для кухни). Л. Н. говорил, что на охоте убивать менее ужасно – не видишь страдания. Но добывать птиц на охоте всегда тяжело.

Л. Н.: «Я нынче слышал, как индюшки плакали о смерти своей подруги (за обедом была индюшка). Из внуков Л. Н. вегетарианцы одни Сонечка и Илюшок Андреевичи [Толстые]⁵³.

7 февраля 1909 г.: Л. Н. боролся с Александрой Львовной, облокотившись на стол, кто кого перетянет; потом со мной, и обоих победил. Как силен в 80 лет!

21 марта 1909 г.: Лариса Дмитриевна [Николаева] говорила, что намереваются учредить вегетарианскую столовую для народа. Л. Н.: «Это прекрасная мысль: народная дешевая столовая».

Говорилось, как много стало вегетарианцев. Л. Н.: «Как только человек начинает жить религиозной жизнью, так он бросает мясо, вино, табак».

4 мая 1909 г.: Л. Н. еще два года тому назад так ездил верхом, как будто бы ему было 25 лет.

1 мая 1909 г.: Разговор о вегетарианстве, о количестве белков. Лет 20 тому назад физиологи считали нужным принимать от 90 до 120 граммов белков, теперь – от 30 до 60.

12 апреля 1909 г.: Л. Н.: «... верно говорит Сергей Дмитриевич [Николаев], что два требования первенствующие: обходиться без прислуги и вегетарианство. Это очень много значит – сознавать, что пользование прислугой и убийство животных – дурно, что это не должно быть, что если это делаешь, то виноват».

28 мая 1910 г.: Л. Н. говорил шепотом Ге о прислуге, подающей еду за столом, как это ему неприятно и как об этом будут говорить через 30 лет с удивлением, что за столом одни люди другим прислуживали.

[Еще 17 января 1891 г. Софья Андреевна записывает в дневнике: «За обедом был шуточный разговор о том, чтоб господам всем поменяться на неделю положением с прислугой. Левочка нахмурился, ушел вниз; я пошла к нему и спросила, что с ним? Он говорил: „Глупый разговор о священном деле; мне и так мучительно, что мы окружены прислугой, а из этого делают шутки (.)“»⁵⁴.]

29 мая 1910 г.: приехал Павел Трубецкой (Paolo Trubet—sky) с женой (...) Л. Н. с ним сердечно беседовал. Je suis tres content de vous voir (...) Говорили, главным образом, о вегетарианстве. Трубецкой и его жена – вегетарианцы. Трубецкой – о животных: у него волк, лайки и ягненок вместе живут и играют. Трубецкой говорит, что один итальянский скульптор вылепил: Les mangeurs de cadavres – гиену и человека [этот скульптор – сам Трубецкой. – П. Б.]. Трубецкой: «Я очень люблю животных и люблю лепить их. Идеал жизни я вижу в том, чтобы стать как можно ближе к животным,

которые обходятся без разных человеческих подлостей и без вредоносных людских учреждений». Л. Н.: «Идеал – любить животных. Среди людей много дурных обычаев, отсутствующих у животных, но зато у людей есть и то, что ставит их выше животных: бесконечные духовные идеалы».

11 июня 1910 г.: Разговор о мясоедении в Японии [с Ма—сутаро Кониси, профессором в Киото]. Оно, – говорил Ко—ниси, – в последнее время развилось в Японии. Крестьяне и более старинного склада люди не только не едят мяса, но и молока не пьют. Одни телята пользуются молоком».

20 июня 1910 г.: Разговор перешел на вегетарианство. [Семен Михайлович] Соломахин сказал о себе, что он природный вегетарианец. Бутурлин о детском приюте, где врачом Бер—генгейм, – что иные дети не переносят молока, и их кормят клюквенным киселем и шпинатом – и прекрасные результаты. В Японии, где не имеют коров, – детей, у которых умерли матери, кормят рисовым отваром. Солдаты, вернувшиеся из Маньчжурии, рассказывали, что там хотя коровы и имеются, но их употребляют как быков, для работы и перевозки, и иногда подковывают, но никогда не доят.

18 августа 1910 г.: Такое большое наше общество (.) Принесли мясо. Л. Н.: «Как мясо противно мне! Раньше – по рассудку, а теперь инстинктивно».

5 октября 1910 г.: За обедом Л. Н. говорил, как вегетарианство сначала распространяется по нравственным и религиозным причинам. «Наука только тогда сдается, когда не может иначе».

Привычки питания влияли и на распределение симпатий в семье. В 1890 г. Софья Андреевна записывает: «С Машей никогда у нас связи настоящей не было, кто виноват – не знаю»⁵⁵. 1 июля 1898 г. она признается: «Мои двое старших детей – мои любимые»⁵⁶. А запись от 29/30 июля 1898 г. гласит: «Так—то я с этим дневником свергаю его с пьедестала, который он всю жизнь старательно себе воздвигал»⁵⁷. Впрочем, месяцем раньше, 20 июня 1898 г., она пишет: «Как ни трудно мне подчас с Л. Н., но все—таки он меня одну любил, он был мне опорой и защитой, хотя бы даже и от детей»⁵⁸.

Софья Андреевна скончалась в ноябре 1919 г. О тех девяти годах, на которые она пережила мужа, дочь Татьяна напишет: «То, о чем мечтал для нее муж, частично исполнилось (.) Теперь ей стали менее чужды мировоззрения нашего на стала вегетарианкой».

7. Охота, любовь к животным и вегетарианский образ жизни

В работе 1997 г. Рональд Лебланк объясняет обращение Толстого к вегетарианскому образу жизни поздним «антисексуализмом» писателя. Он упрекает «современных историков вегетарианства в России», а именно В. И. Порудоминского (Москва, 1992) и Дудлея Гиля (Dudley Giehl, New York, 1979), в излишнем акцентировании «гуманитарных аспектов вегетарианства Толстого». И, действительно, вряд ли можно мотивировать (как это сделал Гиль) переход Толстого на вегетарианский режим питания исключительно состраданием к животным¹ – здесь задействована целая совокупность мотивов. Однако отрицать, что сострадание к животным играло при этом значительную роль, можно лишь не принимая во внимание несметное число высказываний Толстого об отношении человека к животному.

В 1992 г. В. И. Порудоминский написал краткую главу об охоте – феномене, занимавшем Толстого всю жизнь. Вспомним хотя бы сцены охоты в «Детстве», «Войне и мире», «Анне Карениной», «Казаках»! Толстой мастерски описывал охотничий азарт и ощущение счастья, испытываемое охотником, потому что знал и то, и другое: десятки лет Толстой сам много охотился; однажды, в 1858 г., он чуть не погиб во время охоты на медведя – этот эпизод описан в рассказе «Охота пуще неволи. Рассказ охотника» (1872)². Старшим сыновьям писателя с раннего детства позволялось охотиться на зайцев. Так, Илья Львович вспоминает «любимую охоту с борзыми», когда под наблюдением отца мальчики бросали отрубленные задние лапы (пазанки) зайца собакам в награду, а те ловили их на лету³.

Еще осенью 1883 г. Толстой стреляет вальдшнепов и охотится на зайцев, но уже годом позже пишет жене: «Я хотел попробовать свое чувство охоты. Ездить, искать, по 40–летней привычке, очень приятно. Но вскочил заяц, и я желал ему успеха. А главное совестно»⁴. 15 октября 1890 г. Толстой пишет предисловие к рассказу Черткова «Злая забава. Мысли об охоте», в котором можно найти следующий краткий диалог: «Молодой охотник (с уверенностью): Да что же дурного в охоте? Бывший охотник: Дурно без нужды, для забавы убивать животных»⁵.

То, что в случае Толстого сострадание к животным являлось весомым основанием для перехода к вегетарианству, подтверждают, не в последнюю очередь, дневниковые записи (сравним запись от 9 августа 1857 г.: «Бедность людей и страдания животных ужасны»⁶), повести (например, «Холстомер»), но прежде всего многочисленные записи дискуссий об обращении с животными, как домашними, так и дикими, имевших место в семейном кругу Толстых. Многие из этих разговоров запечатлены в яснополянских записках Маковицкого 1904–1910 гг. Иные из этих словесных баталий блистают юмором:

27 января 1905 г.: «У Льва Николаевича в спальне стоит мышеловка. Мышей, которые в нее попадают, Л. Н. относит в Чапыж (старый дубовый лес), шагов за 150 от дома. [Подобного рода отношение к животным было присуще и Чехову: по воспоминаниям священника С. Н. Щукина, мышей, попавших в мышеловку, он долго кормил, не решаясь выпустить их на волю, и пускал их в сад только тогда, когда становилось тепло. – П. Б.]⁷. – Ведь возвратятся, – возражает Софья Андреевна.

– Нет, это другие, – отвечает Л. Н.»

18 октября 1909 г.: «За обедом Софья Андреевна сказала Звегинцевой: – Я кур очень люблю.

– Они того не любят, потому что их режут, – заметил Л. Н.»⁸.

19 мая 1905 г.: «Андрей Львович дразнил Марию Александровну (Шмидт); говорил, что не может себе представить жизни без мяса.

Мария Александровна: Если бы тебе самому пришлось зарезать курицу для себя, ты отказался бы.

Андрей Львович: Не только курицу, и быка не зарезал бы, но застрелил бы.

Л. Н.: Верю, что застрелил бы. Если бы ты сам выращивал (кур), знал бы: это серая, это черная, или, как Игнат, (который), когда мать продавала мяснику овцу, с которой он, когда она была ягненком, (вместе) спал, напал на мать и стал ее бить за то, что она дает резать овцу, – ты бы не ел мяса»⁹.

Довольно широко известен эпизод с цыпленком, о котором сообщает Татьяна Львовна в своих воспоминаниях, – эта история могла произойти только в отсутствие Софьи Андреевны. Раз как—то осенью, когда Лев Николаевич остался в Ясной Поляне один с двумя дочерьми, в гости пожаловала тетя Татьяна. Дочери Толстого знали, что тетя любит хорошо поесть, особенно мясо, но им было отвратительно готовить для гостьи «труп». Пока они совещались, подошел отец и сказал, что он сам позаботится о меню для тети.

«Наступил час обеда, мы вошли в столовую. И что же мы там увидели? На приборе для тети лежал огромный кухонный нож, а к ножке стула была привязана живая курица. Бедная птица билась и тянула за собой стул. – Видишь? – сказал отец нашей гостье. – Зная, что ты любишь есть живые существа, мы тебе приготовили цыпленка. Никто из нас не может его убить, и поэтому мы положили для тебя этот смертельный инструмент. Сделай это сама. – Еще одна из твоих шуток! – воскликнула тетя Таня, смеясь. – Таня, Маша, сейчас же отвяжите бедную птицу и верните ей свободу. Мы поспешили выполнить желание тети. Освободив цыпленка, мы подали на стол приготовленные макароны, овощи, фрукты. Тетя все ела с большим аппетитом»¹⁰.

Своей «шуткой» Толстой выразил протест против «косвенного убийства» – к такому же приему прибегает и М. Арцыбашев в своей повести «Кровь». Подобного рода протест замечен в сцене, о которой сообщает Маковицкий 1 июня 1906 г.: за обедом обсуждался вопрос о вегетарианстве; в разговоре участвовали многие, и длился он долго.

Л. Н.: Больше всего помешало мне в утренней работе резание курицы. Ее крик, битье о землю, обтирание кровавого ножа о траву. Как это можно делать – курицу есть!

Лев Львович: Все—таки очень вкусно.

Софья Андреевна: Попробуй не дать прислуге мяса.

Л. Н.: Это их дело – сами едят ли мясо, режут ли для себя. Но не надо их заставлять для других.

Л. Н. говорил с таким огорчением и трогательностью, что у него горло защемило и слезы стояли в глазах.

25 ноября 1909 г. Маковицкий передает разговор за вечерним чаем по поводу статьи английского публициста Да—ниеля о вегетарианстве, об употреблении яиц (Charles William Daniel; издатель «The Open Road Magazine» в Лондоне). Толстой, соглашаясь и изумляясь: «„Ведь на самом деле мы их (кур) заставляем нестись, а когда снесут несколько яиц, их рассиживаем. Потом всех цыплят—петушков уничтожаем“». – Софья Андреевна: „А куда их девать?“ Л. Н.: „Я не говорю, куда их девать, а что это жестокость“. Софья Андреевна: „Не есть яйца – это крайность“. Л. Н. с этим согласился»¹¹.

13 июня 1906 г. Маковицкий записывает, что, по приказанию Софьи Андреевны, служанка Параша утопила 6 щенят. Никита и Паля Львовичи, когда услышали про это, ужасно плакали:

Л. Н.: Подобное было с нами, когда мы были детьми. В овраге нашли убитых щенков и тоже плакали. Вероятно, мальчишки убили их камнями.

Лев Львович спросил отца:

«Что было бы, если б не топили щенят, не резали домашних животных? Как бы они расплодились!»

Л. Н. (спокойно): «Это касается домашних животных, их не надо (разводить чрез меры). Дикие сами себя ограничивают».

На чье—то возражение Л. Н. сказал:

«Идеальное положение – есть фрукты. Не надо ни яиц, ни кур, ни лошадей».

Лев Львович: «Без домашних животных будет скучно, с ними приятно жить».

Л. Н.: «Дикие будут, (как) во времени Франциска Ассизского, садиться на плечи. (.) На Соловецких островах птица и иной зверь не боятся людей». [Примечание Маковицкого: У монахов там обычай не трогать птиц и зверей. Его соблюдают и паломники] ¹².

25 августа 1905 г. говорили о Саксе, социал—демократе. Толстой: «Он (Сакс) путешествовал с учениками (десятью учениками Тенишевского училища). В Соловках не обращал их внимания на старцев, на духовную жизнь монахов, странников, на вегетарианство (запрещают убивать дичь, лисицы приходят в монастырь); видел и показывал им только, как грязно живут годовики, как много работают (.) (и годовик там) постится весь год, не убивает животных» ¹³.

И в беллетристической форме в последние годы жизни Толстой выступает пропагандистом вегетарианства. В июле 1909 г. он диктует для своих внуков на фонограф сказку «Волк»:

Был один мальчик. И он очень любил есть цыплят и очень боялся волков.

И один раз этот мальчик лег спать и заснул. И во сне он увидел, что идет один по лесу за грибами, и вдруг из кустов выскочил волк и бросился на мальчика.

Мальчик испугался и закричал: «Ай, ай! Он меня съест!» Волк говорит: «Постой, я тебя не съем, а я с тобой поговорю».

И стал волк говорить человеческим голосом. И говорит волк: «Ты боишься, что я тебя съем. А сам ты что же желаешь? Ты любишь цыплят?»

– Люблю.

– А зачем же ты их ешь? Ведь они, эти цыплята, такие же живые, как и ты. Каждое утро – пойди, посмотри, как их ловят, как повар несет их на кухню, как перерезает их горло, как их matka кудахчет о том, что цыплят у нее берут. Видел ты это? – говорит волк.

Мальчик говорит: «Я не видел».

– А не видел, так ты посмотри. А вот теперь я тебя съем. Ты такой же цыпленок – я тебя и съем.

И волк бросился на мальчика, и мальчик испугался и закричал: «Ай, ай, ай!» Закричал и проснулся.

И с тех пор мальчик перестал есть мясо – не стал есть ни говядины, ни телятины, ни баранины, ни кур¹⁴.

Толстой все более открыто выражает свое отвращение к мясу; сравним запись Маковицкого от 25 апреля 1910 г.: «Я без отвращения не могу смотреть на мясное блюдо, когда на столе». На это Ольга Константиновна (урожд. Dite—richs, 1872–1951; первая жена Андрея Львовича Толстого, 1877–1916) заметила: «Это вопрос молочного хозяйства: бычков ведь надо отдавать на убой и быков, а коров в старости докармливать? Правда, без молока, по крайней мере взрослым людям, легко обойтись». Л. Н.: «Когда ходишь, нельзя обойтись, не топча муравьев. Надо стремиться умышленно не убивать»¹⁵.

15 октября 1907 г. в одном из разговоров Толстой возразил на замечание Татьяны Львовны о вегетарианстве: «кто—то записал о Пифагоре: удивляться нужно не тому, что Пифагор не ел мяса, а тому, что люди позволяют себе убивать животных». Безусловно, ему было известно, что эти строки принадлежат Плутарху: во втором томе «Круга чтения» за 24 сентября он перепечатал эти и другие замечания Плутарха о мясо—едении и позже включил их в свое собрание цитат о «безубойном питании»¹⁶.

30 мая 1908 г. Толстой вспоминает, что получил письмо от одного вегетарианца, который пишет, что у него страсть удить рыбу, и спрашивает, можно ли: «Странно, что об этом спрашивает, что ему нужен авторитет. Я ответил ему, что животных – от быка до комара – не следует убивать, а где остановиться – это дело каждого с самим собой». На это Софья Андреевна возразила: «Мне больше жаль срубить дерево, чем убить животное или букашку»¹⁷. Тема «границ вегетарианства» затрагивается и 13 мая 1909 г. У Маковицкого читаем: «Говорят сперва о курении. Толстой: „Папиросы – могу себе представить, что мог бы курить без отвращения, а мясо есть – нет“. Софья Андреевна заговорила о том, какой мир животных подо мхом. „Оторвала кусок мху, а под ним белые и еще двоякие черви и козявки; мох счищать нужно, где же граница вегетарианства?“ Толстой: „Нет границ вегетарианства, тут только дело постепенности. Если могу есть животных, тогда могу и человека“»¹⁸.

9 марта 1905 г. Толстой за обедом рассказывает, как в Туле в кремле показывали медведей в клетке. Мария Львовна сказала, что ей жалко животных, которые сидят в тесных и грязных клетках. Лев Николаевич стал рассказывать о том, как медведи мягко и ловко ходят и бегают. Указав на медвежью шкуру – ковер, он сказал: «Вот этот тоже так бегал»¹⁹.

Впрочем, Толстому приходилось оправдываться из—за своей одежды перед лицом «веганских» требований. «Вы совершенно правы, – писал он К. И. Муценеку 6 ноября 1909 г., – что, отрицая сознательное убийство живых существ, не следовало бы и пользоваться для одежды частями их тела, как—то: кожей, мясом. То, что я ношу кожаный пояс и кожаные сапоги и даже меховую шапку, никак не доказывает того, что это нужно делать, и что это хорошо, а только то, что несмотря на то, что считаю, что лучше бы было не носить кожи и меха, я в своей жизни не только в деле пользования телами убитых существ, но и во многом, многом другом, гораздо более важном, так далек от совершенства, что те усилия, которые я могу направить на улучшение своей жизни с начала в нравственном отношении, я нахожу более целесообразным направлять на исправление моих других, многих и более важных недостатков, чем пользование для своей одежды кожаными и меховыми предметами»²⁰.

8. «Алкоголь и табак»

«Я говорю, что есть три зла на свете: алкоголь, мясо, никотин». Так, по сообщению Маковицкого, говорил Толстой 14 февраля 1905 г.

В этот день в Ясной Поляне находился с визитом Анри де Вогюэ, сын знаменитого Эжена Мельхиора де Вогюэ (1848–1910), опубликовавшего в 1886 г. книгу «Русский роман» («Le roman russe»), которая открыла Западной Европе, в первую очередь французам, достижения русских в области искусства романа¹. Анри де Вогюэ спросил Толстого: «Курение вредно? Каким образом?» Толстой ответил: «Ослабляет мышление и делает неясным выражение»² [!]. Вогюэ: «Мой отец, когда пишет ночью, с десяти до четырех курит русские папиросы одну за другой, не переставая». Толстой: «Так, пожалуйста, передайте ему от меня, что этого не следует делать и чтобы он бросил курение». Когда Маковицкий хотел налить Л. Н. четвертую чашку чая, тот сказал: «Нет, чай за разговором – вроде курения»³.

Толстой курил десятки лет, и ему нелегко далось бросить эту привычку. Бирюков вспоминает: «В сознании его давно уже была решена необходимость расстаться с этой вредной привычкой, но сила привычки была так велика, что Л. Н.—чу пришлось тратить значительные силы для борьбы с нею. Он не раз бросал и снова начинал курить, наконец, именно весной этого 1888 года, он расстался с папироской окончательно. Мне вспоминаются эпизоды этой борьбы. Одним из доводов против курения была неделикатность по отношению тех присутствующих, которые по той или другой причине не выносят запаха курения.

И вот Л. Н.—ч старался не курить при гостях, а если ему очень хотелось курить, он уходил в прихожую, садился на ларь и закуривал папироску. Но гости, дорожившие беседой со Л. Н.—чем, также перекочевывали в переднюю и там образовывался своего рода клуб»⁴.

Когда знаменитый юрист А. Ф. Кони посетил Толстого 6 июня 1887 г., курение еще не было брошено. «Полчаса после обеда проводились на террасе, выходящей в сад, за питьем кофе и куреньем. (...) Лев Ник. слушал детский шум и хохот, обменивался короткими фразами с окружающими и... курил папиросу самодельной работы!»

1 марта 1888 г. Толстой пишет Е. И. Попову: «Табак тоже бросил, две недели совсем не курил, раз только»⁵. 20 мая 1888 г. Толстой получает от А. Т. Соловьева только что вышедшую брошюру о вреде курения, которую хочет переиздать⁶. Однако и позже Толстой время от времени возвращается к курению. В конце 1891 г. Д. Анучин вспоминает: «В это время Л. Н. был уже вегетарианец, но, кажется, еще не полный; так, напр. он уже бросал курить, но иногда, окруженный курильщиками, брал у них папиросу и для себя...»⁷. При всей своей строгости, Толстой все же старается «не жить подробно», допускать исключения.

Иногда он отмечает в дневнике случаи сильного курения и потребления алкоголя среди своих посетителей или при встречах. Так, 1 декабря 1888 г.: «Утром доктор (Ф. Г. Флеров) и (А. А.) Стахович. Оба алкоголе—никотинцы (.), а доктор даже лечит»⁸. В тот же день Толстой посещает школу: он замечает мутные, потухшие глаза учеников: «Фабрика, табак, бессонница, вино. (.) Все курят»⁹. 9 апреля 1889 г. «Дорогой раздал листки пьяным. Хорошо поговорил. Страшный вид разврата вина и табаку»¹⁰.

3 мая 1894 г. Толстой с возмущением отзывается о «поразительной по своей наивности» статье профессора Казанского университета М. Я. Капустина (род. 1847). Этот профессор—гигиенист написал статью о вкусовых веществах и при этом полемизировал с Толстым по поводу «Первой ступени». Толстой отмечает в дневнике: «Он хочет показать, что всё, что люди употребляют: сахар, вино, табак, опиум даже – необходимо в физиол(огическом) отношении. Эта глупая, наивная статья была мне в высшей степени полезна (.) Люди пьют вино,

курят табак, и наука ставит себе задачей физиологически оправдать употребление вина и табаку. Люди убивают друг друга, наука ставит себе задачей оправдать это исторически»¹¹.

Позже Толстой окончательно бросит курение. И. И. Попов сообщает об обеде в Ясной Поляне осенью 1903 г.: «Соф. Андр. занимает „хозяйское место“ за столом; Лев Николаевич садится на противном конце стола, и около него собираются все „вегетарианцы“, то есть питающиеся растительной пищей и молочными продуктами. На стол подаются мясные блюда для Софьи Андреевны и гостей и растительные – для Льва Николаевича и его двух старших дочерей. За столом прислуживает лакей в белых перчатках. Лев Николаевич любит предлагать свою „овсянку“ гостям и сам ее разливает. Иногда он шутит насчет „убоины“.

За обедом нет вина, ни водки; пьют квас, содовую воду и молоко, подающееся в изобилии, от собственных коров. Наверху никто никогда не курит, почему там нет ни пепельницы, ни спичек. Курительная комната внизу, но и там мало курят»¹².

Вряд ли у Толстого встретила сочувствие одна еврейская табачная фабрика в Нью-Йорке, которая 1 июня 1906 г. попросила у него разрешения назвать его именем сорт сигар¹³.

Два года спустя, как сообщает А. Б. Гольденвейзер, еще одна табачная фабрика прислала Толстому на 80-летие большой картонный ящик папирос с надписью золотыми буквами. Толстой написал им письмо, в котором поблагодарил фирму; папиросы, правда, были отправлены обратно под предлогом того, что он сам давно уже не курит и передавать их кому-нибудь не хочет, считая курение вредным. Он пишет, что оставляет себе ящик и одну коробку папирос, которую Софья Андреевна отвезет в музей, куда она отвозит все, относящееся к его восьмидесятилетию¹⁴.

* * *

«Пьянство в жизни необходимо. Ежели не пьянство наслажденья, то пьянство труда»¹⁵. Эту запись Толстой сделал в записной книжке 20 мая 1857 г. во время пребывания на Женевском озере. О «пьянстве наслажденья» он знал не понаслышке – в том числе из тех ситуаций, где оно обусловлено общественными ритуалами: кто же не читал описания кутежа в «Войне и мире»? Правда, в отношении себя Толстой рано принял решение по возможности отказаться от алкоголя. «Не надо пить вина и режим негорячительный – постоянно» (запись в дневнике от 15/17 июня 1857 г.)¹⁶.

После «перелома» одним из самых важных личных дел Толстого станет борьба с пьянством. В конце 1887 г. по его инициативе было основано общество трезвости. Толстой составляет текст короткого заявления о вступлении в «Согласие против пьянства».

Ужасаясь перед тем страшным злом и грехом, которые происходят от пьянства, мы, нижеподписавшиеся, порешили: во—первых, для себя никогда не пить пьяного – ни водки, ни вина, ни пива, ни меда и не покупать и не угашивать ничем пьяным других людей; во—вторых, по мере сил внушать другим людям, и особенно детям, о вреде пьянства и о преимуществах трезвой жизни и привлекать людей в наше согласие.

Просим всех согласных с нами заводить себе такой же лист и вписывать в него новых братьев и сестер и сообщать нам.

Братьев и сестер, изменивших своему согласию и начавших опять пить, просим сообщать нам об этом. Первые записавшиеся братья и сестры¹⁷.

Агитация продолжается до 1890 г. В архиве Толстого содержится 744 подобных записки с подписями¹⁸. Проводимая акция вызывает, наряду с радостным одобрением,

также и скепсис относительно ее эффективности – такова была, например, реакция юриста и писателя Александра Владимировича Жиркевича (1857–1927), подписавшего обязательство, несмотря на личные сомнения. Толстой уверяет, что это только начало. Желательно, конечно, заменить алкогольные увеселения – безалкогольными, открыть клиники для алкоголиков и издать брошюры о вреде пьянства. Подобные брошюры выходят потом при содействии Толстого в издательстве «Посредник» (в том числе брошюра врача П. С. Алексеева: «О вреде употребления крепких напитков». М., 1888). Толстой обращается к И. Е. Репину с просьбой создать иллюстрацию с виньетками, которая показывала бы пьянство во всех его формах и состояниях, а также просит о дальнейших иллюстрациях¹⁹. Обращается он и к основателю московской Третьяковской галереи, Павлу Михайловичу Третьякову, прося о помощи в вербовке членов, особенно среди рабочего населения²⁰. Сыновьям – Илье и Сергею – Толстой сообщает в конце апреля 1888 г., что общество трезвенников имеет большой успех, правда, один, некий (Д. Д.) Козлов, «успел подписаться и выпить»²¹; от Ильи же отец ожидает, чтобы тот бросил две скверные свои привычки: алкоголь и табак.

18 марта 1889 г. в письме А. И. Ярлышину, автору нескольких брошюр, посвященных борьбе против пьянства, Толстой сообщает о том, что согласие насчитывает уже около 1200 членов. Печатание листков и брошюр продолжается. К ним относится и статья «Борьба с пьянством» базельского профессора физиологической химии Густава Бунге – «основателя современного движения трезвости на научной основе», вышедшая до этого в журнале «Русское богатство»²².

Своей воздержанности от алкоголя Толстой остается в основном верен. Софья Андреевна в 1898 г. в дневнике жалуется о том, что пить за Льва Николаевича по случаю его 70-летия²³ – нельзя, ведь он как—никак проповедует воздержание. Пить за здоровье без алкоголя было в то время, очевидно, совершенно невыносимо.

Горьким разочарованием для Толстого было то, что крестьяне, которых он встречал пьяными на улице и которых пытался убедить в пагубности алкоголя, нередко оставляли его увещевания без внимания. Один из них привел следующие аргументы: разве церковь, которая употребляет вино и масло, Христос, который на свадьбе в Кане превратил воду в вино, царь, повышающий налоги на алкоголь, – разве все они не знали, что делают?²⁴ Однако Толстой проявлял и понимание того, что в алкоголе – утешение для народа в его плачевной жизни. 20 декабря 1908 г. Н. Н. Гусев цитирует разговор о пьянстве. По сведениям Маковицкого, только в Москве и в Московской губернии ежегодно пропиваются 38 миллионов рублей. Толстой замечает: «Я хотя и всегда радуюсь, когда перестают пить, но осуждать не поднимается рука. (.) Для них (для народа) водка заменяет все наши (.) концерты, театры...»²⁵.

23 августа 1907 г. Маковицкий отмечает в своих записках, что книги издательства «Посредник» о вреде пьянства почти распроданы. К ним относится также и сочинение профессора А. И. Воейкова о соотношении алкоголя с пищей и другими напитками. В июле 1909 г. Толстой приходит в восторг, узнав о вышедшей в Цюрихе книге Штумпа и Вилленегера «К вопросу алкоголя» («Zur Alkoholfrage»)²⁶.

Иногда Толстой выпивал стакан вина. Это удивило Тома—ша Масарика во время третьего его посещения Ясной Поляны в конце марта 1910 г. Он спросил своего соотечественника Маковицкого, почему Толстой пьет вино. И есть ли в квасе, который пил Маковицкий, алкоголь... «Масарик проводит трезвость последовательно. Теоретически желает быть вегетарианцем, мясо ест только потому, что пока, в наше время, вегетарианский стол представляет неудобство домашним, у которых гостит, и рестораторам»²⁷ – мотив отклонений от вегетарианского режима, с которым мы сталкиваемся и по сей день; газеты сообщали о швейцарском бундесрате Моритце

Лойенбергере – он, в принципе, вегетарианец, – что, будучи президентом Швейцарской Конфедерации, он в 2001 г. во время официального визита в Словению не захотел нарушать протокол и потому ел «гусиную печенку за Родину»...

Впоследствии Маковицкий рассказал Толстому, что посетитель из Словакии полюбывал относительно (выпитого им) вина. Толстой заметил: когда он пил вино, то, конечно, думал о том, что Масарику это не понравится; но все же выпил. «Борюсь с тем, чтобы не делать чего потому, что другие не одобряют или хвалят. А только по своему суждению». До сих пор, – добавляет Маковицкий, – Л. Н. пил красное вино, когда чувствовал себя нездоровым или слабым. Потом перестал. С этого дня Л. Н. совсем перестал пить²⁸.

9. Духоборцы

Духоборцы, или духоборы, – религиозная секта, возникшая, вероятно, около середины XVIII века. Ее приверженцев Александр I в 1802 г. сослал на Кавказ на относительно мягких, либеральных условиях. Духоборцы отвергали государство (а с ним и присягу), военную службу, частную собственность и ритуальную сторону религии. Название «духоборы» было дано им архиепископом Амвросием Серебренниковым в 1785 году и означало «борцы с духом»; позднее приверженцы секты стали толковать это название противоположным образом: «борцы за дух». При Николае I, в период между 1841 и 1845 гг., духоборцев переселили в отдаленное Закавказье; они подвергались преследованиям вплоть до 1890–х гг. Тогдашний глава общины – Петр Васильевич Веригин (1862–1924) – в тюрьме читал Толстого. Под впечатлением от этого чтения он дал духоборцам «толстовское» имя – «община христиан всемирного братства», – став убежденным последователем учения о непротivлении злу насилем и вегетарианства, которое духоборцы, верившие в реинкарнацию, частично практиковали и до этого. В июне 1895 г. Веригин подвигнул около 20 000 духоборцев, живших на Кавказе, на уничтожение оружия в торжественном обряде. Правительство выслало казаков, чтобы «восстановить порядок». Земли духоборцев были конфискованы, 4 300 человек были сосланы в грузинские горные деревни¹, их предводители – арестованы. После этого на Кавказ отправился П. И. Бирюков, и Толстой анонимно напечатал его подробный отчет под заголовком «Преследование христиан в России в 1895 г.» («The Persecution of Christians in Russia in 1895») в лондонской «Times».

Петр Веригин, находившийся в ссылке в Тобольске с 1886 г., в 1898 г. направил на имя императрицы Александры Федоровны прошение, в котором объяснял причину уклонения духоборцев от воинской повинности их вегетарианским образом жизни. «Умоляю тебя, сестра во Христе Господе – Александра, упроси супруга своего Николая пощадить от гонения христиан на Кавказе. (...) Тебе, вероятно, известно учение вегетарианства, мы сторонники этих гуманитарных взглядов; недавно оставили употреблять в пищу мясо, пить вино и много такого, что ведет к развратной жизни и затмевает светлость души человека. Не убивая животных, мы человека лишать жизни ни в каком случае не считаем возможным. (...) От полной души прошу Господа о благоденствии Вашей семьи. Раб Христа Петр, живущий в ссылке в Тобольской гу—бернии»².

Соратники Толстого Чертков и Бирюков не раз заступались за духоборцев. Толстой собирал деньги, торопился как можно скорее закончить роман «Воскресение», над которым работал с 1889 г., для того чтобы пожертвовать гонорар духоборцам; в письме стокгольмской Dagblad осенью 1897 г. он ратовал за то, чтобы им присудили Нобелевскую премию мира в размере 100 000 рублей³. «Воскресение» вышло в журнале «Нива» в 1899 году. При содействии квакеров Толстой, наконец, добился для духоборцев разрешения переселиться в Канаду.

Письмо П. Веригина, усилия Л. Толстого и его соратников, наконец, поддержка квакеров возымели действие, и в 1899 г. было получено официальное разрешение на переселение духоборцев в Канаду, которое тогда же и началось (лишь немногие остались в России)⁴. По приезде в Канаду 7 400 духоборцев начали вести фермерское хозяйство в провинции Манитоба, в пшеничных краях Саскачевана и Альберты.

Пища имела для духоборцев глубоко символическое значение. При каждом религиозном собрании на стол ставился большой круглый хлеб, кувшин воды и чаша с фруктами. Трапезничали деревянными ложками; начинали часто с капусты или борща. Духоборцы отдавали предпочтение фруктам, блинам, каше, пирогам и зеленой фасоли, а также свежим

овощам, помидорам, салату и кукурузе. Потребляли молочные продукты, яиц же в пищу почти не использовали. Обычным напитком был чай с лимоном, а также сок красной смородины и черники.

Если обособление духоборцев в России было навязано правительством, то в Канаде они обособились сами, так как образ их жизни и питания не соответствовал и канадским обычаям и законам. Лишь часть духоборцев, около 1000 человек, покинула общину и ассимилировалась с канадским обществом⁵. Еще одна часть (около 2000 чел.) – «свободни—ки», более радикальные по духу, нежели большинство, – в августе 1902 г. отреклась от П. Веригина, который был выпущен на волю и последовал за своими сподвижниками в Канаду. «Свободники» отказывались потреблять животные продукты, питались только сырой пищей, не ели и хлеба, пренебрегали одеждой из меха, кожаными сапогами и другими изделиями животного происхождения, отпускали скот пастись на волю, почитая за грех использовать его как рабочую силу; провокационно прибегали к нудизму: как—то они даже подошли в марше протеста к г. Виннипегу, где были разогнаны полицией, а предводители временно арестованы. Они решительно отказывались адаптироваться к канадским условиям, тем самым обрекая себя и в Канаде на порой довольно жестокие преследования: духоборцев разлучали с женами и детьми, насильно принуждали переселяться обратно в их деревни; арестованных подвергали в тюрьмах пыткам⁶:

Когда нас заарестовали на 6 месяцев, мы тогда, в это время, кормились орехами и яблоками. И был за нами строгий надзор, чтобы узнать, именно ли мы можем обойтись без хлеба. Три раза в день от нас хлеб переменили, чтобы свеженький лежал. Ну, мы крохи не тронули. Потом стали нас весить через день; потом опять стали нас мучить и издеваться над нами всячески. (...) Мы просили много раз: не трогайте нас, не мучьте, зачем вы нас заставляете хлеб есть? Мы можем обойтись без него, мы от пищи фруктовой были здоровы и легки. Правду говорю, по опыту, что можно и должно кормиться фруктами, истинно, я сам пробовал 5 месяцев кормиться одними фруктами и был бы очень здоров, если б не мучили да пиньками не ширяли.

И еще вздумал доктор поить бульоном. Стали нам добровольно бульон давать. Мы не приняли. Они стали руки приковывать к стулу, и полисмен держал, а доктор раздирал рот железной ложкой (.). Потом доктор заправляет резиновую кишку в рот. До тех пор мучили, что с меня пот льет так, что становлюсь весь мокрый. А когда вправит кишку в рот, тогда сымают жир с бульона и заливают в эту резиновую кишку, наливают, как в кадуюшку. Мне пять раз заправляли кишку и пять раз заливали. А мы хлеб потому не ели, чтобы указать народу, что можно жить без хлеба. (.) Они, правители рассчитывали, что мы помрем без хлеба, а того не могли понять, что сами умертвляли нас, желая спасти нас от смерти⁷.

Как видно, и свободные общества демонстрируют неспособность к проявлению терпимости по отношению к укладам жизни, отклоняющимся от нормы, даже в такой просторной стране, как Канада.

Толстой узнал о судьбах духоборцев, переселившихся в Канаду, из свидетельства И. Наживина в книге «Голоса народов» (М., 1908). Однако уже в феврале 1903 г. в письме к П. В. Веригину Толстой дает совет, чтобы тот как можно умереннее употреблял свой авторитет руководителя, и уповает на то, чтобы «те, которые считают, что не надо пользоваться трудом животных, так же как и те, которые живут оседло земледелием, считали бы возможным любовь и единение между собою, несмотря на различие взглядов...»⁸. В письмах от 2 января и от 3 марта 1904 г. писатель выражает радость по поводу материального благосостояния,

достигнутого общиной, при этом высказывая пожелание, чтобы духовные устремления от этого не пострадали⁹. Весной 1910 г. Толстой получает из Канады письмо от большого собрания духоборцев, состоявшегося 25 января 1910 г. в деревне «Веригин» (наименование указывает на существование известного культа личности...). В протоколе собрания говорилось: «Насколько возможно стараемся перейти на чисто—вегетарианскую растительную пищу, чтобы обойтись без скотоводства, а взамен всего заняться садоводством и пчеловодством. Для такой цели уже приобретено в Бритч—Колумбии около десяти тысяч акров земли, на которой вот уже два года живут наши братья и сестры». В собрании, которое длилось четыре дня, приняли участие представители 42 деревень¹⁰.

Ситуация духоборцев, переселившихся в Канаду, была позднее также описана «апостатами», чьи свидетельства православная церковь печатала в брошюрах, направленных на борьбу с сектантством. В этих брошюрах речь идет и о чисто растительных предписаниях духоборцев в еде, и об их негативных последствиях, а также в целом о радикализации различных группировок¹¹.

Часть духоборцев осталась в царской Империи. Из них пять тысяч проживали после Октябрьской революции в грузинском Закавказье близ турецкой границы. Советская власть, вплоть до конца гражданской войны проявлявшая по отношению к крестьянским сектам «не только высокую степень терпимости, но даже известное покровительственное отношение»¹², в конце 20-х гг. взялась за их систематичное притеснение. В ознакомительной брошюре Ф. Путинцева «Духоборье», изданной акционерным обществом «Безбожник» в 1928 г., представлен негативный образ жизни этой общины. В частности, о питании сообщается следующее: в целом духоборцы едят постное, но мясное по праздникам и у более зажиточных по будням. Иногда потребляют дикую птицу и рыбу. От однообразной и грубой пищи у духоборцев часты катаральные болезни желудка...¹³

10. Вегетарианство Толстого и советская власть

«Имя „Лев Толстой“ и понятие „вегетарианство“ давно слиты воедино, неразрывно связаны, – заявляет В. И. Пору—доминский в начале своей статьи „Толстой и этика пищи“, напечатанной в 1992 году. – ... Всякое упоминание о вегетарианстве почти неотвратимо тянет за собой в качестве примера ссылку на Льва Толстого, как в ряду ассоциаций вслед за упомянутым именем Льва Толстого, вместе с „Войной и миром“ и „Анной Карениной“, Ясной Поляной, Севастополем, мужиками, пахотой, седой бородой, серой блузой, неизбежно оказывается вегетарианство». Можно смело утверждать, что это замечание, сделанное в 1992 г., нельзя отнести к советскому времени.

Приверженцы вегетарианства, разумеется, рассчитывали на то, что после периода как тайного, так и явного подавления вегетарианства при царизме, с победой Октябрьской революции наступит время, когда и эта сторона личности Толстого получит всеобщее признание, а это будет оказывать на общество широкое воздействие. Такие надежды нашли трогательное выражение в одном из писем врача Толстого Д. П. Маковицкого. Вернувшись на родину (в Словакию), он написал в 1920 г. письмо, которое, однако, так и не было отправлено – черновик хранится в архиве Д. П. Маковицкого в Братиславе. Автор обращается к А. В. Луначарскому, первому народному комиссару просвещения, с предложением теперь, после революции, включить в учебные программы советских школ азбуки и книги для чтения Толстого «Для чего люди одурманиваются?» и «О вегетарианстве (первая степень)» [т. е. «Первая ступень»] ¹. Очевидно, Маковицкий не был знаком со статьей В. И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», напечатанной в газете «Пролетарий» (сентябрь 1908, № 35) и впоследствии очень известной. Будущий вождь излагал в ней свой взгляд на приверженцев Толстого: «...„Толстовец“, т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себе грудь, говорит: „Я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь рисовыми котлетками“» ².

В СССР о вегетарианстве Толстого – насколько это было возможно – умалчивали. В комментариях к 90-томному Полному собранию сочинений Л. Н. Толстого этот вопрос затрагивается лишь вскользь там, где это оказалось неизбежным. Наряду с этим собранием сочинений, подготовка которого была начата в 1918 году под общей редакцией В. Г. Черткова ³, предусматривалось выпустить «Свод» мыслей Толстого в десяти томах, который должен был выйти в 1928 г. Этот свод должен был представлять собой «грандиозную энциклопедию мыслей Толстого» и охватывать «все основные, главные проблемы жизни человеческой и извлеченных из всех, изданных и неизданных еще, произведений Толстого – мыслителя и художника, из всех его дневников, писем и т. д.». Над этим проектом работал сперва В. Г. Чертков, а затем, вплоть до своей смерти, Ф. А. Страхов (1861–1923). Этот свод был подготовлен к печати в 1926 г.: И. Горбунов—Посадов в сборнике «К столетию Л. Н. Толстого» (1927) глубоко сожалел о том, «что, несмотря на все усилия В. Г. Черткова, ничего не предпринято еще» для печатания этого компендиума ⁴. Кстати, по поводу сороковой годовщины основания «Посредника» Н. Н. Гусев подчеркивал, что это издательство «в области личной нравственности» проявило себя «изданием ряда книг по вегетарианству (безубойному питанию) и половому вопросу» ⁵.

В связи с юбилеем Толстого в 1928 г. журнал «Гигиена питания», орган «Ленинградского научно—гигиенического вегетарианского общества», опубликовал краткую программную статью А. Миронова, озаглавленную «Л. Н. Толстой и вегетарианство» ⁶. В ней говорится: «. Л. Н. Толстой имеет свои отрицательные стороны. К числу таковых следует

отнести его учение о непротивлении злу», противоречащее эволюционной теории Дарвина и «неизбежности классовой борьбы, научно обоснованной и детально разработанной тов. Лениным». И далее:

Л. Н. Толстой был вегетарианцем и пропагандировал вегетарианство, как протест против страданий животных при закалывании [и] против досрочного лишения их жизни. Его обоснование вегетарианства было этическое, гуманное, основанное на христианской буржуазной идее о непротивлении злу. (...)

[Пропагандируя эту идею. – П. Б.], церковь и капитал парализуют негодование масс, готовое вылиться в классовую революционную борьбу, и порождают политическое движение, именуемое нами социал—демократией предателей меньшевиков.

Вот почему научно—гигиеническое вегетарианство борется с вегетарианцами, пропагандирующими непротивление эксплуататорам. (...)

Мы против профанации Л. Н. Толстого, которая ведется вегетарианцами—этиками, вырвавшими из его произведений теорию о непротивлении злу, несомненно случайную ошибку Л. Н. Толстого, и старающимися использовать эту идею.

Мы за научно обоснованное вегетарианство, мы за реформу питания в интересах всей массы Пролетариата, мы за рациональное здоровое питание социалистического общества.

Мы уверены, что при рациональном реформированном питании рабочие, крестьяне и трудящиеся СССР сэкономят не только свои физические силы, но и будут иметь ежегодно 1 500 000 000 рублей экономии, которые они смогут вложить в государственные займы. (.)

Подготовка и агитация реформы питания в условиях неизбежной близкой войны [! П. Б.] является нашей первейшей задачей.

(...) мы уважаем его [Толстого] как пламенного обличителя всех врагов трудящихся, в том числе и тех вегетарианцев, которые именуют себя толстовцами (сектантами) и тем самым унижают Л. Н. Толстого в глазах пролетариев своим пристрастным и неправильным толкованием его учения.

Неудивительно, что «Свод» мыслей Толстого, собранный Чертковым, напрасно ждал своего часа. Другая статья в том же номере журнала носит название «К юбилею Толстого»⁷. Так же как Вольтер расчистил почву для Конвента, – заявляет автор д—р Е. Изаксон, – так и Толстой подготовил путь Советам. «Может быть, что Толстой, разрушая старое, думал о новом иначе; но исторический ход вещей более логичен и последователен, чем отдельный, даже самый могучий ум». Толстой, написавший шедевры мировой литературы, «жалеет о написанном и предпочитает ему сухие, абстрактные, религиозные формулы; после излишеств светской жизни он переходит на босоножество, „толстовку“ и вегетаризм». Но на эту перемену не надо смотреть под углом непротивления злу. Такие приверженцы Толстого полагают,

(...) что вегетарианская идея явилась у Толстого как плод религиозных исканий. Но дело объясняется гораздо проще. От такого тонкого наблюдателя, как Толстой, не могло, конечно, ускользнуть, что вся масса крестьян, окружавшая его, питаясь главным образом овощами и молочными продуктами, была гораздо здоровее и работоспособнее городских мясоедов. Кроме того в своей жизни Толстой на самом себе испытал благотворность растительно—молочного режима. Ратуя против излишеств и аномалий всего

городского уклада, Толстой, само собой разумеется, включил и вегетаризм в один из символов своей морали.

Оставляя за другими художественную оценку великого писателя земли Русской, считаем своим долгом подчеркнуть, что в лице Толстого мы чтим революционного мыслителя и пропагандиста вегетарианской идеи.

Третьим в «Гигиене питания» следует «Привет одесским вегетарианцам». Сообщается, что в Одессе было основано «Одесское научно—гигиеническое вегетарианское общество», принявшее устав Ленинградского общества (Л.Н.Г.В.О.): «Особенно нас радует, что в борьбе религиозно—этического вегетарианства с научно—гигиеническим победили наука и здравый смысл. Этим самым положен конец мистическим бредням. (.) Приветствуем от всей души новое Общество и желаем, чтобы научная вегетарианская идея на юге ярко блистала и освещала путь рационального питания, которое должно привести к оздоровлению социалистического общества»⁸.

Но даже такое «приспособленчество» – по выражению советских времен – не помогло: в 1930 г. слово *вегетарианское* исчезло из названия и с титульного листа журнала.

Не удивительно поэтому и то, что в объемной статье о Толстом во втором издании Большой Советской энциклопедии (1956) слово *вегетарианство* отсутствует, а вопросы питания вообще не затрагиваются⁹. И все же в томе на букве *В* (1951 г.) в словарной статье *вегетарианство* есть упоминание о том, что Толстой в 1892 г. своей статьей «Первая ступень» «популяризировал» вегетарианство.

В 1965 г. в журнале «Филологические науки» появилась статья Б. Трубецкого под названием «Л. Н. Толстой в воспоминаниях кишиневского журналиста». Вряд ли кто—нибудь мог бы подумать, что этот текст имеет прямое отношение к теме «Толстой и вегетарианство». Тем не менее, в нем действительно приводятся выдержки из описания встречи И. О. Перпера с Толстым в Ясной Поляне 1 июня 1909 г., которое И. О. Перпер напечатал в своем журнале под заголовком «У Льва Николаевича Толстого и его друзей (Вегетарианская поездка)». Б. Трубецкой сообщает: «Этот очерк не вошел в двухтомник „Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников“ (1955), не перепечатывался, а потому неизвестен широкой читательской публике. (...) Очерк И. О. Перпера дает ряд новых сведений об облике и жизни Л. Н. Толстого (...)»¹⁰.

К эзопову языку прибегает также и Гр. Кулижников, автор статьи, напечатанной 7 октября 1983 г. в газете Московского университета: «„Быть воздержанным в питие [sic!] и пище“. К 155—летию со дня рождения Л. Н. Толстого»¹¹. Под этим безобидным заголовком скрывается краткое, но информативное изложение отношения Толстого к вегетарианству. Указывается на «Первую ступень», а также на труды А. Бекетова и А. Воейкова. Впрочем, это было уже в преддверии перестройки. С ее приходом А. С. Коваленко (кандидат физико—математических наук!) в еженедельнике «Книжное обозрение» в 1988 г. категорически требует: «Опубликовать... Л. Н. Толстого!». В обвинительном тоне он указывает на то, что ни «Азбуки», ни «Книги для чтения» он не нашел в каталоге Научной библиотеки АН УССР, фонды которой составляют 10 млн книг. Эти сочинения Толстого были перепечатаны только в 1978 и в 1987 годах «мизерным тиражом» всего в 20 тысяч экземпляров, а другие педагогические и религиозные сочинения появились после 1917 года только единожды в 90—томном Полном собрании сочинений (5 000 тысяч экземпляров) и, таким образом, в СССР практически неизвестны даже учителям. Трескучие декларации о том, что «за годы Советской власти сочинения Толстого изданы тиражом свыше 200 млн экз. на 98 языках.» – «на поверку оказываются самой примитивной „лицемерной ложью“, столь свойственной официальной пропаганде в минувшие десятилетия. Ибо массовыми тиражами издано лишь небольшое число программных сочинений великого писателя». Между тем при царизме толстовские

сочинения нравственно—педагогического характера были рекомендованы Министерством народного просвещения в качестве учебных пособий для школ, несмотря на то что они были направлены против существующего режима¹². К сочинениям Толстого, никогда после 1917 г. отдельно не публиковавшимся и практически недоступным, относится, безусловно, и эссе «Первая ступень»: в печати оно появилось вновь не ранее как в 1994 и 1998 гг.¹³ — наряду с другой «вегетарианой» Толстого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.